МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

ВАМИ КАЗНЕННЫЙ

РОМАНЪ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

ИЗД. „СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОТЕКА“
МОСКВА—1915

МОСКВА.
Тип. «Московское Печатное Пр-во» Вл. Венгерова, Мясницкая, 20.
Телефонъ 1-88-49.

Кто первый бросить въ него камень?

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

— Яко внидоша воды до души моея...

Косой быстрый взглядъ влажныхъ глазъ. Саввинская останавливается, но Роговъ продолжаетъ слышать ея голосъ, который точно прикасается или входитъ въ него. И это осязаютъ они оба: и онъ, и она. И не только она, но всѣ. Именно отъ этого у нея короткое, учащенное, обрывающееся на полусловѣ дыханіе.

Роговъ старается не поднимать рѣсницъ.

— Углѣбохъ въ тимѣніи глубины и нѣсть постоянія. Это значитъ: я потонулъ въ пучинѣ, и у меня нѣтъ... ну, какъ ее? Ну, точки опоры, что-ли...

Она пожимаетъ плечами: обычная манера всѣхъ епархіалокъ старшихъ классовъ. Онѣ недоумѣваютъ, чего отъ нихъ требуютъ. Все такъ странно и скучно.

— Ну-съ,—говоритъ Роговъ, раздражаясь на эту манеру, и они встрѣчаются глазами.

Глаза испуганные, умоляющіе.

— Пріидохъ во глубины морскія и буря потопи мя...

Въ классѣ шорохъ, движеніе, трескъ мебели. Надвигается точно шквалъ. Ему кажется, что всѣ взоры обращены на него и на нее. На мгновеніе краска приливаетъ ко лбу. Чтобы стряхнуть очарованіе, онъ поднимаетъ глаза. Отъ голубыхъ стѣнъ плыветъ сонно-голубое, и на немъ склоненныя надъ партами головы двоятся свѣтло-бѣлыми контурами. Молоденькая классная дама, Введенская, точно преодолѣвая сонъ, перестаетъ быстро вязать крючкомъ, удивленно взглядываетъ на него и опять опускаетъ голову.

Ему показалось. Ищетъ толстымъ пальцемъ потерянное мѣсто въ книгѣ. И опять шумъ и шорохъ, таинственное движеніе подъ партами рукъ и ногъ. Выпрямляется, слегка расправляетъ затекшіе члены и говоритъ:

— Довольно.

Рука его твердо и рѣшительно выводитъ въ журналѣ большую жирную тройку.

— Ахъ, ахъ!

На этотъ разъ громкое протестующее движеніе рукъ, головъ, плечъ.

— Гавгамельская! Ирисова!

Молоденькая Введенская вытягиваетъ шею и сердито трясетъ головою, такъ что дѣлается немного страшно за ея накладную прическу.

Впрочемъ, она сейчасъ же сама и съ тайной гордостью поправляетъ ее съ обѣихъ сторонъ руками. Но ей объясняютъ знаками, причемъ успѣваютъ внимательно и съ завистью осмотрѣть и ея накладные волосы, что такъ нельзя. Это, понимаете ли, гоненіе, прижимательство. Послѣ этого никто изъ нихъ не хочетъ смотрѣть на Рогова.

«И очень радъ».

Онъ такой большой, свирѣпый, и у него, вѣроятно, сейчасъ страшно злые глаза. У, какой бука! Нѣкоторые даже демонстративно отвертываются. Роговъ чувствуетъ облегченіе. Ну, чего же она стоитъ? Она можетъ садиться.

Сдѣлавъ холодный реверансъ, она, не поднимая рѣсницъ, быстро поворачивается и идетъ на мѣсто. Стараясь не смотрѣть, онъ видитъ ея высокую, тяжело волнующую его талію съ бѣлымъ пышнымъ бантомъ назади и склоненный затылокъ съ пушистою, точно прозрачною желтою косою и чуть замѣтнымъ узоромъ свѣтлаго пуха на шеѣ. Такой же пушокъ покрываетъ у нея видимую часть рукъ, и, вѣроятно, все тѣло.

А вѣдь это нехорошо такъ думать! Но Роговъ твердо не знаетъ, хорошо это или нехорошо. Онъ слышитъ, какъ она медленно заноситъ ногу и тяжело и вмѣстѣ легко садится за парту, издающую пріятный скрипъ. Глаза у нея удивленные. Она смотритъ въ окно, привычнымъ милымъ

жестомъ оправляя темно-красную юбку. Чувствуется, что у нея твердые, массивные члены, широкая талія.

Болѣзненно поморщившись, чтобы отогнать нехорошія мысли, онъ переводитъ глаза влѣво и видитъ, какъ на сѣро-желтой пыльной картѣ, занимающей почти всю стѣну, Волга скучно впадаетъ въ Каспійское море.

Онъ пробуетъ вызвать Ирисову. Маленькая, похожая на куклу, дѣвушка, усмѣхнувшись, встаетъ и подходитъ къ кафедрѣ. У нея короткія ноги, и отъ этого она смѣшна въ своей длинной юбкѣ. Роговъ испытываетъ къ ней непріятное чувство.

Она нетерпѣливо морщитъ брови, но, на самомъ дѣлѣ, ей хочется плакать. Еще больше ей хочется провалиться сквозь землю.

Кто-то что-то шепчетъ, нагибаясь съ парты. Она дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе рукою, означающее: «ахъ, оставьте меня всѣ».

Дрожащими крохотными ручками, точно изъ фарфора или нежнущейся мастики, она высоко поднимаетъ книжку къ самой верхней части развитой не по росту груди и робко взглядываетъ голубыми стеклянными глазами.

И Рогову дѣлается жаль этой маленькой и смѣшной дурочки. Онъ улыбается.

Классъ отвѣчаетъ сначала движеніемъ, потомъ смутнымъ гуломъ. Онъ взглядываетъ. Всѣ взоры устремлены на маленькую куклообразную дѣвушку. Пожатія плечъ, небрежныя позы. Такъ вотъ кому онъ улыбнулся.

Маленькая тумбообразная коротышка отвѣчаетъ заносчивымъ вздергиваніемъ носика-пуговки. Рогову нравится эта игра и, участливо нагибаясь съ кафедры, онъ задаетъ ей густые, басовые, пугающіе вопросы. Вздрагивая подъ ними, точно подъ ударами грома, восхищенная и преображенная его неожиданною лаской, она продолжаетъ.

Саввинская сидитъ, точно оглушенная, застывшая въ неподвижной позѣ. Глаза ея разсѣянно устремлены въ окно. Видно, какъ съ верхняго карниза падаютъ крупныя алмазно-блестящія капли первой настоящей весенней оттепели.

Бѣдная, покинутая, она вызываетъ общее состраданіе. Событіе комментируется быстрыми взглядами, поджиманіемъ губъ, наклоненіемъ бѣлыхъ фигурокъ плечомъ къ плечу и почти беззвучнымъ звенящимъ шопотомъ. Введенская энергично поправляетъ прическу и дѣлаетъ выразительные жесты, приглашающіе къ порядку.

Звонокъ. Слава тебѣ, Господи! Порядочная канитель эта служба въ женскомъ учебномъ заведеніи.

Торопливая молитва, потомъ разомъ кѣмъ-то открытая дверь и ворвавшійся корридорный шумъ. Уходя, онъ слышитъ голоса:

— Несправедливо, несправедливо, несправедливо.

Сдѣлайте ваше одолженіе! Съ высоты своего большого роста онъ уже не чувствуетъ смущенія. Онъ конфузится только тогда, когда сидитъ, когда его движенія связаны.

Въ корридорѣ подхватываетъ, раздувая рясу, бѣшено стремительный потокъ бѣгущихъ дѣвочекъ въ темно-красныхъ, преувеличенно, не по росту длинныхъ платьяхъ и бѣлыхъ пелеринкахъ; онѣ бѣгутъ туда и сюда, скользя ногами по полу и смѣшно, по-женски, переваливаясь съ ноги на ногу.

«Углѣбохъ въ тимѣніи глубины»... Именно «углѣбохъ». Неужели нельзя, чтобы постоянно не посѣщали эти «мысли»? Во всякомъ случаѣ, бороться съ ними крайне трудно.

Точно колокольчики, звенятъ голоса:

— Батюшка, здравствуйте! Батюшка, это вы? Кого мы видимъ: батюшка!

Онѣ окружаютъ его восхищеннымъ, обожающимъ кольцомъ.

— Батюшка, какой вы большой, ужасти!..

Онъ осторожно отстраняетъ хрупкія худенькія плечики.

— Ахъ, больно! Батюшка, вы сдѣлали мнѣ больно... Господа, вы повалите батюшку.

Коротковолосыя и вовсе стриженыя, онѣ прыгаютъ около него, точно бѣсенята.

Швейцаръ Кузьма подаетъ корреспонденцію,—два конверта: сѣроватый (казеннаго образца) и розовый. Сѣрова-

тый — отъ предсѣдателя попечительнаго совѣта. Онъ, не раскрывая, прячетъ его въ карманъ. А розовый, вѣроятно, отъ сестры изъ Воронежа. Его онъ разрываетъ. Но въ письмѣ незнакомою рукою написано слѣдующее:

«Дорогой, восторженный, милый батюшка Алексѣй Феодоровичъ!

Повѣрьте, что это не шутка, что я вамъ пишу!! Я часто не сплю по ночамъ, воображая, какъ вы преподаете Законъ Божій. Я вашъ предметъ люблю лучше всѣхъ другихъ учителей: по-моему, вы преподаете съ большимъ чувствомъ, и я очень увлекаюсь вашимъ предметомъ, хотя многіе у насъ смѣются надъ Закономъ Божіимъ, потому что для нихъ не имѣютъ значенія религіозныя истины. Ради Бога, не подумайте обо мнѣ чего-нибудь дурного... (длинный рядъ точекъ). Нѣтъ, нѣтъ, вы непремѣнно дурно подумаете обо мнѣ. Что мнѣ дѣлать? Научите меня! Скоро наступитъ Страстная недѣля, и я хотѣла бы умереть и оставить этотъ міръ. Я буду у васъ исповѣдаться, и вы никогда не узнаете, кто я. Эта тайна умретъ со мною. Какъ интересно писать амонимныя (она, вѣрно, хотѣла написать: анонимныя) письма. Я пишу въ первый разъ».

Вмѣсто подписи стоялъ вопросительный знакъ.

Подходитъ начальница, какъ всегда, вплотную, прикасаясь къ нему верхнею частью пышнаго рукава. Слегка отстраняясь и въ упоръ разсматривая ея некрасивое, веснущатое, сейчасъ чѣмъ-то взволнованное лицо съ рыжими завитыми локонами, онъ зачѣмъ-то протягиваетъ ей письмо и говоритъ:

— Вотъ почитайте-ка эту литературу.

Смутно ему хочется, чтобы она возмутилась и, возмущаясь, поняла бы, какія неудобства приходится ему переживать, служа въ женскомъ учебномъ заведеніи. Но та не обращаетъ вниманія ни на протянутое письмо, ни на его полувздохъ и мягко прищуренные глаза.

— Ваша прислуга, Алексѣй Федоровичъ, — говоритъ она, тараторя, — постоянно вѣшаетъ ковры и матрацы для выбиванія на изгородь сада. Вотъ, хотите я вамъ покажу:

даже отсюда видно. Неужели вамъ хочется, чтобы воспитанницы говорили: вотъ смотрите — батюшкины матрацы! Я сколько разъ говорила Зоѣ Ивановнѣ... Впрочемъ, лучше оставить это. Я всегда говорила, что квартиру инспектору лучше имѣть отдѣльно.

Роговъ морщится, съ неудовольствіемъ разсматривая веснушки на ея лицѣ. Экъ ее разукрасилъ мартъ! Что у нея въ головѣ все время какіе-то матрацы и ковры. Стараясь не глядѣть на нее, онъ говоритъ:

— Ваше заявленіе будетъ принято къ свѣдѣнію... Но вотъ обратите вниманіе...

Она вспыхиваетъ и смѣшно задираетъ голову.

— Я убѣдительно прошу васъ, Алексѣй Федоровичъ, не примѣнять со мною такого тона. Благодареніе Богу, я не понимаю, на какомъ основаніи вы берете со мною этотъ начальственный тонъ.

Благодаритъ Бога за то, что не понимаетъ. Дура!

Не отвѣчая, онъ продолжаетъ настойчиво протягивать письмо.

Вдругъ кто-то вскрикиваетъ... Слышенъ топотъ удаляющихся ногъ и смѣхъ. Оба они обертываются, но видно только, какъ въ глубинѣ толпы мелькаетъ робко согнутая высокая талія и желтая коса.

— Это что такое?

Начальница вызывающе смотритъ на Рогова. Это чрезвычайно глупо съ ея стороны, и онъ раздражается, но не знаетъ, что ей возразить. Вообще, она позволяетъ себѣ слишкомъ странный тонъ въ обращеніи.

Передумавъ, онъ молча прячетъ письмо въ карманъ.

— Какое странное поведеніе! — говоритъ она, остро ощупывая его глазами: — Не правда ли? Кто это вскрикнулъ?

Ихъ окружаетъ тѣсная толпа.

— Подите, сыщите мнѣ ее...

— Почемъ мы знаемъ, кто это? Вотъ новости!

Вздернутыя плечи, круглые глаза.

Она обращается къ нему:

— Кажется, вы показывали мнѣ какое-то письмо?

Чувствуя, что краснѣетъ, онъ говоритъ:

— Это неважно.

Ему хочется избѣжать ея взгляда.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, какое-то розовое письмо... Бога ради, что все это значитъ?

Она проводитъ остренькимъ язычкомъ по губамъ.

— Что вы хотите сказать словами: «все это»? — говоритъ онъ, свирѣпо взглядывая на нее въ упоръ.

— Я ровно ничего не хочу сказать этими словами, но только нахожу поведеніе дѣвицъ страннымъ, очень даже страннымъ, — произноситъ она глупо-оффиціальнымъ тономъ и, круто повернувшись, уходитъ.

Ну, да, онъ это сдѣлалъ потому, что догадался, кто написалъ письмо, и теперь ему хочется обдумать, какъ дальше поступить. Что же въ этомъ «такого»?

И хотя это было дѣйствительно такъ, но ему было ясно и то, что спряталъ онъ письмо именно потому, что вскрикнула Саввинская, а если бы это сдѣлала другая, то онъ, можетъ быть, и не поступилъ бы такъ. И отъ этого сознанія ему было одновременно и непріятно, и смутно-пріятно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда прозвонилъ первый звонокъ, Роговъ вышелъ изъ накуренной учительской въ опустѣвшій корридоръ. Теперь ему было только стыдно за происшедшее и хотѣлось исправить свой невольный пристрастный поступокъ. Развѣ не всѣ воспитанницы должны быть для него равны? Онъ шелъ, стараясь не думать о Саввинской, хмурый и поспѣшный.

Изъ класса доносился нестройный гулъ и хлопанье крышекъ партъ. Пробѣгали запоздавшія воспитанницы, присѣдая ему на ходу и церемонно произнося:

— Здрасте, Алексѣй Федоровичъ.

Но онъ шелъ, не глядя по сторонамъ и не отвѣчая на привѣтствія, строго отыскивая глазами начальницу. Ея тон-

кая, всегда точно стоящая на одной ногѣ фигурка непріятнымъ темносинимъ силуэтомъ вырисовывалась въ пыльной атмосферѣ противоположнаго конца корридора, и въ ней, какъ всегда, было что-то мелкое, зловѣщее.

— Отдамъ, и все, — внушалъ себѣ Роговъ, стараясь быть солиднымъ и серьезнымъ: — коли справедливость, то справедливость.

— Алексѣй Федоровичъ! — окликнулъ его сзади голосъ.

Это спѣшилъ учитель Пузаковъ. По тону голоса и потому, какъ онъ окликнулъ его въ корридорѣ, Роговъ догадался, что тотъ хочетъ, по обыкновенію, попросить у него взаймы «до двадцатаго». И это почему-то сейчасъ разсердило и вмѣстѣ обрадовало Рогова.

Дѣйствительно, Пузаковъ попросилъ, и Роговъ ему тотчасъ же въ рѣзкой формѣ отказалъ, хотя у него были сейчасъ свободныя казенныя деньги, изъ которыхъ онъ всегда давалъ служащимъ до ближайшей получки жалованья. И когда Пузаковъ сконфуженно отошелъ, Рогову сдѣлалось стыдно за себя и свой поступокъ, и хотѣлось вернуть Пузакова, чтобы дать ему денегъ, но было уже неловко это сдѣлать, да и чувство холодной, странной злости, внезапно имъ овладѣвшей, подсказывало ему, что онъ это сдѣлалъ хорошо.

— Пусть. Что-то черезчуръ часто проситъ.

Онъ началъ опять искать глазами начальницу, но въ то время, какъ онъ переговаривался съ Пузаковымъ, она куда-то исчезла.

У одного изъ классовъ на встрѣчу ему попались двѣ взрослыхъ воспитанницы: на одну онъ не обратилъ вниманія, другая была Саввинская. Ее онъ узналъ потому, что она, не доходя до него, быстро перешла за подругу, точно хотѣла спрятаться, и обѣ дѣвушки прошли мимо него молча, низко наклонивъ лица и тѣсно касаясь другъ друга плечами.

Роговъ остановился и внимательно окинулъ ихъ согнувшіяся фигурки. Онѣ прошли мимо, вѣрнѣе прошмыгнули,

не удостоивъ его ни реверанса, ни привѣтствія. Можетъ-быть, потому, что онъ только что былъ у нихъ на урокѣ, а можетъ быть и почему нибудь другому.

— Довольно! — сказалъ онъ себѣ, и все время владѣвшая имъ злость, точно внезапно прорвавшись, вдругъ наполнила все его существо, и отъ этого имъ овладѣла окончательная и спокойная рѣшимость.

Къ сожалѣнію, начальницы попрежнему нигдѣ не было. Это уже такое ея свойство, чтобы всегда провалиться точно сквозь землю въ самый нужный моментъ! Приходится отложить до слѣдующей перемѣны.

Во второмъ классѣ, куда онъ вошелъ, молитву читала скучнымъ, монотоннымъ голосомъ маленькая, черненькая дѣвочка. Это значитъ, что скоро роспускъ на пасхальныя каникулы.

Прочитавъ молитву, она почесала тоненькимъ пальчикомъ восковой, почти прозрачный носикъ и осталась у стола, чтобы сообщить фамиліи отсутствующихъ.

Прочія, церемонно расправивъ платьица, опускаются на скамьи и застываютъ въ неподвижныхъ позахъ.

Рогова всегда привлекала эта неподвижность маленькихъ дѣвочекъ на урокахъ. Онѣ такъ трогательно вѣрятъ въ добро и важность того, что имъ преподается.

Въ «маленькихъ» классахъ онъ всегда смягчается душою и даже старается говорить не басомъ, а другимъ, тоненькимъ голосомъ, который у него помѣщается въ горлѣ гдѣ-то сверху надъ басомъ.

— Ну? — спрашиваетъ онъ маленькую черненькую дѣвочку, фамиліи которой до сихъ поръ не можетъ запомнить: — кого же нѣтъ еще? Неужели цѣлыхъ пяти?

Дѣвочка несмѣло прищуриваетъ съ боку одинъ глазокъ и морщитъ носикъ.

— Да-съ, пяти.

Онъ внимательно и подробно оглядываетъ ея тоненькую, съ высокою тоненькою шейкою, точно паутинную фигурку.

— Задано повторить о Вознесеніи І. Христа, — говоритъ она, вдругъ проникшись разговорчивостью.

— Вотъ какъ! — притворяется онъ изумленнымъ.

— Да, да — раздается со всѣхъ сторонъ въ классѣ: — Вѣрно. О Вознесеніи І. Христа.

Пятьдесятъ паръ глазъ живо и съ любопытствомъ устремляются на него. Неужели онъ позабылъ о такомъ важномъ обстоятельствѣ? Вѣдь онъ же самъ записалъ въ журналъ, когда задавалъ.

— Батюшка, вы посмотрите въ журналѣ,—совѣтуютъ ему.

Онѣ интересуются, какъ онъ выйдетъ изъ создавшагося положенія.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, — соглашается Роговъ, и отыскиваетъ въ журналѣ соотвѣтствующее мѣсто.: — Дѣйствительно! О Вознесеніи І. Христа. Повторить? Вѣрно.

Всеобщее удовлетвореніе.

Теперь новый вопросъ: кого вызвать? Онъ опускаетъ глаза въ журналъ и начинаетъ притворно водить пальцемъ по списку фамилій. Ему кажется, что онъ даже слышитъ, какъ стучатъ быстро-быстро ихъ сердчишки.

Никого не назвавъ, онъ лукаво взглядываетъ на классъ, чтобы поймать ту, которая уткнулась въ книгу. Но онѣ знаютъ его маневръ и встрѣчаютъ его глазами, полными веселой усмѣшки. Нѣтъ, ихъ не проведешь.

— Ну, я вижу, что сегодня вы всѣ знаете урокъ, — заявляетъ Роговъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ сконфуженнаго вида нѣкоторыхъ: — тогда можно и почитать вслухъ.

Онъ достаетъ изъ-подъ журнала книгу для чтенія, которую нарочно съ собою принесъ. Въ классѣ радостное движеніе.

Въ окна льется такой же ясный и простой весенній свѣтъ. Слышно, какъ съ крыши ссунулся талый ледъ и стучитъ по жолобу.

И Роговъ внезапно и безо всякихъ объясненій чувствуетъ, что онъ не въ силахъ отдать письма Саввинской начальницѣ, что это мелко, жестоко и глупо. И ему странно, какъ подобное рѣшеніе могло представляться ему когда-нибудь возможнымъ.

Онъ хмурится и хочетъ возвратить себѣ то спокойное

и злобное настроеніе, съ которымъ онъ шелъ къ начальницѣ, чтобы отдать письмо, и не можетъ. Это его обезоружили эти маленькія.

«Онъ упустилъ моментъ», — думаетъ онъ съ досадою.

— Что же вы, батюшка, не читаете? — спрашиваетъ бѣлокурая дѣвочка со стриженой головой изъ середины класса, несмѣло поднимаясь, и тотчасъ же сконфуженно садится.

Роговъ раскрываетъ книгу и начинаетъ читать, но въ то же время вызываетъ мысленно образъ Саввиной, и ему ясно, что она такая же, въ сущности, маленькая, какъ и эти, только большого роста. Конечно, такъ. И письмо такое же глупое. Даже странно, что его написала такая большая дѣвушка, ученица шестого класса.

Онъ вспоминаетъ отдѣльныя выраженія ея письма, и ему дѣлается безотчетно-весело.

— Вызвать келейно и пожурить, какъ слѣдуетъ, — думаетъ онъ, стараясь отстранить яркій и навязчивый образъ дѣвушки, но это сдѣлать трудно: онъ продолжаетъ видѣть его мелькомъ, въ обрывкахъ: плечи, рѣзкій угловатый наклонъ головы, протянутыя по столу руки, — и странно, и необычно волнуется.

Проводитъ рукою по волосамъ, чувствуя, какъ что-то надвинулось и давитъ на лобъ. Фу, какъ, въ концѣ-концовъ, глупо!

Онъ сердится на самого себя и, когда раздается звонокъ, вновь чувствуетъ неловкость во всѣхъ движеніяхъ и, пробираясь въ учительскую, избѣгаетъ взглядовъ. Онъ сознаетъ, что ведетъ себя не какъ слѣдуетъ, но имъ окончательно овладѣла неопредѣленность и вялость.

— Все равно. Какъ нибудь, — думаетъ онъ, потягиваясь и жмурясь: — Надоѣло! И, въ концѣ-концовъ, такой вздоръ! Умонастроеніе.

Въ учительской онъ подходитъ къ Пузакову и ласково говоритъ ему, отведя къ окну:

— Теперь, если вы ничего не имѣете противъ, я могу удовлетворить вашу просьбу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домой послѣ уроковъ Роговъ вернулся, хотя въ хорошемъ расположеніи, но немного сконфуженный. Онъ прекрасно понималъ, что дѣвушка видѣла, какъ онъ спряталъ письмо, когда она вскрикнула.

Вызвать и келейно пожурить — очень трудно. Всѣ — и въ томъ числѣ начальница — будутъ интересоваться: за что? Не вызвать — поставить себя передъ нею въ ложное положеніе.

И Роговъ рѣшилъ пожурить ее съ глазу на глазъ, когда она будетъ исповѣдаться на страстной недѣлѣ. Это довольно хорошій выходъ. Не правда ли?

Въ квартирѣ пахло постными щами, и навстрѣчу вышла Зоя. Какъ всегда. Она звучно чмокнула его въ щеку. Тоже какъ всегда. Потомъ, раскачивая на ходу бедрами, въ узкой, обтянутой юбкѣ, позванивая ключами и поправляя прическу, торопливо ушла на кухню.

Въ квадратныя большія окна казенной квартиры со сводчатымъ, низкимъ потолкомъ, расположенной въ нижнемъ этажѣ, виднѣлся дворъ, мокрый отъ лужъ и весенней грязи.

Зеленая мягкая мебель, мягкіе отъ частой стирки суровые половики и кисейныя гардины—все это то же изъ года въ годъ. И то, какъ прошла изъ кухни старая Марфа накрывать столъ, звеня и гремя посудой, все одно и то же.

Онъ прошелъ въ кабинетъ, грузно сѣлъ за письменный столъ и, выдвинувъ средній тяжелый ящикъ, досталъ оттуда нѣсколько пожелтѣвшихъ тетрадей, исписанныхъ его собственнымъ мелкимъ почеркомъ. Когда ему дѣлалось грустно, онъ любилъ думать о томъ, чѣмъ бы онъ могъ быть, и проглядывалъ свои старыя студенческія работы. Такъ онъ сидѣлъ, погруженный въ пріятныя воспоминанія, пока опять не вошла Зоя.

— Отчего еще не накрытъ обѣдъ? — спросилъ онъ недовольно и со стукомъ задвинулъ ящикъ.

Зоя обидѣлась. Она никогда не можетъ быть неправою. И прекрасно: пусть обижается.

Прическа у нея взбита и подсунута гребнемъ надъ однимъ лбомъ и оттого затылокъ кажется совсѣмъ плоскимъ. Когда она причесывается, она, навѣрное, смотритъ только въ фасъ, не думая о томъ, что у человѣка есть еще и профиль.

Когда они, наконецъ, садятся за столъ, онъ вспоминаетъ о жалобѣ начальницы на матрацы и, повидимому, довольно объективно передаетъ свой съ нею разговоръ по этому поводу.

Но Зоя все-равно раздражается.

— Ты сегодня все привязываешься ко мнѣ,—говоритъ она, и они ссорятся.

Но и это такъ естественно и обычно. Это же, вѣдь, и есть то, что называется нормальною жизнью.

Зоя кладетъ ему постную котлетку съ подливкой изъ чернослива и старается положить побольше подливки; при этомъ ея лицо выражаетъ самопожертвованіе: онъ ее обидѣлъ, а она вотъ какая: еще заботится о немъ же. Брови у нея по этому случаю подняты высоко, а рѣсницы опущены низко.

И неужели это все? Точка? И дальше уже не будетъ ничего? Дальше, впрочемъ, долгъ, передъ нею, передъ дѣтьми.

Долгъ—это, прежде всего, что-то длинное, длинное, никогда не кончающееся. Вотъ эти четыре стѣны, этотъ видимый изъ оконъ училищный дворъ, — надолго, вѣроятно, навсегда.

Неосторожнымъ движеніемъ онъ задѣлъ соусникъ. Подливка разливается по скатерти. Хорошо, что скатерть клеенчатая.

— Да что съ тобой сегодня? Смотрите, дѣти, что надѣлалъ папа. Онъ у насъ сегодня бя.

Голосъ у нея рѣзкій, отрезвляющій. Роговъ съ силою проводитъ по волосамъ, чтобы стряхнуть съ себя очарованіе и это непріятное давленіе во лбу.

И, откинувшись на спинку стула, неожиданно думаетъ о Саввинской. Дѣйствительно, бя! Знала бы Зоя, знала бы дѣти, о чемъ думаетъ папа. Папа—развратный, нехорошій, у него дурныя мысли.

И вдругъ его охватываетъ прежнее холодное бѣшенство. Онъ съ силою бросаетъ зубочистку на столъ и встаетъ.

— Пойду къ начальницѣ.

— Не успѣлъ прійти,—съ упрекомъ говоритъ Зоя:— нечего тебѣ дѣлать у начальницы. Такъ, ходишь, неизвѣстно, зачѣмъ...

— Зоя!..

Она понимаетъ, что у него какія-то непріятности и съ виноватымъ видомъ подходитъ и беретъ его за руки.

— Ну, прости. Не знаю я вашихъ дѣлъ.

— А не знаешь, такъ и не говори.

Онъ внимательно смотритъ на нее. Нѣтъ, она нисколько не измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ ихъ сосватали. Когда онъ ее «тогда», т.-е. незадолго передъ окончательнымъ сватовствомъ, увидѣлъ, то, какъ сейчасъ, помнитъ, смутно обрадовался, что она именно такая, немного со вздернутымъ носомъ, полная и бѣлокурая, съ большими сѣрыми глазами, и ему тогда же подумалось, что ему везетъ, что могло бы быть хуже. Этими самыми словами подумалось. И когда передъ свадьбой привезли новую, приданную мебель, вотъ эту самую, подумалось тоже, что мебель могла бы быть хуже. И все, что было, было именно таково, что могло бы быть хуже. Не болѣе.

— Ну, и что же? Эка важность!

Роговъ притянулъ къ себѣ жену и, слегка откинувъ ей голову назадъ, крѣпко поцѣловалъ въ губы.

— Ну, Христосъ съ тобою.

Мало ли что! Терпи.

Тяжело ступая и съ удовольствіемъ чувствуя эту свою тяжелую поступь, онъ прошелъ въ переднюю, надѣлъ «громкія», скрипучія кожаныя галоши, запахнулся въ рясу и вышелъ въ сѣни, гдѣ на него пахнуло теплою пригрѣтою

влажностью. Отворилъ набухшую дверь, и сверху на воротникъ и шапку посыпались сверкающія капли.

Конечно, это и называется «умонастроеніемъ». А вотъ отдастъ письмо, и все разомъ прекратится. Что дѣлать? Самому дороже.

Онъ ощупалъ хрустящее письмо въ лѣвомъ боковомъ карманѣ. Тутъ! Болѣе всего глупо то, что онъ съ этимъ столько возится. Ужъ не влюбился ли? Или просто такъ польстила дѣвчонка своею любовью? Какъ же! Подумаешь, какая честь.

И, запанувшись и чувствуя мелкій ознобъ, онъ прошелъ къ начальницѣ. Надобно было тогда же отдать— и все было бы кончено. Связался... Эхъ!.. Онъ опять съ раздраженіемъ подумалъ о Пузаковѣ.

— Дома Ольга Ивановна?

— Онѣ дома-съ.

Востролицая горничная застѣнчиво опускаетъ глаза.

Фу, ты, чортъ! Красивъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, что-ли, или такъ... большого роста?

Проходя передней, Роговъ косится на маленькое зеркальце въ жиденькой оправѣ. Ничего: туша-тушей. Борода почти красная. Можетъ быть, вотъ только лобъ и носъ? Говорятъ, чѣмъ-то похожъ на Христа, ростомъ только больно того...

Ольга Ивановна дома совсѣмъ другая, дѣланно восклицаетъ, протягивая ему не сгибающуюся въ локтѣ руку.

— Вотъ неожиданность! Или опять что случилось? Вѣдь вы ко мнѣ никогда не зайдете иначе. Только, ради Бога (на словѣ «ради» она дѣлаетъ удареніе), Алексѣй Федоровичъ, довольно о матрацахъ. Кстати же, ихъ убрали. Я вѣдь это говорю, заботясь о вашей же пользѣ...

И, не желая говорить о матрацахъ, она говоритъ о матрацахъ долго, долго.

Мебель у нея низкая, такая же, какъ у начальницы гимназіи. Когда у людей есть вкусъ, тогда онъ есть. А цвѣтовъ сколько! Ишь ты! А у самой глазки внимательные, острые, ощупывающіе, а морду напудрила. И какъ можно

было «такой» довѣрить шестьсотъ дѣвицъ! Ну, да съ Божьей помощью, онъ ее еще высадитъ.

Роговъ прошелся по комнатѣ, цѣпляясь полами за низкую мебель и разсматривая по стѣнамъ олеографіи. Теперь надо отдать письмо. Онъ порылся въ карманѣ дрожащими пальцами.

— Не хотите ли кофейку? Да вы, пожалуйста, присядьте. У васъ сегодня весь день такой усталый видъ. Здоровы ли дѣти? А Зоя Ивановна?

Онъ мрачно усмѣхнулся и вдругъ говоритъ:

— Отъ кофею откажусь. А надо не забыть распорядиться отодвинуть свѣчной ящикъ въ корридоръ... Завтра за всенощной.

— Ну, разумѣется.

Она удивленно смотритъ на него.

— Вы только за этимъ?

— А что? Развѣ къ вамъ нельзя заходить?

Онъ нарочно сердится и встаетъ.

— До пріятнаго.

Она прикусываетъ нижнюю губу и жеманно опускаетъ вѣки. Эка образина, прости Господи!

— Нѣтъ, ей-Богу, Алексѣй Федоровичъ, у васъ было что-то другое. И давеча, когда вы протягивали письмо... Ну, можетъ быть, письмо и не касается меня, но вы непремѣнно хотѣли что-то сказать... Непремѣнно, непремѣнно...

Онъ густо краснѣетъ.

— Чепуха! Ничего я вамъ не хотѣлъ сказать.

— Развѣ такъ говорятъ съ дамами, Алексѣй Федоровичъ?

— А вы дама?

Онъ грубо и пошло смѣется. Она вспыхиваетъ до корней волосъ и на этотъ разъ уже отъ злости опускаетъ вѣки. Попадись ей только въ руки!

— Ну, до свиданья!

— До свиданья,—говоритъ она сквозь зубы и, не провожая дальше, возвращается къ себѣ. Какой мужикъ и нахалъ! Не правда ли?

Выйдя отъ начальницы, Роговъ останавливается на мгновенье и соображаетъ, что съ нимъ.

Конечно, въ общемъ пустяки, а все-таки нехорошо, похвалить нельзя.

Онъ рѣшаетъ пройти на разливъ. Тамъ можно сѣсть и посидѣть на лавочкѣ. Пусть-ка его пообдуетъ хорошенько вѣтеркомъ. Вотъ рѣки возвратятся въ берега, земля подсохнетъ, и все войдетъ въ свою колею.

На набережной натыкается на безконечную вереницу гуляющихъ по-парно воспитанницъ.

— Батюшка, какими судьбами? Куда идете, батюшка? Миленькій Алексѣй Федоровичъ! Душечка! Отчего вы не смотрите на насъ?

Неловко переступая съ камня на камень, чтобы избѣжать лужъ, онъ старается придать себѣ торопливый и озабоченный видъ.

Преодолѣвъ смущеніе, взглядываетъ на нихъ. Но его тотчасъ же обдаетъ волной смѣха, улыбокъ и восклицаній.

— Батюшка, кого вы ищете?

Опустивъ рѣсницы и кивая головою, онъ проходитъ, точно сквозь строй.

Согнувшись и сгорбившись, садится на самую дальнюю скамью, потомъ дрожащими пальцами достаетъ розовый конвертъ, развертываетъ письмо и внимательно перечитываетъ его отъ слова до слова. Вѣтеръ треплетъ мягкую бумажонку и мѣшаетъ читать.

Никогда раньше не любилъ. Вотъ отчего.

Всматривается въ эти неустановившіяся, дѣтскія буквы.

Изъ далекаго монастыря по ту сторону рѣки доносится медленный усталый благовѣстъ. Вѣтерокъ ласкаетъ лицо и играетъ отбившеюся прядью волосъ. Вода не движется, а лежитъ обильная, сонная.

Роговъ въ послѣдній разъ смотритъ на письмо, лаская его жаднымъ взглядомъ, потомъ медленно рветъ на аккуратные, мелкіе клочки и, грузно перегнувшись черезъ чугунныя перила, бросаетъ съ высоты подъ откосъ.

Вѣтеръ подхватываетъ бѣлыя и розовыя бумажки и

разносить ихъ по всему откосу. И ему жаль и тяжко смотрѣть на нихъ, точно онъ разорвалъ сейчасъ что-то дорогое, нужное.

Оглядывается и смотритъ, не замѣтилъ ли кто-нибудь, какъ священникъ разорвалъ и бросилъ за рѣшетку чье-то розовое письмо.

Но нѣтъ, никто не видѣлъ. Сумасшествіе, сумасшествіе! Похвалить никоимъ образомъ нельзя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Роговъ любитъ трепетное настроеніе всенощной подъ большой праздникъ.

Уже когда онъ идетъ по рекреаціонному залу, посыпанному мелко нарубленнымъ можжевельникомъ, и видитъ выдвинутый сюда свѣчной ящикъ и за нимъ церковнаго ктитора съ большою лысиною, тщательно и смѣшно скрываемою при помощи длинныхъ начесовъ, онъ уже испытываетъ первое ощущеніе большой торжественности. Воспитанницъ еще нѣтъ ни въ церкви, ни въ коридорахъ, но уже чувствуется ихъ отдаленное, серебристое жужжаніе, и скоро сюда нахлынетъ ихъ бѣлый рой вмѣстѣ съ молчаливымъ шелестомъ и чистымъ, нѣжнымъ хрустомъ башмачковъ.

— Ляммъ... ляммъ... ляммъ... — выбиваетъ на дворѣ небольшой колоколъ, подвѣшенный на деревянной, почернѣвшей отъ солнца и дождей звонницѣ.

Громко откашливаясь и въ то же время слушая звукъ своего голоса и тѣмъ самымъ прочищая его, Роговъ здоровается съ ктиторомъ и бодро всходитъ на амвонъ. Ему пріятно видѣть знакомые образа и прикладываться къ нимъ. И отъ этого недавнія плохія мысли кажутся потерявшими свою силу. Роговъ думаетъ:

— Какъ хорошо, что я священникъ. Это—вѣяніе благодати въ моей душѣ.

Онъ торопливо и радостно крестится и входитъ въ алтарь.

У жертвенника—сутуловатая, отличающаяся застывшею неподвижностью фигурка Ивана Степановича, со вздернутымъ краснымъ носикомъ и моргающими глазами въ очкахъ съ серебряной оправой. Ради праздника онъ тоже въ новой рясѣ. Лицо у него скорбно-озабоченное.

— Вотъ вѣдь эти ранніе предпраздничные отпуски,— говоритъ онъ, намекая на большой въ этомъ году разъѣздъ пѣвчихъ и тотчасъ же пугается своей смѣлости.

Онъ боится, не обидѣлъ ли чѣмъ-нибудь Рогова, какъ инспектора, потому что вообще боится кого бы то ни было обидѣть. Голосъ у него тонкій, какъ у женщины. Вмѣсто растительности, на безбородомъ лицѣ только нѣсколько отдѣльныхъ волосковъ подъ самымъ подбородкомъ.

Почти евнухъ, онъ—очень подходящій регентъ для женскаго учебнаго заведенія. Впрочемъ, «таковыхъ бо есть царствіе небесное».

Роговъ съ брезгливо-сострадательнымъ чувствомъ пожимаетъ его худенькіе, теплые и влажные пальчики и увѣренно-ободрительно говоритъ:

— Споете.

— Немыслимо!

Въ глазахъ Ивана Степановича проступаетъ смущеніе отъ похвалы, но голова, шея и вся фигура остаются попрежнему странно-неподвижными.

— Спасибо, Саввинская осталась: не поѣдетъ вовсе... Отца за пьянство лишили прихода... Въ городъ, слышно, перебирается.

Роговъ морщится и ищетъ глазами дьякона. Иванъ Степановичъ пугается, не наговорилъ ли чего лишняго, и безшумно ступая мягкими подошвами, уходитъ на клиросъ.

Довольный, что остался одинъ, Роговъ быстро разоблачается, потомъ прижимаетъ пальцы къ глазницамъ, чтобы возвратить настроеніе, испорченное напоминаніемъ о Саввинской. Постоявъ немного такимъ образомъ, идетъ къ престолу, но за одинъ шагъ медлитъ.

— Ляммъ... ляммъ... ляммъ...—доносится заглушаемый

вырастающими въ церкви новыми звуками звонъ маленькаго колокола, такой знакомый и въ этотъ часъ—умилительный.

За окнами свѣтъ предвечерній, тоже умилительный.

Онъ любитъ свой алтарь за это обиліе свѣта, льющагося въ четыре окна.

— Господи, прости и очисти,—молится онъ уже своими словами, какъ иногда позволяетъ себѣ дѣлать.

И отъ этого ему кажется, что благодать снова водворяется въ его душѣ.

Входитъ, торопливо и сильно скрипя подошвами, дьяконъ. Надо начинать, и отъ этого Роговъ вспоминаетъ, что плохо вытвердилъ сегодняшнее поученіе, которое будетъ говорить послѣ шестопсалмія. Передъ большими праздниками, за всенощной, онъ всегда разъясняетъ смыслъ завтрашняго евангелія. Завтра Благовѣщеніе, и поэтому онъ надумалъ еще сегодня съ утра говорить о Пречистой Дѣвѣ Маріи, какъ совершеннѣйшемъ образцѣ, какъ для всякой души христіанской, такъ и въ особенности для души юной и воспріимчивой ко всякому добру.

Но сейчасъ тема кажется ему избитою и скучною. Ему хотѣлось бы чего-нибудь поднимающаго душу.

На звонницѣ начинается неторопливый звонъ. Роговъ быстро накидываетъ ризу, выпрастываетъ сзади густые волосы, по привычкѣ смотрится въ маленькое висящее зеркальце сбоку отъ царскихъ вратъ (оттуда на него смотритъ взволнованное лицо изъ четыреугольника въ рамкѣ), нервно поправляетъ воротничекъ и академическій знакъ и становится къ престолу. Дьяконъ отдергиваетъ звенящую завѣсу у царскихъ вратъ.

Слышно, какъ отворяются царскія врата, и отъ этого въ алтарь входятъ зыбкій шелестъ и молчаливое дуновеніе большого наэлектризованнаго присутствіемъ людей пространства. Пожалуй, онъ скажетъ имъ такъ:

— Это—праздникъ чистоты и невинности, праздникъ юной дѣвственности...

Да, такъ. И, радуясь счастливой мысли, онъ принима-

ветъ изъ рукъ дьякона густо курящееся кадило и весело возглашаетъ:

— Слава святей, единосущней, животворящей и нераздѣльной Троицѣ.

И тотчасъ за алтаремъ вырастаетъ стальной, слитый звукъ, точно отъ нажима двухъ клавишей гигантскаго органа.

А-минь.

Совершенно неизвѣстно, о чемъ безпокоился Иванъ Степановичъ.

Не давъ послѣднимъ звукамъ затеряться подъ хорами, онъ, продолжая испытывать все то же радостное волненіе отъ звуковъ и отъ пришедшей ему счастливой мысли проповѣди, но стараясь сдерживать голосъ и казаться солиднымъ, возглашаетъ: «Пріидите поклонимся»...

И опять, почти сливаясь съ звуками его голоса, любовно обволакивая ихъ и тихо лаская, возникаетъ стройный хоръ свѣжихъ дѣвическихъ голосовъ:

— Благослови, душе моя, Господа...

Каждый разъ, когда Роговъ слышитъ этотъ хоръ, ему точно хочется что-то понять, не изъ словъ, а изъ самыхъ звуковъ. Конечно, все это—дѣло рукъ Ивана Степановича.

— Все премудростію сотворилъ еси...

Дѣло не въ одномъ быстромъ темпѣ. Или, быть можетъ, это просто обманъ слуха? Безплодная игра воображенія? Каждый разъ ему кажется, что хоръ говоритъ о чемъ-то своемъ, чего нѣтъ въ словахъ пѣснопѣнія, о томъ, что таитъ въ себѣ молодая и радостная, не высказавшаяся дѣвическая душа. Быстрый темпъ, несомнѣнно, отчасти отъ Ивана Степановича, хотя онъ только гармонируетъ съ общимъ, а вотъ уже этотъ шаловливый, даже, пожалуй, слишкомъ свободный задоръ—отъ себя. И ему даже немного смѣшно, когда они выговариваютъ это: «Вся премудростію сотворилъ еси». Совершенно ясно, что онѣ не понимаютъ и, главное, при этомъ даже совсѣмъ не желаютъ понимать, ни что такое премудрость, ни вообще. Онѣ поютъ о чемъ-то своемъ, несравненно болѣе важномъ для нихъ. У нихъ ка-

кая-то своя мудрость... «Утаилъ еси отъ мудрыхъ и открылъ младенцамъ»...

Но какъ же дальнѣйшее содержаніе и планъ проповѣди? Царскими дверями, въ предшествіи дьякона, Роговъ выходитъ на амвонъ. Знакомая картина: безконечные, неподвижные бѣлые ряды, точно снѣгъ или, еще лучше, густо опавшіе бѣлые лепестки цвѣтущихъ яблонь...

И эта картина каждый разъ по-новому волнуетъ его. Только кое-гдѣ синія пятна классныхъ дамъ. Бѣлое, бѣлое, бѣлое. Живое, дышащее. Онъ слышитъ его дыханіе.

Всѣ взоры устремлены на него. Большой, чувствующій свою огромность, торжественный и благостный, онъ спускается по ступенькамъ амвона къ переднимъ рядамъ. Тихо и умилительно звенятъ цѣпочки кадила. Первый безмолвный рядъ въ бѣлыхъ пелеринкахъ и нарукавничкахъ стройно подается назадъ, и въ этомъ движеніи чудится напряженная, бьющаяся жизнь. Кадитъ на нихъ кадиломъ, и черезъ душу проходятъ тихая жалость и умиленіе:

— Научить ихъ добру!

Здѣсь самыя маленькія. Еще не у всѣхъ даже заплетены косы, а такъ, хотя тщательно приглаживаемые, но торчащіе вихрами волосы, неуклюжія, жалкія, некрасивыя полудѣтскія руки. Проходитъ мимо, боясь задѣть ихъ краемъ ризы.

— Милыя мои, бѣдныя! Какая жизнь васъ ожидаетъ?

Хоръ поетъ весело, и есть даже въ этомъ что-то плясовое:

— Слава Тебѣ, сотворившему вся...

Пробирается дальше вглубь бѣлыхъ рядовъ. Дьяконъ плыветъ впереди, точно лебедь, и высоко надъ всѣмъ возвышается его новая, сегодня только въ первый разъ зажженная свѣча.

Здѣсь уже начинаютъ попадаться округлыя, плотно стянутыя груди и полныя, отлогія плечи, и взглядъ не такъ легко проникаетъ въ толщу бѣлыхъ рядовъ. Его отражаютъ шорохъ, движеніе, отвѣтные взгляды. Онъ уже не смотритъ, а только скользитъ взглядомъ, который стараются лукаво

перехватить и улыбками и игрой глазъ, смутнымъ прикосновеніемъ локтей передать куда-то дальше.

Тутъ уже приходится пробираться дальше съ трудомъ. Ряды хотя подаются, но тотчасъ же наступаютъ опять, тѣснятъ. Дьяконъ идетъ грузно и медленно, точно корабль въ бурю, и свѣча его то-и-дѣло качается, а орарь отдѣлился отъ плеча и скользитъ по бѣлому.

Здѣсь—ихъ маленькое царство, которое онѣ ото всѣхъ ограждаютъ улыбками и быстрыми взглядами. И отъ этого кажется, что вся церковь принадлежитъ имъ. Онѣ почти всю ее заполонили и завоевали.

И оттого съ облегченнымъ чувствомъ онъ возвращается на амвонъ и кадитъ имъ оттуда въ послѣдній разъ. Быстро-быстро киваютъ онѣ ему головками и долго не поднимаютъ ихъ потомъ, поглядывая другъ на друга въ бокъ и исподлобья. Можетъ быть, онѣ понимаютъ, что онъ волнуется, или такъ замѣтили въ немъ что-нибудь смѣшное.

Когда онъ проходитъ мимо хора, тамъ намѣренно-равнодушныя, скучающія позы: онъ обошелъ вѣдь всю церковь, навѣрное, насмотрѣлся. Пусть онъ себѣ спокойно проходитъ въ алтарь: никто здѣсь въ немъ не нуждается. Онъ тоже дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ ихъ.

Придя въ алтарь, отдастъ кадило и машинально смотрится въ зеркало.

— Хорошъ, хорошъ... Нѣтъ, почему же? Развѣ онъ не долженъ поддерживать внѣшняго благообразія?

Тщательно расчесываетъ гребнемъ густые рвущіеся волосы, лѣзущіе на лобъ. Теперь у него глаза рѣшительные и ясные. Это хорошо.

...Вотъ и шестопсалміе. Чей это голосъ? Сначала не можетъ разобрать, потомъ какъ-то больше неожиданнымъ толчкомъ сердца, чѣмъ умомъ, соображаетъ, что это Саввинская. Почему? Навѣрное, напросилась сама.

Сначала, отъ неожиданности, онъ только стоитъ и слушаетъ, потомъ спохватывается и начинаетъ читать «тайныя» молитвы, но не можетъ связать въ умѣ текста. И только сейчасъ видитъ, что за окнами замѣтно потемнѣло, и теперь

ярче вырисовываются разноцвѣтные запрестольные огни лампадъ.

Голосъ Саввинской ложится сюда негромко и ласкающе. Она читаетъ быстро и безъ выраженія, видимо, спѣшитъ, но все равно онъ могъ бы ее слушать отсюда безъ конца. Голосъ у нея сонный и точно удивленный. Она удивляется всему: и тому, что стоитъ сейчасъ высоко одна на хорахъ, и тому, что читаетъ, и еще чему-то, большому и главному. Иногда она дѣлаетъ паузу (часто на полусловѣ): вѣроятно, потеряла строку, и тогда водворяется мгновенное, какое-то особенное непріятно-пустое молчаніе. И Роговъ опять не молится, а стоитъ и прислушивается къ этимъ перерывамъ. Зачѣмъ она такъ дѣлаетъ? Это его мучитъ.

Но пора выходить на амвонъ. Неловко, какъ всегда, бокомъ впередъ, стараясь движеніемъ плечъ поправить тѣсноватую, съѣзжающую съ одного плеча ризу, онъ проходитъ въ боковую дверь, дѣлая видъ, что не отрываетъ глазъ отъ служебника, и тутъ только замѣчаетъ испуганныя лица на клиросѣ. Иванъ Степановичъ, у котораго одна бровь поднята выше другой, тупо-разсѣянно смотритъ передъ собою. Это означаетъ, что онъ не одобряетъ происходящаго.

Но что, собственно, происходитъ? Роговъ прислушивается. Когда онъ переступилъ дверь, онъ по тону вздрогнувшаго голоса читающей замѣтилъ, что она это видѣла. Теперь ему кажется, что ей хочется смѣяться или плакать. Ея голосъ звучитъ непривычно рѣзко, наполняя собою чутко притаившееся пространство, и въ глубинѣ купола ему все время отвѣчаетъ маленькое, торопливое эхо.

— Возсмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего... Нѣсть мира въ костѣхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ...

Она останавливается, чтобы перевести духъ, говоритъ еще слово, и останавливается опять. Роговъ чувствуетъ, какъ холодокъ проходитъ у него по шеѣ. Что съ нею?

Въ рядахъ воспитанницъ движеніе и шопотъ. Потомъ откуда-то тихое рыданіе. Обернувшись назадъ, онъ поднимаетъ голову.

Тамъ, наверху, упавъ головой на кожаный раскидной налой, Саввинская неожиданно плачетъ, и восковая свѣча падаетъ съ балкона внизъ, по дорогѣ тухнетъ и вызываетъ испуганные крики.

Нѣсколько мгновеній Роговъ не видитъ ничего, кромѣ блѣдныхъ испуганныхъ лицъ. Одна дѣвочка начинаетъ плакать тоже, и ее выводитъ классная дама, сердито нагибаясь надъ ней, толкая ее въ спину и что-то грубо говоря ей. Потомъ онъ видитъ на хорахъ одного Ивана Степановича. Дѣвушка уже куда-то исчезла.

Иванъ Степановичъ предварительно утверждаетъ горящій огарокъ, потомъ неторопливо, съ разстановкой крестится и начинаетъ читать прерванное шестопсалміе. Голосъ у него несоотвѣтственный: тонкій, плачущій, похожій на бабій,—и это вызываетъ сначала улыбки.

Роговъ поворачивается къ царскимъ дверямъ и пробуетъ читать про себя, но видитъ только заканапныя воскомъ страницы и буквы. Онъ прислушивается къ отдаленнымъ звукамъ, чтобы узнать, что съ дѣвушкой. Но надо всѣмъ царствуетъ бабья фистула Ивана Степановича. Впрочемъ, Иванъ Степановичъ читаетъ строго и даже укоризненно. Его голосъ звучитъ какъ-то отдаленно, точно возвышаясь надо всѣмъ и возносясь куда-то далеко. И отъ этого онъ непримѣтно входитъ въ сознаніе, и уже не слышно больше фистулы, а слышна только душа Ивана Степановича, простая, чистая, монашеская. Далекими лѣсными скитами, пустыннымъ житіемъ отдаетъ отъ его чтенія.

— Вотъ онъ—святой!—думаетъ Роговъ:—А я... мнѣ лучше бы уйти.

И послѣ шестопсалмія, когда надо говорить проповѣдь, онъ выходитъ тусклый и вялый и, обдергивая ризу, что-то мямлитъ. Онъ чувствуетъ, что стоитъ передо всѣми некрасивый, неловкій и чужой, и то, что онъ говоритъ, нескладно и никому не нужно. Но его слушаютъ, потому что на немъ ризы, и онъ говоритъ много славянскихъ словъ. Но все, что онъ говоритъ,—ложь. И даже риза непріятно съѣхала у него на одно плечо, такъ что ее трудно поправить.

Потомъ уходитъ въ алтарь и долго стоитъ молча, перебирая страницы служебника.

— Алексѣй Федоровичъ, вамъ!—выводитъ его изъ задумчивости дьяконъ.

Роговъ дѣлаетъ торопливо положенный возгласъ, потомъ внимательно смотритъ передъ собою, стараясь что-нибудь разглядѣть за окнами. Но тамъ темно, и только виднѣется колеблющееся отраженіе лампадъ и свѣчей.

— Господи, явися намъ!—высоко и настойчиво, на дискантахъ, выноситъ хоръ, точно и вправду они требуютъ, чтобы къ нимъ явился Господь.

И онъ явится къ нимъ, явится.

— О, Господи, воистину явися и просвѣти насъ всѣхъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Великая среда. Исповѣдь послѣ всенощной. Исповѣдаются только пѣвчія. Маленькія кончили, остаются большія.

Всѣ, какъ одна. Входятъ, наклонивъ голову, потомъ становятся на одно колѣно и крестятся нѣсколькими мелкими крестиками, но не кланяются въ землю: считаютъ неподходящимъ къ своему возрасту. Это—новая мода.

Но—пусть.

Когда подходятъ къ налою, нетерпѣливо морщатъ брови и опускаютъ глаза. Неужели въ самомъ дѣлѣ говорить ему всѣ грѣхи? Ни за что на свѣтѣ! Лучше умереть и пойти въ адъ.

И онѣ повѣряютъ ему свои маленькія тайны. Надо же, въ самомъ дѣлѣ, что-нибудь говорить. Не стоять же такъ, нѣмъ? И вотъ они тихо бесѣдуютъ, наклонившись другъ къ другу надъ крестомъ и евангеліемъ. Главнымъ образомъ, о порядкахъ въ училищѣ. И онъ узнаетъ, что Ольга Ивановна заставляетъ по двадцать разъ перестилать постель. Это просто невозможно. А молодая классная дама Введенская щиплется. Вообще, порядки—одинъ ужасъ!

Онъ совѣтуетъ относиться къ начальству съ покорно-

стью. Сдѣлайте милость! Покоряться? Ни за что! Конечно, на исповѣди онѣ обязаны каяться въ грѣхахъ, но это только на исповѣди. Онъ разсуждаетъ такъ, потому что самъ начальникъ. На глазахъ слезы. Ахъ, въ епархіальномъ училищѣ такъ трудно учиться и жить!

А нѣтъ ли у нихъ еще какихъ-нибудь особенныхъ грѣховъ? Нѣту? Значитъ, и конецъ. Роговъ слегка накрываетъ каждой голову краемъ епитрахили, боясь коснуться прически. И, получивъ «отпускную молитву», прижимая локти къ таліи, каждая торопится уйти, осторожно ступая внизъ по ступенькамъ.

И каждый разъ онъ поворачиваетъ голову и ждетъ. Но Саввинская не появляется. Можетъ быть, она заболѣла? Но нѣтъ. За всенощной онъ ее видѣлъ въ глубинѣ хора смотрящею неподвижно на образъ. Теперь онъ научился находить ее сразу. Она показалась ему только немного блѣднѣе, но возможно, что это его воображеніе.

Одна за другой приходятъ и уходятъ воспитанницы. Онъ исповѣдываетъ уже короче:

— Слышалъ-съ. Не мѣсто на исповѣди. Это не грѣхи, а ваши училищныя сплетни.

И даже,—о, дерзость!—дѣлаетъ замѣчанія:

— Отчего вы стыдитесь поклониться въ землю передъ крестомъ и евангеліемъ?

Вообще, онъ опять становится невозможнымъ. Напримѣръ, спрашиваетъ:

— Много ли васъ тамъ еще осталось?

Но ему не желаютъ отвѣчать. Почемъ онѣ знаютъ? Никто изъ нихъ не считалъ тѣхъ, которыя остались. Это онъ можетъ сдѣлать самъ, если ему угодно.

Поэтому онъ исповѣдываетъ, точно «блины печетъ». Конечно, это дурно, но, въ сущности, не имѣетъ большого значенія. Все равно: развѣ это исповѣдь? Такъ, одна прокламація.

Наконецъ, не выдерживаетъ и выходитъ изъ-за ширмъ посмотрѣть.

Наступивъ ногою на ступеньку, повернувъ одно ухо въ

сторону ширмъ, точно прислушиваясь, съ лицомъ, спрятаннымъ внизъ, у полуосвѣщеннаго одною лампадою образа преподобнаго Серафима стояла Саввинская.

— Идите,—тихо позвалъ онъ ее и, такъ какъ голосъ плохо его послушался, повторилъ явственнѣе:

— Ну-съ, пожалуйте.

Въ церкви уже было пусто. Только что вышедшая отъ него исповѣдница жеманно прикладывалась къ образу Божіей Матери, да у входа распоряжалась дежурная классная дама.

Саввинская вошла вслѣдъ за нимъ за ширмы и такъ же только встала на одно колѣно, но не поклонилась въ землю.

— Вотъ крестъ и евангеліе!—сказалъ онъ строго, стараясь только скользнуть по ней взглядомъ:—Не мнѣ кланяйтесь, а имъ.

Такъ какъ она смотрѣла на него, не понимая, онъ прибавилъ нетерпѣливо и раздражаясь:

— Поклонитесь же въ землю.

Она опустилась еще разъ на колѣни и сдѣлала земной поклонъ.

— Теперь подойдите,—сказалъ онъ, смягчивши нѣсколько тонъ, но стараясь казаться строгимъ.

Она приблизилась, не поднимая рѣсницъ. Теперь онъ въ первый разъ близко, правда, при колеблющемся свѣтѣ восковой свѣчи, могъ какъ слѣдуетъ разсмотрѣть ея лицо: ея чистый и бѣлый лобъ, почти золотыя брови и этотъ свѣтлый, нѣжный пухъ, шедшій по ея щекамъ отъ шеи.

Роговъ потупился. Не поднимая глазъ, онъ сказалъ:

— Ну-съ, говорите.

— Говорить грѣхи?

— Да, конечно, А то что же?

Дрожащими пальцами поправилъ крестъ на налоѣ и постарался сосредоточиться на таинствѣ исповѣди.

— Покупала въ постъ скоромные пирожки,—сказала Саввинская, зардѣвшись, и вопросительно поглядѣла ему въ лицо:—Посылала за ними ребятъ.

Что ей будетъ за это?

Роговъ не выдержалъ и улыбнулся, и ему вдругъ стало стыдно за себя.

— Какихъ ребятъ?—спросилъ онъ уже весело.

— Которые на дворѣ. Мы имъ спускаемъ деньги на ниточкѣ. Еще иногда покупаемъ колбасу и сыръ.

Она окончательно покраснѣла, такъ что на глазахъ даже выступили слезы, и ожидающе смотрѣла на него, раскрывъ губы.

— Ай-ай-ай,—сказалъ Роговъ, забавляясь ея смущеніемъ:—Это вѣдь нехорошо. Надо подчиняться всѣмъ правиламъ и распоряженіямъ училищной жизни. Не правда ли?

Она отрывисто кивнула головой.

— Что скажете еще?

— Не слушалась, лѣнилась...

Чѣмъ больше она говорила, тѣмъ больше освобождалась душа.

— Еще.

Но перечень ея грѣховъ неожиданно оборвался.

Его испугало, что сейчасъ, такъ быстро, надо уже приступить къ разговору объ анонимномъ письмѣ.

— Развѣ больше нѣтъ грѣховъ? Подумайте:—Можетъ быть, найдутся.

Или, быть можетъ, оставить вовсе этотъ разговоръ?

Тревожно переложивъ руки и кашлянувъ, онъ напомнилъ ей объ обязанностяхъ къ родителямъ и къ Богу.

Она продолжала молчать, точно ожидая чего-то отъ него. Ему даже показалось, что ея губы на мгновенье дрогнули вызывающей усмѣшкой.

— Ничего не можете больше сказать?—спросилъ онъ довольно громко, внезапно ощутивъ могильную тишину церкви.

— Ничего,—прошептала она и, покраснѣвъ, потупилась.

— Ну, если такъ, то и... благо.

Онъ оперся локтями о налой и сдѣлалъ видъ, что хочетъ участливо съ нею поговорить. Сердце его мучительно стучало, ударяя въ верхнюю часть груди.

— А гдѣ теперь вашъ отецъ? Онъ вѣдь, я слыхалъ, вышелъ за штатъ.

— Онъ тутъ... въ городѣ...

Она съ любопытствомъ повела глазами по Рогову и опять потупилась.

Онъ поправилъ на груди крестъ.

«Зачѣмъ я объ этомъ говорю?»—подумалъ онъ:—«Я долженъ касаться только письма».

Но о письмѣ онъ не зналъ какъ заговорить, а было такъ пріятно просто смотрѣть на нее и говорить.

— Что же онъ устроился гдѣ-нибудь?—спросилъ онъ опять, хотя отлично зналъ, что о. Саввинскій устроился за ранняго священника у Троицы.

Саввинская коротко объяснила.

— Что, трудно теперь, поди, живется папѣ?

— Да.

Она сдѣлала непроницаемое лицо и, наклонивъ голову, стала двигать по полу ногою.

— Ну,—сказалъ онъ, чувствуя, что эту неловкую сцену надо какъ-то закончить,—такъ какъ же?

Она вопросительно и съ испугомъ посмотрѣла на него. Онъ зналъ, что она тоже ждала разговора о письмѣ.

— Значитъ, все?

Онъ нарочно мягко улыбнулся. Но она только потупилась, приготовившись слушать дальше. Теперь или никогда. Онъ долженъ ей что-то объяснить, теперь, именно теперь. Напримѣръ, объяснить, что дѣвушкѣ не слѣдуетъ писать анонимныхъ писемъ, заключающихъ тѣмъ болѣе какіе-то намеки. Въ крайнемъ случаѣ, для подобныхъ писемъ надо выбирать другой, болѣе подходящій объектъ, а не инспектора или, вообще, какое-либо изъ лицъ педагогическаго персонала, что, вообще, легкомысленныя чувства и рѣшенія не должны имѣть мѣста въ человѣческой жизни. Но всего этого нельзя да и не нужно было говорить. Надо было или рѣзко отстранить отъ себя происшедшее, замкнуться тотчасъ же въ холодномъ и отчужденномъ яко-бы незнаніи, начальственной недоступности... или же...

Онъ поднялъ нижній край епитрахили. И вдругъ, самъ не понимая, какъ это вышло, сказалъ:

— Мнѣ нужно было бы съ вами поговорить... Есть одно обстоятельство... Вы, можетъ быть, догадываетесь? Но, конечно, не здѣсь... не на исповѣди...

— Такъ да? Ну, вотъ...

Она отрывисто качнула головой.

Онъ близко къ ней нагнулся, такъ что ея пушистые волосы почти его касались, и на щекѣ ясно ощутилось впечатлѣніе отъ близости ея лица.

— Можетъ быть, вы что-либо еще желали бы мнѣ сказать?

Онъ умѣрилъ голосъ и опустилъ глаза.

— Или у васъ ничего нѣтъ? Мнѣ такъ показалось...

Она въ страхѣ посмотрѣла на него.

Нѣтъ, онъ слишкомъ далеко зашелъ.

— Да, такъ нагните голову... Отпущаются грѣхи...

Онъ накрылъ ей епитрахилью голову, боясь коснуться рукою ея волосъ и вмѣстѣ жадно касаясь, и, противъ воли, осязалъ взглядомъ ея полныя, слежитшіяся плечи и завитки бѣлокурыхъ волосъ на затылкѣ.

Она недоумѣвающе опустилась на одно колѣно. Что она подумаетъ о немъ?

— Вы передайте папѣ, чтобы какъ-нибудь зашелъ ко мнѣ...

Она поднялась съ колѣнъ и механически кивнула головой. Глаза ея смотрѣли въ одну точку.

— Ну, идите съ Богомъ.

Она такъ же механически повернулась и пошла.

И вдругъ онъ ощутилъ страхъ и сожалѣніе, что уже все кончилось, и онъ не сдѣлалъ чего-то главнаго, что хотѣлъ, и уже нельзя будетъ видѣть ее опять близко лицомъ къ лицу, какъ онъ видѣлъ ее сейчасъ, и ощущать жаръ ея щеки.

Сгорбившись, она сходила по ступенямъ амвона, по очереди выставляя впередъ колѣни и скрипя и приступкивая дешевенькими ботинками.

Положивъ крестъ, который держалъ въ рукахъ, чтобы дать ей передъ тѣмъ приложиться, онъ быстро сорвалъ епитрахиль и туго ее сложилъ. Только тогда онъ почувствовалъ, что ему душно и тѣснитъ высокій и узкій воротникъ рясы.

И вдругъ ясно припомнилось, какъ онъ касался ея волосъ, и захотѣлось вернуть ее и такъ же прикоснуться къ ея плечамъ, груди.

Никогда раньше съ нимъ не было ничего подобнаго. Роговъ припомнилъ нѣкоторые проблески привязанности къ дѣвушкѣ изъ публичнаго дома, который онъ посѣщалъ, будучи въ академіи. Но это было не то.

Онъ выглянулъ изъ-за ширмъ и поглядѣлъ еще разъ на удалявшуюся дѣвушку. Она продолжала итти неподвижной походкой сомнамбулы, среди полумрака церкви, по направленію къ выходу. Таисія! Какое чудесное имя: если бы онъ могъ жениться на ней, то это было бы настоящее, захватывающее счастье!

И онъ жадно слѣдилъ за каждою линіею ея фигуры съ низко опущенной головой и за каждымъ ея движеніемъ. И то, что онъ священникъ и стоитъ здѣсь въ рясѣ на амвонѣ, въ первый разъ казалось ему чѣмъ-то въ родѣ проклятья.

— Это нехорошо,—наконецъ, сказалъ онъ себѣ строго и вернулся за ширмы:—Голосъ бушующей плоти.—И тутъ же прибавилъ:—Красота!.. Нѣтъ, дурно.

Онъ подошелъ къ налою, чувствуя тяжесть въ тѣлѣ и знакомое давленіе во лбу, надъ бровями, и, превозмогая усталость въ рукахъ, ногахъ и даже вѣкахъ, хотѣлъ перекреститься и отнести крестъ и евангеліе въ алтарь, но рука со щепотью, сложенною въ крестное знаменіе, остановилась на полдорогѣ, потому что онъ подумалъ, что не имѣетъ права съ такими мыслями и такими руками прикасаться къ нимъ.

Отойдя въ уголъ, онъ присѣлъ на стулъ. Ему хотѣлось опять найти себя, какимъ онъ былъ съ начала сегодняшней исповѣди.

И ему припомнилось, какъ она кивнула головой. Вѣдь это же полное признаніе!

Если бы не обстановка, онъ могъ бы взять ее за руки и покрыть ее всю поцѣлуями. И онъ бы это сдѣлалъ. Роговъ понималъ это ясно.

И она бы не стала сопротивляться. Это онъ зналъ тоже... Именно все это было бы такъ, если бы онъ былъ свѣтскій.

Вдругъ стало безотчетно страшно отъ такихъ мыслей. Какъ допустилъ онъ грѣху такъ глубоко пустить корни въ душу? Что съ нимъ произошло?

Роговъ поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ. Ему хотѣлось найти себѣ поддержку въ словахъ молитвы.

Одиноко въ пустомъ жутко-темномъ пространствѣ высокаго купола висѣло ярко вычищенное предпраздничное паникадило.

— Тысячу поклоновъ... Вотъ что! А то какъ же? Погибать?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Въ эту ночь легъ въ постель онъ поздно, когда прозвонили къ утренѣ въ женскомъ монастырѣ.

Прочитавъ «правила передъ причастіемъ», онъ сталъ съ часу ночи на поклоны.

Зоя давно спала, утомившись за день предпраздничныхъ хлопотъ. Она лежала къ нему спиною подъ стеганымъ краснымъ ватнымъ одѣяломъ и при свѣтѣ голубой лампадки была видна ея круглая, свернувшаяся въ комочекъ, плотная фигурка съ бѣлымъ чепчикомъ на затылкѣ.

Въ одномъ подрясникѣ поверхъ бѣлья, босой, онъ стоялъ на коврикѣ и кланялся въ землю, испытывая боль въ крестцѣ и тяжело поднимаясь. Въ рукахъ у него были аѳонскія четки, подарокъ дяди, игумена мѣстнаго монастыря, кончавшіяся кожаною кисточкою, и по нимъ онъ съ чувствомъ совершенно новаго удовольствія отсчитывалъ каждый поклонъ. Какъ разъ въ четкахъ было сто продолговатыхъ шариковъ. Значитъ, надо было повторить ихъ десять разъ.

Вначалѣ онъ клалъ поклоны, по неопытности, слиш-

комъ быстро, безъ передышки, и отъ этого у него билось сердце, стучало въ вискахъ и тряслись икры ногъ, но зато отъ груди временно отошло безпокойное, мучительно-сосущее чувство.

Въ половинѣ поклоновъ стало почти дурно отъ охватившаго дрожанія колѣнъ, сердцебіенія и боли въ крестцѣ, такъ что пришлось опереться о спинку кровати. Кровать скрипнула и подалась. Зоя подняла голову съ подушки.

— Что? не покончилъ еще правилъ?—спросила она сонным голосомъ, потомъ, смутно удивившись чему-то, широко раскрыла глаза и видя, что онъ стоитъ безъ книги и тяжело дышитъ, подозрительно спросила:

— Ты что?

— Такъ... молюсь.

— Успѣешь еще завтра намолиться,—сказала она недовольно и опять укуталась одѣяломъ.

— Ложись,—прибавила она, засыпая.

Онъ постоялъ и, чтобы не будить ее, потихоньку надѣлъ туфли и вышелъ въ кабинетъ.

Свѣтъ отъ фонаря падалъ въ окно и чуть освѣщалъ предметы. Роговъ нашелъ мысленно образъ, висѣвшій въ темномъ углу и, повернувшись къ нему лицомъ, началъ опять отсчитывать поклоны. Когда дѣлалось невмоготу, садился на кожаный, издававшій мягкій трескъ диванъ и давалъ себѣ передохнуть.

И чѣмъ больше онъ мучился, тѣмъ болѣе его охватывало упоеніе экстаза. Ночь летѣла. Дважды пробили часы, а онъ теперь уже медленно клалъ поклонъ за поклономъ. Тяжело, точно прилипая къ землѣ, опускалось его тѣло и, чувствуя въ первый разъ свинцовую власть земного притяженія, онъ съ умиленіемъ отрывался, точно вознося надъ собою свой духъ, и выпрямлялся высокій и гордый, чтобы опять съ умиленіемъ припасть къ землѣ, съ чувствомъ кротости и уничиженія. Падая ницъ, онъ говорилъ:

— Боже, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному.

Вставая и выпрямляясь, съ выгибомъ живота впередъ, произносилъ:

— Слава тебѣ, Боже!

Такъ трудился онъ, пока въ десятый разъ не кончились четки. Разбитый, еле живой, но свѣтлый, точно воздушный, очистившійся отъ гадкихъ чувствъ, онъ вернулся въ свою комнату и, повалившись на постель рядомъ съ Зоей, тотчасъ заснулъ.

Когда Зоя его разбудила, ему казалось, что не прошло и получасу, какъ онъ легъ. Но она сидѣла передъ зеркаломъ въ голубомъ корсетѣ и, высоко закинувъ полныя, казавшіяся непріятно-желтыми, голыя руки, завивала волосы горячими щипцами, тутъ же согрѣвая ихъ на жестяной кухонной лампочкѣ.

Онъ приподнялся больной, испытывая легкую тошноту и головокруженіе. И собственная жизнь и служба опять показались ему проклятьемъ.

Съ непріятнымъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на увѣренныя движенія Зои, какъ она сидѣла передъ зеркаломъ съ полуоткрытымъ ртомъ и стянутыми по угламъ отъ внимательнаго напряженія губами и круглыми спокойными глазами.

Собственная спина казалась ему вывихнутою. Это напомнило о сладостно-мучительномъ, преодолѣнномъ поклонами чувствѣ, и оттого онъ съ радостью ощутилъ боль.

Особенно было трудно подняться въ церковь по лѣстницѣ, но потомъ обошлось.

— Что, или нездоровится?—спросилъ дьяконъ, вглядываясь ему въ лицо въ полусумракѣ алтаря, освѣщеннаго колеблющимся сіяніемъ нѣсколькихъ лампадъ и одного огарка.

— Отмѣнно здоровъ!—пробасилъ Роговъ и самъ удивился необычной силѣ своего голоса, разбудившаго резонансъ и точно вышедшаго изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ.

И весь онъ двигался, какъ бы не свой, легкій, высокій, свободный отъ своей всегдашней оболочки.

Къ концу утрени лампады отускнѣли и стало свѣтлѣе. а когда онъ началъ совершать у жертвенника проскомидію, въ окна уже лился настоящій облачный бѣлый день.

На клиросѣ шумное движеніе. Оттуда приносятъ цѣлое блюдо просвирокъ.

— О здравіи іерея Алексѣя... іерея Алексѣя... и еще іерея Алексѣя...—недовольно перебираетъ записки дьяконъ и подкладываетъ ему одну, гдѣ написано: «о здравіи дорогого батюшки Алексѣя Федоровича»...

— Отложите въ сторону... за кружку,—приказываетъ Роговъ.

— Неумѣстныя шалости,—говоритъ дьяконъ строго.— Вотъ еще другая такая же: «дорогого іерея»... Отложить туда же?

Роговъ молча киваетъ головой.

— Кто это все открываетъ дверь?

Дьяконъ сердито идетъ затворить дверь изъ алтаря. Слышны препирательства громкимъ шопотомъ:

— Отецъ дьяконъ, не запирайте!

Дьяконъ все-таки запираетъ, но, когда онъ возвращается назадъ, дверь со стукомъ отворяется опять.

— Кто этимъ занимается?—кричитъ дьяконъ, уже успѣвшій подойти къ жертвеннику.

Роговъ оборачивается тоже. Въ пространствѣ полуоткрытой двери мелькаютъ бѣлыя фигурки.

— Смотритъ, смотритъ!

Порывистыя отъ утренняго озноба движенія, нервный шопотъ.

Доносится запахъ можжевельника.

— Ну, хорошо, оставьте!—говоритъ онъ дьякону.

Дьяконъ демонстративно откладываетъ еще нѣсколько бумажекъ и суетъ ихъ туда же за кружку.

За дверью легкій, возбуждающій смѣхъ.

Рогову легко и весело. Онъ сознаетъ себя свободнымъ отъ дурныхъ чувствъ, и потому, когда выходитъ на амвонъ, не чувствуетъ ничего кромѣ спокойствія и доброты.

Въ утреннемъ полутуманѣ колеблются ихъ русыя и темныя головки.

Какъ хорошо, высоко поднявъ чашу со Св. Дарами, крестить ею на высотѣ пространство надъ ними:

— Всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ!

И, уходя въ алтарь, слышать за собою это свѣтлое, точно удивленное и вмѣстѣ радостное «аминь!»

Ломитъ отяжелѣвшія вѣки. Свѣтлые контуры оконъ двоятся. Если бы онъ могъ удержать въ душѣ это охватившее его умиленіе!

И онъ служитъ медленно и вдумчиво. Куда ему торопиться? Вся жизнь точно превратилась въ бѣлый, туманный сонъ. Сладко исторгаются изъ души дремотныя, звенящія слова. Сладко воздѣвать кверху руки, немного дрожащія и точно прозрачныя. Сладостно низко опускаться передъ престоломъ и касаться лбомъ мягкаго, пахнущаго сыростью и пылью ковра.

И никогда еще такъ не нравилось чтеніе Ивана Степановича, который, поставивъ на амвонѣ за царскими вратами складной налой, пѣвучимъ, тонкимъ голосомъ читаетъ «правила». И, слушая его голосъ, Рогову хочется уйти куда-нибудь въ далекіе скиты, надѣть тяжелыя вериги и неустанно заниматься бичеваніемъ сладостно и дремотно ноющей плоти.

Именно объ этомъ писали святые подвижники. Только Роговъ никогда раньше не задумывался объ этомъ всерьезъ. Читалъ и пропускалъ мимо ушей. Теперь онъ знаетъ.

И странно, раньше, когда онъ не досыпалъ, онъ зѣвалъ во время литургіи, совершенно такъ же, какъ сейчасъ зѣваетъ дьяконъ, въ рукавъ, отвернувшись къ окну. Теперь этого нѣтъ.

Но вотъ Иванъ Степановичъ окончилъ. Слышно, какъ онъ складываетъ и уноситъ налой. Дьяконъ отдергиваетъ завѣсу. Если сейчасъ обернуться, въ вырѣзѣ царскихъ вратъ будетъ видно голубое, розовое, бѣлое и кремъ. Это—причастники, стоящіе тѣсною толпою.

Каждый разъ, когда дьяконъ распахиваетъ передъ ними царскія врата, Роговъ испытываетъ пріятное волненіе. Пріятно вынести чашу и увидѣть много красиво убранныхъ дамскихъ, дѣвическихъ и дѣтскихъ головокъ, движеніе плечъ и неуловимое, изящное колыханіе нарядной толпы.

Но сейчасъ этого волненія нѣтъ. Почти не глядя передъ собою, онъ выноситъ чашу и, высоко глядя въ свѣтлѣющія отверстія большого купола, говоритъ протяжнымъ, дрожащимъ голосомъ:

— Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите! (на словѣ «вѣрою» дѣлаетъ удареніе).

И тогда только окидываетъ глазами нарядную толпу и сбоку протянувшійся бѣлѣющій рядъ причастницъ, поющихъ на клиросѣ. Онѣ подходятъ каждая съ надменной серьезностью и, слегка присѣдая, чтобы ему было удобнѣе положить въ ротъ причастіе, гордо откидываютъ назадъ голову съ туго заплетенными косичками. Это ровно ничего не значитъ, что онъ такъ важно стоитъ здѣсь съ чашею въ рукѣ: все-таки онъ для нихъ не болѣе, какъ Алексѣй Федоровичъ. Пусть онъ не воображаетъ о себѣ!

Высоко неся головку и охорашиваясь, каждая изъ нихъ сначала жеманно крестится, не отнимая локтей отъ таліи, и потомъ отходитъ въ сторону. Вотъ и все. Теперь у нихъ окончательно нѣтъ грѣховъ. Тѣсными группами, глядя другъ на друга ясными, смѣшливыми глазами, онѣ возвращаются на клиросъ. Милыя!

Саввинскую онъ давно уже нашелъ взглядомъ. Она восьмая въ очереди, но нѣсколько разъ уступила свое мѣсто другимъ и опять оказалась въ хвостѣ.

Ему хочется взглянуть на нее въ этомъ новомъ своемъ духовномъ преображеніи. Ближе и ближе. Онъ уже различаетъ знакомые завитки волосъ, когда она поворачиваетъ голову въ сторону. Свѣтло-русое темя прозрачно пушится. Но все это теперь уже другое: радостно-чистое и свѣтлое.

Хоръ лѣниво и устало выводитъ:

— Источника безсмертнаго вкусите...

— Причащается раба Божія...

Онъ отчетливо видитъ устремленные на него въ упоръ серьезные голубые глаза и доканчиваетъ:

— Таисія.

Видитъ, какъ неловко, преувеличенно широко раскрываются ея влажныя, нѣжныя губы, и чуть легкій, полупро-

зрачный пушокъ на верхней губѣ, бѣгущій и лоснящійся вверхъ по щекамъ; неловко касается ложечкой о нижній рядъ зубовъ и, не выдержавъ, опускаетъ вѣки.

Смутно чувствуетъ, какъ кто-то точно во снѣ цѣлуетъ чашу, колеблющуюся въ его рукѣ. Когда отходитъ, сразу становится просторнѣе, и онъ удивляется, что дьяконъ слегка отстраняетъ толпу.

Потомъ что-то разомъ вырастаетъ и расширяется въ груди. Ноги точно налитыя. Рука съ трудомъ поддерживаетъ чашу. Онъ стоитъ и мысленно считаетъ причащающихся, много ли осталось.

Потомъ взглядъ его мелькомъ находитъ жену. Въ красной наколкѣ и съ высоко подпертыми корсетомъ грудями, она имѣетъ важный, надутый видъ, напоминающій что-то коровье. Чувствуются ея толстыя плечи, и чуть не рвется туго стянутое въ швахъ шелковое платье цвѣта вишни, пахнущее приторными духами, смѣшанными съ запахомъ тѣла.

Разбитый и слабый, онъ стоитъ, какъ въ туманѣ, съ душой только усталой и только сонной.

— Тѣло Христово пріимите...—пищитъ протяжно хоръ.

«Надо отсюда уйти»,—рѣшаетъ Роговъ,—«уйти въ уѣздъ, въ приходъ...»

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Послѣ причастія нѣкоторыя изъ нихъ, а также изъ окончившихъ епархіалокъ, приходятъ къ нему на чашку чаю. Такъ велось съ перваго же года его службы, хотя Зоя и старалась всячески ограничить эти посѣщенія.

Входятъ онѣ обыкновенно гурьбой и нѣкоторое время толпятся въ передней, пока Зоя не позволитъ ему къ нимъ выйти и пригласить зайти.

Сегодня Зоя въ особенности не въ духѣ.

— Пожалуйста, попроси ихъ больше не ходить!—говоритъ она, переодѣваясь въ спальнѣ, нарочно громко.—Это—невѣжество, нахальство. Онѣ должны знать, что ты—инспекторъ. Кто ихъ звалъ?

Роговъ старается ее успокоить.

— Ради Бога, тише. Онѣ слышатъ.

— И пускай слышатъ. Вѣдь ты ихъ не звалъ? Скажи: ты ихъ звалъ или нѣтъ?

— Допустимъ, что не звалъ, но ужъ это выходитъ такой законъ, положеніе...

— Нѣтъ такого закона. «Законъ!» Постыдился бы говорить... Поухаживать за дѣвчонками захотѣлось. Мало тебѣ ухаживать въ училищѣ, на урокахъ и въ перемѣны? Ты думаешь, я твоихъ шашней не знаю? Сдѣлай твою милость!

«Хоть бы дьяконъ поскорѣе пришелъ... выручилъ»,—съ тоскою думаетъ Роговъ.

— Я просто сейчасъ пойду и всѣхъ выгоню вонъ. Вонъ, вонъ сейчасъ же!

Она вскакиваетъ, смотритъ на него яростнымъ взглядомъ и вдругъ, закинувъ голову назадъ, смѣется.

— Я все время наблюдала, когда ты ихъ причащалъ. Картина!

Застегнувъ послѣднія пуговицы, она выходитъ въ переднюю объясняться съ ними сама.

Роговъ, красный и потный отъ стыда и возмущенія, полуотворяетъ дверь спальни и слушаетъ.

— Батюшка нездоровъ,—говоритъ Зоя.—Благодарю васъ... И васъ, въ свою очередь, поздравляю... Но согласитесь, господа, что онъ служилъ заутреню и обѣдню... И вообще... Онъ сейчасъ прилегъ...

Молчаніе. Онѣ не уходятъ. Роговъ усмѣхается и громко откусываетъ ноготь.

— Батюшка извиняется, что не можетъ васъ принять,—продолжаетъ она послѣ нѣкоторой паузы.—Очень жаль, да...

Опять пауза. Но никто не трогается съ мѣста. Ихъ тамъ, навѣрное, человѣкъ десять. Онѣ стоятъ плечо къ плечу и не могутъ сразу понять, что ихъ гонятъ.

— Итакъ, до другого раза... (Пауза). Вамъ надо что-нибудь Алексѣю Федоровичу передать? (Пауза).

Господи, онѣ пришли къ нему посидѣть... разъ въ годъ... и этого своего завоеваннаго права онѣ ей такъ не отдадутъ.

И Роговъ опять усмѣхается.

— Я ничего не понимаю,—говоритъ Зоя, окончательно сбитая съ позиціи.—Я сейчасъ позову самого Алексѣя Федоровича.

Роговъ отскакиваетъ отъ двери и политично ложится на кровать. Зоя влетаетъ, громко хлопая дверью.

— Вотъ нахалки! Стоятъ, какъ вкопанныя. Я ихъ гоню, а онѣ только глазами хлопаютъ. Поди и распорядись самъ. Чтобъ духу ихъ никогда не было.

Онъ пробуетъ протестовать. Но она поднимаетъ такой крикъ, что онъ, махнувъ рукой, выходитъ.

Въ передней облегченный смѣхъ и молчаливая возня. Снимаютъ пальто и калоши, разматываютъ платки. Когда онъ подходитъ ближе, всѣ уже раздѣты, верхняя одежда кучею свалена на диванъ, стоящій въ передней, и частью на полу. Протягиваются милыя, неуклюжія дѣвичьи руки, крѣпко, «съ выраженіемъ» жмутъ ему руку, поздравленіе произносятъ вполголоса.

Онъ благодаритъ и, собственно, не приглашаетъ ихъ, но онѣ, обдергиваясь, поправляя смятые рукава и прически, какъ-то сами собой, по одиночкѣ, выходятъ, обступая его, изъ передней въ залъ. Ему остается только поневолѣ констатировать фактъ:

— Садитесь.

Теперь онѣ садятся, считая своимъ долгомъ при этомъ внимательно оглядѣть стѣны. Онѣ желаютъ знать, какъ онъ живетъ. Вѣдь онѣ позволяютъ себѣ эту роскошь только одинъ разъ въ годъ. И теперь онѣ широко пользуются своимъ правомъ.

Прежде всего, онѣ молчатъ. Онѣ теперь хотятъ услышать, что скажетъ онъ.

Роговъ обращается по очереди къ «окончившимъ» съ разспросами, какъ онѣ устроились. Каждая подробно и обстоятельно рапортуетъ. Онѣ или занимаются домашнимъ хозяйствомъ или служатъ учительницами. Пока каждая говоритъ, всѣ остальныя внимательно ее слушаютъ, глядя ей попеременно на лицо и грудь, точно желая себѣ что-то уяснить и,

не уяснивъ, вопросительно взглядываютъ на Рогова, доволенъ ли онъ услышаннымъ.

Посмѣиваясь, онъ говоритъ:

— Такъ, такъ.

Тогда онѣ съ тѣмъ же серьезнымъ видомъ переводятъ глаза на слѣдующую, которой наступила очередь говорить. И та, волнуясь и краснѣя въ лицѣ, говоритъ.

Но отворяется дверь, и Зоя его зоветъ:

— Алексѣй!

Онъ извиняется и выходитъ. За дверью на него почти вплотную наваливается Зоя.

— Я требую, чтобы ты ихъ тотчасъ же выгналъ. Иначе я тебѣ устрою скандалъ. Это—мой домъ, и я имѣю право его ограждать отъ... нахалокъ.

Онъ блѣднѣетъ и задыхается, но еще пробуетъ себя сдерживать.

— Вспомни, по крайней мѣрѣ, какой сегодня день,—говоритъ онъ, порываясь уйти.

— Слышишь?—кричитъ она, не пуская дверь.—Это нахальство, наглость.

Она пріоткрываетъ дверь и нарочно громко произноситъ еще разъ:

— Наглость. Всегда скажу, не стѣсняясь.

Съ виноватымъ видомъ онъ выходитъ къ нимъ. Онѣ только что кончили о чемъ-то совѣщаться, и теперь выражаютъ ему взглядами полное сочувствіе и солидарность. Какъ онъ долженъ страдать!

Въ прихожей звонокъ. Это—дьяконъ. Да, это онъ. Еще въ дверяхъ, слышно, спрашиваетъ:

— А самоварчикъ на столѣ? (Съ испугомъ). Неужели нѣтъ? Что такъ?

Выглядываетъ, не раздѣваясь, въ дверь.

— Батюшки, цѣлый цвѣтникъ!

Онъ замѣтно выпилъ и поэтому преувеличенно низко кланяется. Когда онъ выпивши, онъ дѣлается галантнымъ съ дамами. Самый безошибочный признакъ, что онъ не совсѣмъ трезвъ.

Его приходъ нѣсколько разряжаетъ атмосферу. Во-первыхъ, онъ всегда хорошо умѣетъ оріентироваться по части угощенія. Во-вторыхъ, онъ сразу угадываетъ домашнее настроеніе. Въ-третьихъ, Зоя его любитъ.

— Гости!—восклицаетъ онъ, оправляя и заворачивая длинные рукава.—Милыя, дорогія мои! Самые первые и желанные гости! Развѣ не правду я сказалъ? Зоя Ивановна, прикажите вамъ помочь.

Онъ, подмигивая и становясь на одну цыпочку, прихрамывая, уходитъ въ столовую. Тамъ нѣкоторое время ведутся дебаты громкимъ шопотомъ, потомъ начинаютъ звякать чашки.

— Конечно, нахалки,—говоритъ Зоя.

— Тс!—возражаетъ ей дьяконъ и нарочно говоритъ громко:—Какъ же не нахалки, ясочка? На базарѣ всѣ торговки нахалки. Я понимаю-съ. Гм... гм... Какая же пасха изъ кислаго творогу?... Милая голубушка моя, не надо. Я все, все понимаю.

Онъ нарочно громко смѣется.

— Только стаканчикъ краснаго вина, не болѣе. Не вѣрите? Вѣдь сегодня какой день, ясочка! «Егда славніи ученицы на умовеніи вечери просвѣщахуся, тогда Іуда злочестивый...» Іуда злочестивый это—я. Ей-Богу.

— Оставьте меня!—вскрикиваетъ Зоя:—все равно я не выйду.

Дѣйствительно, она куда-то убѣгаетъ, шумя платьемъ. Но спустя недолгое время дьяконъ выходитъ и, кланяясь, приглашаетъ всѣхъ къ столу.

Зоя за самоваромъ. Впрочемъ съ нею не здороваются. Во-первыхъ, ихъ много, а, во-вторыхъ, карты все равно раскрыты, и было бы нелѣпо играть комедію. Во всякомъ случаѣ, онѣ настояли на своемъ.

Она наливаетъ имъ чашки, но передаетъ ихъ дьяконъ. При этомъ онъ говоритъ:

— Милыя мои!

Ему бы хотѣлось, чтобы между женщинами былъ миръ, но только не знаетъ, какъ это выразить, и огорчительно вздыхаетъ.

— Именно, милыя мои, хорошія, юныя, чистыя. Вѣдь, потомъ уже портится человѣкъ. (Взглядъ на Зою). Конечно, не скоро: лѣтъ черезъ десять, пятнадцать. Правду я говорю?

— Помолчите, о. дьяконъ,—говоритъ Зоя раздраженно.

— Развѣ нѣтъ? Опять не такъ? Молчу, молчу...

Онъ машетъ рукой и наливаетъ себѣ краснаго вина.

— Оно постное.

Дѣвицы сочувственно улыбаются ему однѣми губами.

Въ прихожей опять звонокъ.

— Это невыносимо!—говоритъ Зоя.—Кто это можетъ такъ сильно звонить?

— Почтальонъ,—догадывается дьяконъ.—Кстати, о. Алексѣй, слышали? Вчера Ольга Ивановна получила извѣщеніе, что ея дядя, преосвященный Ириней, переводится къ намъ. Какъ же, какъ же! Преосвященный Ириней, иже... и такъ далѣе... Гроза во языцѣхъ.

Онъ прищуриваетъ дѣвицамъ одинъ глазъ, точно и онѣ должны понимать, какія это обстоятельство повлечетъ за собою послѣдствія.

— Дядюшка нашей Ольги Ивановны, госпожи начальницы,—прибавляетъ онъ еще разъ для большей ясности.— Вотъ оно куда пошло. Превозношеніе превыше облацъ!

Въ прихожей копотливое движеніе и негромкій разговоръ. Видно, что пришла дама и распутывается.

Роговъ громко окликиваетъ, кто пришелъ, но его не удостаиваютъ отвѣтомъ. Копотливое движеніе и разговоръ вполголоса продолжаются Это указываютъ на высокое, или, во всякомъ случаѣ, значительное положеніе новоприбывшаго.

Наконецъ, на порогѣ появляется сама Ольга Ивановна. Она въ синемъ, форменномъ платьѣ, и только на плечахъ глупая мѣховая горжетка.

— Легка на поминѣ,—бурчитъ дьяконъ, подобострастно вставая съ мѣста и лебезя.

— Я извиняюсь,—говоритъ Ольга Ивановна жеманно и вмѣстѣ лукаво играя глазами (навѣрное, затѣяла какую-нибудь глупость).—У васъ въ гостяхъ воспитанницы... Разъ,

двѣ, три, пять.... Сидите, сидите. Здравствуйте, душечка Зоя Ивановна. (Цѣлуется съ Зоей). И о. дьяконъ здѣсь. Гавгамельская, вы получили отпускъ къ вашей тетѣ. Почему вы здѣсь? (Рогову) Я не дѣлаю ей выговора, но я должна знать, гдѣ бываютъ воспитанницы, которыя уходятъ въ отпуска.

Проводитъ остренькимъ язычкомъ по губамъ.

— Сидите, сидите... Пожалуйста, сидите!

Она присаживается, и Зоя съ чрезвычайною готовностью наливаетъ и подаетъ ей чашку. Такъ, очень хорошо. Можетъ-быть, хотя она вышвырнетъ этихъ нахалокъ за дверь.

— Алексѣй Федоровичъ, навѣрное, сегодня такъ усталъ. Онъ даже пошатывался съ чашею въ рукахъ. Въ особенности, когда подошла одна (на словѣ *одна* она дѣлаетъ удареніе) воспитанница. Я замѣтила это. Вамъ, вѣроятно, сегодня нездоровилось, Алексѣй Федоровичъ?

— Покорнѣйше благодарю за вашу заботу о моемъ здоровьѣ,—говоритъ Роговъ.

Водворяется неловкое молчаніе.

— Отправляйтесь!—вдругъ говоритъ Ольга Ивановна воспитанницамъ.—Допили вашъ чай? И отлично. И впередъ не надо безпокоить батюшку послѣ обѣдни.

— Позвольте!—вскрикиваетъ Роговъ.—Я не понимаю, зачѣмъ вы ихъ гоните. Что это такое? По какому, такъ сказать, праву?

— Отправляйтесь, отправляйтесь!

Роговъ встаетъ тоже и, не прощаясь, уходитъ въ кабинетъ.

Слышно, какъ Зоя говоритъ:

— Конечно, да... Въ сущности, эти хожденія...

Онъ нарочно громко хлопаетъ дверью и начинаетъ маршировать по комнатѣ.

«А, Ириней! Вотъ оно что! Но это мы еще посмотримъ».

Стукъ въ дверь.

— Что угодно? Войдите.

Это опять она.

— Можно на пару словъ?

— Не желаю разговаривать!

Онъ задыхается.

— Прошу меня оставить.

Она присаживается. Онъ останавливается и видитъ только ея маленькое лисье личико, съ острыми, изучающими глазками.

— Но я должна говорить... Я кое-что знаю о письмѣ...

— О какомъ письмѣ?

Роговъ вдругъ краснѣетъ.

— Что вы тамъ выдумываете?

— Нѣтъ, я не выдумываю. И вы прекрасно знаете, о чемъ я говорю. Я должна, это—мой долгъ. Я должна буду жаловаться преосвященному...

— Иринею?—спросилъ Роговъ, усмѣхнувшись.—Скоро вы, однако, вознеслись. Какъ бы не низринуться въ преисподнюю.

— Совершенно вѣрно, я буду жаловаться новому владыкѣ, моему дядѣ. Мнѣ пишетъ моя сестра, которая въ Петроградѣ замужемъ за протоіереемъ Пересвѣтовымъ. Его назначеніе уже давно рѣшено въ салонѣ графини Балабухиной-Кощербо. Балабухина-Кощербо очень хороша съ мужемъ моей сестры. Они тоже получаютъ скоро очень важное назначеніе.

— Они? Какое же назначеніе получитъ ваша сестра? Подметать салонъ графини Балабухиной-Кощербо?

— Я не намѣрена слушать вашихъ дерзостей.

— А я вашей родословной. Мнѣ некогда.

— Я буду кратка.

Она встаетъ.

— Мнѣ достовѣрно извѣстно о томъ, что вы получили отъ одной воспитанницы письмо и... скрыли его. Я желаю имѣть это письмо... то самое, которое вы мнѣ показывали... розовый конвертъ. Это—мой долгъ. И, вообще, къ чему эти письма и эти хожденія воспитанницъ на домъ? Я всегда говорила, что инспектору лучше имѣть квартиру отдѣльно.

Рогову вдругъ кажется, что окна странно и радостно расширились и посвѣтлѣли, а потомъ сдѣлались сразу уже и

темнѣе, точно на дворѣ взошла туча. Что-то поднялось, свернуло и смяло крохотную фигурку Ольги Ивановны, которая вдругъ стала пятиться—и тихо, спиною вышла въ дверь. Онъ помнилъ только, что крикнулъ:

— Вонъ!

Но звука собственнаго голоса не слышалъ. Только въ глазахъ по-прежнему дѣлалось то свѣтлѣе, то темнѣе, да въ горлѣ что-то хрипѣло и переливалось.

Онъ сѣлъ на диванъ и понурился. Билось сердце и захватывало дыханіе. Вошла на цыпочкахъ Зоя и положила на голову мокрое полотенце.

— Спасибо!—качнулъ онъ съ трудомъ головою.

— Не дрожи такъ,—попросила она робко.

Онъ взглянулъ на нее. Она стояла передъ нимъ на колѣняхъ и глядѣла на него преданными глазами. Она чувствовала, что чѣмъ-то виновата передъ нимъ, и только не знала чѣмъ. Чтобы онъ не дрожалъ, она взяла его за руку.

— Ну, конечно же ты усталъ! Прилягъ.

Но онъ продолжалъ дрожать. Стучали зубы. Сорвалъ съ головы полотенце и бросилъ.

— Сейчасъ пройдетъ.

— Алеша, о какомъ она говорила письмѣ?

Въ ея голосѣ онъ уловилъ тревогу и женскую хитрость. Но ему было трудно отвѣчать. Онъ дрожащими пальцами разстегнулъ воротникъ и, поднявшись съ дивана, открылъ оконную форточку, жадно прильнувъ грудью къ струѣ свѣжаго воздуха.

— Странно!—сказала Зоя:—все это очень странно. Ты не хочешь мнѣ отвѣчать. Теперь я вынуждена Богъ знаетъ что думать. До чего ты дошелъ. Поганыя дѣвчонки открыто вѣшаются тебѣ на шею.

— Зоя!—простоналъ Роговъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Алеша, я такъ не могу. Ты долженъ мнѣ сказать... Если даже она знаетъ... Я твоя жена и должна знать все.

Роговъ понималъ, что этого нельзя ей разсказать. Что онъ ей скажетъ? Глупо и смѣшно. Фактъ, внѣшній фактъ полу-

ченія письма и того, что онъ не передалъ его Ольгѣ Ивановнѣ, останется фактомъ. Сказать, что помѣшалъ Пузаковъ? Не повѣритъ. И, вообще, не повѣритъ ничему настоящему, внутреннему.

Она подошла къ нему, положила голову ему на плечо, обняла его за талію и вкрадчиво заговорила:

— Алеша, милый, зачѣмъ ты скрываешь отъ меня? Видишь, я теперь уже знаю. Молчаніе и ложь для меня хуже. Какая бы ни была правда—лучше правда. Я перенесу все.

Она старалась говорить голосомъ театральной героини, и и это было ему противно. Онъ зналъ, что скажи онъ ей только половину настоящей правды, хотя бы только то, что чувствуетъ къ дѣвушкѣ странное непреоборимое влеченіе, которое тяготитъ его самого, и она осыпаетъ его грубыми упреками и оскорбленіями. Если бы онъ могъ открыться ей по-человѣчески, какъ другу, и вмѣстѣ обсудить, что же предпринять! Но наши женщины не приспособлены для этого. Какъ говоритъ дьяконъ: «не такая у нихъ протоплазма».

— Ты не скажешь?—продолжала Зоя, повысивъ голосъ.— Видишь, я говорю съ тобою по-хорошему. Развѣ стала бы другая говорить съ тобою такъ, когда открываются всякія гадости?

Онъ повернулся отъ окна и смѣрилъ ее строгимъ взглядомъ.

— Что такое открывается?

— Пожалуйста, пожалуйста!— замахала она на него руками,—не притворяйся. Гдѣ розовое письмо? Видишь, я все равно знаю все. Не дашь? Тогда знай, хотя ты и причащался сегодня, ты негодяй и подлецъ, и съ тебя надо сорвать рясу. Развратникъ!

— Зоя,—сказалъ Роговъ, притворяя дверь,—удержись! Ольгѣ Ивановнѣ я показалъ на дверь, когда она заикнулась о какомъ-то письмѣ.

Зоя захохотала.

— Заговаривай зубы кому-нибудь другому. Во всякомъ случаѣ, Ольгѣ Ивановнѣ больше вѣры, чѣмъ тебѣ. Назвалъ

цѣлый домъ дѣвчонокъ и цѣлуется и милуется съ ними, не знаетъ, какъ и подойти. Жена гонитъ вонъ, а онъ расшаркивается...

Она опять захохотала.

— А эти нахалки видятъ, что ты плюешь на меня, даже здороваться не желаютъ. Пришли, точно на конюшню. Семейный домъ! Ха-ха! Я этого не позволю. Слышишь? Сейчасъ же ухожу. Марѳа, Марѳа! Сейчасъ же принеси мой чемоданъ и дай мнѣ пальто и шляпу!

Она отворила дверь и выбѣжала въ столовую.

За дверью спальни послышался тонкій плачъ дѣтей. Изъ-за стола поднялся дьяконъ.

— О, дьяконъ? Вы слышали? Онъ получилъ розовое письмо... и скрылъ. Понимаете? Отъ начальства и отъ жены. Ему тамъ назначается свиданіе. Марѳа! Мое пальто.

— Я пойду,—сказалъ дьяконъ,—пустяки это. Никакого письма.

— Пожалуйста, пожалуйста. Вы всѣ мужчины поддерживаете другъ друга.

Она упала на стулъ и зарыдала.

Дьяконъ хотѣлъ подать ей воды.

— Уйдите, оставьте меня!—взвизгнула она:—вы всѣ мнѣ противны. Вы всѣ грязные. Если бы я знала, я никогда не пошла бы замужъ. И кто бы могъ подумать? Священникъ!

Она захохотала долгимъ истерическимъ хохотомъ.

Изъ передней къ ней ринулась Марфа, и обѣ женщины обнявшись плакали.

— Конецъ,—сказалъ вполголоса Роговъ, и самъ себѣ удивился.—Чему конецъ? Такъ, всему, надеждамъ на Зою.

И было невыносимо противно слушать это мало похожее на человѣческое, бабье рыданіе, вѣрнѣе бабій вой.

И вдругъ онъ понялъ, что съ нимъ произошло что-то отвратительное, липкое, что плотно пристало къ его тѣлу, чего нельзя отодрать, и что въ самой своей основѣ позорно и гнусно, то, что называется необходимостью имѣть женщину.

Онъ постарался представить себѣ Саввинскую, но и она

рисовалась ему сейчасъ въ грубыхъ, вульгарныхъ, чувственныхъ чертахъ: широкая спина, крѣпкія плечи, упрямая тупая голова, крутые локти.

— И она, вѣрно, такая же... Именно «протоплазма». Скверно.

Онъ провелъ рукою по лбу и волосамъ, чтобы отогнать туманъ, поспѣшно одѣлся и выбѣжалъ на воздухъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Вернувшись онъ не засталъ Зои. Она не пришла ни къ обѣду, ни ко времени «двѣнадцати евангелій». Это означаетъ: пошла жаловаться родителямъ.

— Что же? И самое лучшее. Во всякомъ случаѣ, онъ на уступки не пойдетъ, и они мирно разъѣдутся, потому что онъ выйдетъ изъ священниковъ.

И это рѣшеніе представилось ему на моментъ такимъ простымъ и естественнымъ, что было только жаль, что онъ потратилъ столько лѣтъ на службу по духовному вѣдомству. Ну, что, собственно, въ немъ священническаго? Ровно ничего, и поступилъ онъ въ священники исключительно по недостатку воображенія. И отецъ, и дѣдъ были священники— вотъ и весь аргументъ. Глупо и нехорошо. Преступленіе при такихъ условіяхъ надѣвать рясу.

Впрочемъ, еще было жаль Зои. Конечно, она была ограничена и, главное, случайна. Она случайно вошла въ его жизнь, и все въ ней было поэтому лишено прочной и живой связи съ нимъ. Она была молода, миловидна, но этого совершенно ненужно было въ ней ему. Они были чужіе. Это ясно.

Роговъ легъ на диванъ въ гостиной и закрылъ глаза. Наступили уже сумерки, но въ комнатѣ точно боялись, по случаю отсутствія хозяйки, зажигать огонь.

Роговъ старался возможно отчетливѣе представить себѣ жену: выраженіе ея лица, манеру двигаться, старался припомнить отдѣльныя ея слова, мысли, высказанныя ею, и ему дѣлалось все болѣе и болѣе странно отъ сознанія, что онъ

удовлетворялся раньше ея близостью и не желалъ ничего лучшаго.

Онъ жилъ точно пришибленный, не смѣя подумать о томъ, что гдѣ-то есть подлинная жизнь, о которой онъ зналъ только по наслышкѣ или изъ книгъ.

И неужели однимъ ударомъ онъ долженъ отсѣчь эту сторону жизни? Вотъ придетъ Зоя, онъ протянетъ ей руки, помирится, и потомъ, пусть снова начнется прежняя жизнь.

Онъ раскрылъ глаза и сѣлъ на диванѣ, спустивъ ноги. Въ домѣ было тихо, и только изъ дѣтской доносился тонкій плачъ и дѣтская болтовня.

Во имя чего, собственно, онъ долженъ былъ задавить въ себѣ голосъ жизни? Во имя дѣтей? Согласенъ. Но вѣдь это—слова. Дѣтей ему не жаль. Не можетъ быть жаль, потому что онъ захваченъ этимъ, которое больше его. Или нѣтъ: жаль, но совершенно по-особенному.

Онъ нарочно всталъ и, пройдя темный коридоръ, отворилъ дверь въ дѣтскую. Пахнуло прѣлымъ тепломъ и острымъ запахомъ пеленокъ. На стѣнѣ коптила маленькая жестяная лампочка. Онъ поправилъ огонь.

На рукахъ у подростка-няньки Мани плакалъ младшій Володя. У противоположной стѣны, на постели, сидѣла старшая, Лиза, и старательно водила пальчикомъ по лицу тряпичной куклы.

— Ви-дитъ!—наконецъ сказала она съ внезапнымъ восторгомъ и, наморщивъ носикъ, посмотрѣла на отца.—Папа, видитъ. Смотри: глаза.

Она протянула ему пеструю, дурно сшитую куклу, съ тряпичной головой, на которой, со стороны, означавшей лицо, были нарисованы чернилами глаза, носъ и ротъ. Роговъ пощелкалъ языкомъ, чтобы выразить одобреніе куклѣ, но у него не было настоящаго сочувствія ребенку. Дѣвочка казалась ему постороннею. И даже было странно, что это его дочь.

Онъ все же заставилъ себя почувствовать жалость къ ребенку, не понимавшему своего положенія, и даже погладилъ

его по головѣ. Но дѣвочка продолжала оставаться чужою, и только была къ ней за это большая и особенная жалость.

Съ мучительнымъ чувствомъ оторвавшись отъ нея, онъ посмотрѣлъ на младшаго.

— У нихъ грызь,—сказала серьезно качавшая его дѣвочка, повернувъ къ Рогову смуглое равнодушное лицо.

Роговъ потрогалъ ребенка за голову. Лобъ у него былъ горячій, и плачъ казался хриплымъ. Онъ осторожно взялъ больного ребенка на руки. Тотъ, коснувшись лицомъ его бороды, сначала испуганно вытаращилъ глазенки, потомъ, почувствовавъ величину и силу его мясистыхъ рукъ, по-своему оцѣнилъ удобства новаго положенія и затихъ.

— Понравилось у папани,—сказала няня.

Роговъ съ усиліемъ и стыдомъ посмотрѣлъ на воспаленное лицо ребенка. Тотъ дышалъ тяжело, иногда открывалъ глаза, показывая при этомъ отъ слабости одни бѣлки.

«Ну, ничего, ничего... посмотри»,—сказалъ самъ себѣ Роговъ:—«освѣжаетъ.... Не правда ли?»

Мучительное чувство жизни сжалось въ комокъ и ушло на дно. Онъ продолжалъ смотрѣть въ лицо больного ребенка, крѣпко сжимая его въ объятіяхъ.

— Подлецъ я, мерзавецъ!—вдругъ неожиданно сказали сами собой его губы.

Онъ испуганно покосился на няню, но она не слышала. Тогда онъ приникъ къ больному еще ближе и сталъ слушать его страдальческое дыханіе.

«Исцѣли меня, исцѣли»,—говорилъ мысленно онъ, нѣжно обнимая его:—«милый, чистый».

Онъ касался щекочущей бородою его лица, но тотъ довѣрчиво не открывалъ глазокъ.

Роговъ подумалъ, что онъ можетъ себя убить. Вѣдь это тоже выходъ. Осторожно положивъ ребенка въ колыбель, онъ вышелъ въ залъ и сталъ смотрѣть на училищный дворъ.

Былъ небольшой дождь, и изъ водосточныхъ трубъ толстыми струями сбѣгала вода. Изъ сторожки прошелъ старикъ-сторожъ Прохоръ, чтобы ударить на звонницѣ «къ

страстямъ». Надо было собираться, но не хотѣлось. Было страшно, что увидитъ «ее».

«Я схожу съ ума»,—подумалъ Роговъ.

Онъ болѣзненно ждалъ перваго удара въ колоколъ. Невольно ему припомнился рядъ предыдущихъ годовъ, когда онъ собирался къ тѣмъ же «страстямъ», и отъ этого дѣлалось еще яснѣе, что онъ палъ.

Но неужели это такъ серьезно? Онъ попытался отдать себѣ отчетъ въ Саввинской или хотя бы просто отчетливо себѣ ее представить. Да, представить.

— Я до сихъ поръ не думалъ о ней, а больше ее чувствовалъ,—сказалъ онъ себѣ:—А теперь я долженъ обсудить все моимъ умомъ. Ну, кто же она?

Тонкій ударъ колокола прозвучалъ точно болѣзненный уколъ. И отъ этого всѣ мысли смѣшались.

«Кто она?»—повторилъ онъ еще разъ настойчиво, но не могъ вызвать ничего, кромѣ мучительно-свѣтло-радостнаго образа, почти безъ очертаній. Могъ представить себѣ по частямъ руку, или плечо, тембръ голоса, даже мелькомъ взглядъ большихъ сѣрыхъ наивно-серьезныхъ глазъ, но и то уже труднѣе. И оттого хотѣлось ее увидѣть, чтобы что-то понять, уяснить.

Попытался представить Зою, всю, разомъ, до мельчайшихъ подробностей. Это было сдѣлать легко.

Колоколъ продолжалъ тоскливо плакать. Изъ дѣтской вторилъ ему мучительно-жалкій крикъ Володи. Надѣвъ верхнюю рясу и найдя дрожащими руками шляпу и трость, Роговъ остановился на мгновенье въ передней, потому что ему казалось необходимымъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Марѳа почтительно-недовольно дожидалась въ сѣнцихъ затворить за нимъ дверь.

— Если разсуждать разумно,—сказалъ себѣ Роговъ,—то дѣло обстоитъ такъ... худо ли, хорошо ли—вопросъ другой... Я не могу отказаться въ мысляхъ отъ этой дѣвушки. Отчего?—не знаю. Можетъ-быть, я дурно воспитанъ, развращенъ,—я тоже не знаю. Я не достоинъ быть ни священникомъ, ни мужемъ Зои, ни отцомъ ея дѣтей. Потому я дол-

женъ или погибнуть, или какъ-нибудь иначе устроить свою жизнь. И если я иду сегодня къ «двѣнадцати евангеліямъ», то это лишь потому, что сейчасъ меня некѣмъ замѣнить... Кажется, такъ?

И это отчетливое и простое соображеніе успокоило его.

Подъ равнодушно-однообразный перезвонъ знакомыхъ колоколовъ онъ прошелъ къ церкви, гдѣ ему была знакома каждая ступенька, и совершенно новый, другой, не похожій на прежняго, даже еще вчерашняго, онъ вошелъ внутрь.

«Прощайте, стѣны!» — говорилъ онъ себѣ: — «прощай, алтарь, и ты святой Иванъ Степановичъ... Всѣ прощайте...»

Ему хотѣлось бы прослезиться, но глаза были воспалены и сухи.

На клиросѣ, ближе всѣхъ къ алтарю, стояла Таисія. Нарочно выдвинулась. Женскимъ чутьемъ она уже понимала все, и, проходя мимо, онъ спокойно и не стыдясь посмотрѣлъ ей въ глаза.

«Такъ ты этого хочешь?»—спросилъ онъ ее взглядомъ.

«Да, я хочу этого»,—отвѣчала она такъ же спокойно и угрюмо.

Разоблачившись, онъ подошелъ къ престолу и откинулъ пелену. Сегодня онъ не былъ больше священникъ, а рабъ, и на немъ не было отвѣтственности. Вѣдь его душа была чиста передъ Господомъ.

Если бы онъ могъ бороться, онъ бы боролся. Развѣ Господь не видитъ? Но сегодня онъ уже не священникъ.

И, начиная службу, онъ прощается съ ея словами, прощается со своими жестами, съ самимъ собою, прежнимъ.

Служитъ онъ быстро, отчетливо, но не вкладывая души (этого не слѣдуетъ сегодня дѣлать). На амвонъ и на середину церкви выходитъ скорымъ и дѣловитымъ шагомъ, которымъ ходилъ раньше, когда не былъ священникомъ, и отъ котораго съ усиліемъ отвыкъ въ началѣ своего священнослуженія.

Что дѣлать, что дѣлать! Но это много честнѣе. Онъ не споритъ: онъ слабъ. Рано или поздно это должно было съ

нимъ случиться. И вотъ случилось. Но Господь видитъ. И Роговъ радуется, что Господь видитъ и понимаетъ. Онъ ласково изгоняетъ его изъ храма, того самаго, въ которомъ онъ хотѣлъ съ честью Ему служить.

— Уйду, уйду, Господи! Ты видишь меня? Прости, прости.

И Господь прощаетъ ему. Онъ только низводитъ его въ разрядъ низшихъ и падшихъ существъ. И Роговъ принимаетъ это. Онъ огорчилъ Господа, но Господь милостивъ и къ такимъ, какъ онъ. Онъ милостивъ къ животному, къ самому послѣднему насѣкомому.

Съ особенно трепетнымъ благовѣніемъ онъ читаетъ сегодня евангелія о «страстяхъ». Все, что здѣсь ни сказано, ему чудится—сказано и о немъ: и весенній холодъ, и горящій костеръ во дворѣ Пилата, и измѣна и отреченіе Петра.

— И, исшедъ вонъ, плакася горько...

Это онъ сейчасъ плачетъ горько въ такую же весеннюю ночь. Не Петръ, а онъ. Голосъ его дрожитъ и дыханіе обрывается отъ худо сдерживаемыхъ слезъ.

— И, абіе, петелъ возгласи.

Гулко дребезжа подъ сводами, разносится его голосъ въ сладостномъ сознаніи своего ничтожества.

Хоръ поетъ:

— Разбойника благоразумнаго...

И этотъ благоразумный разбойникъ опять онъ же, Роговъ.

Высоко и напряжено рвется изъ оковъ сильно порѣдѣвшаго хора звонкая фистула Ивана Степановича, но печальные тона партіи контральто (Роговъ угадываетъ, чей этотъ голосъ, и въ первый разъ слышитъ его такъ отчетливо), точно нехотя взятые, какъ будто лишніе, несмѣло теряющіеся и угрюмо молкнущіе, безпрестанно возвращаютъ ее на землю. Иванъ Степановичъ не соглашается, споритъ. Она равнодушно-небрежно роняетъ ему о своемъ. Впрочемъ, въ концѣ-концовъ соглашается. Ей все равно.

Очарованіе кончилось. Ровнымъ козлинымъ голосомъ повторяетъ на клиросѣ тѣ же слова дьячокъ. И опять тихое: «до-ми-соль-до». Они готовятся къ новому единоборству:

— Разбойника...—съ новой, невыразимой мукой выкрикиваетъ Иванъ Степановичъ.

О, онъ понимаетъ, что можно быть разбойникомъ! Въ смутномъ ужасѣ онъ бросаетъ этотъ крикъ въ пространство, къ окровавленному подножію Голгофы.

— «Благоразумнаго...—нехотя-печально возражаетъ контральто...

— ...Въ единомъ часѣ...—съ мукою и тоскою второй разъ по складамъ надрывется фистула, поражаясь величіемъ всепрощенія и почти не довѣряя ему.

— ...помиловалъ еси,—спокойно-угрюмо опять напоминаетъ ему умное контральто.

Подъ конецъ, они все-таки опять между собою мирятся, земля и небо, въ чудной спайкѣ божественнаго милосердія.

Нѣсколько разъ, оглядываясь, Роговъ ищетъ Зою, но ея нѣтъ. Ея душа сегодня мстительно злобствуетъ.

И когда всенощная кончается, Роговъ уноситъ съ собою тихо стоящія въ душѣ ноты контральто и вызывающе спокойный взглядъ дѣвушки, брошенный ему на клиросѣ.

Вернувшись послѣ всенощной, онъ засталъ въ домѣ ту же пустоту и уже полный мракъ. Только въ дѣтской горѣла заслоненная раскрытою книгою жестяная кухонная лампочка, отъ которой распространялась керосиновая вонь.

Больной малютка съ перерывами безпокойно плакалъ на рукахъ перепуганной Маши, а Лиза спала ничкомъ, не раздѣтая, и съ одной ножки у нея свалилась туфелька. Тряпочная кукла выглядывала у нея изъ-подъ живота. Въ темномъ углу укоризненнымъ призракомъ шевелилась старая Мареа, развѣшивая у горячей лежанки дѣтскія пеленки.

Роговъ взялъ ребенка на руки. Малютка болѣзненно сучилъ ножками, и изо рта у него вылилась отрыжка. Глаза у него были остановившіеся, смотрѣвшіе бѣлками. Ему показалось, что ребенокъ кончается, и онъ въ страхѣ послалъ Машу за докторомъ. Потомъ, передавъ ребенка на руки старухѣ, пошелъ въ свой кабинетъ и зажегъ лампу.

Теперь онъ былъ спокоенъ. Жребій былъ брошенъ, и въ душѣ даже было ощущеніе твердости и порядочности. Что

же, онъ сниметъ санъ, разведется съ Зоей (разумѣется, послѣ происшедшей дикой сцены они уже не могутъ быть вмѣстѣ) и женится на Таисіи. А дѣти?

И онъ поймалъ себя на страшномъ желаніи, чтобы ихъ какъ-то не было бы. Нѣтъ, вздоръ! Они будутъ жить. Можетъ быть, даже Зоя отдастъ ихъ ему. Онъ будетъ работать.

И еще разъ Роговъ подумалъ, подкрѣпляя себя этой мыслью, что онъ поступилъ искренно и честно.

Вдругъ въ прихожей звякнулъ и захрипѣлъ звонокъ. Слышно было, какъ задрожала туго натянутая проволока и долго не могла успокоиться. И отъ этого такого реальнаго, а не воображаемаго звонка, грубо врѣзавшагося въ его мысли и предположенія, Рогову показалось все передуманное и перечувствованное сразу смѣшной и сентиментальной фантазіей.

Это звонилась живая, настоящая жизнь. Что-то она несетъ ему? Роговъ прошелъ въ дѣтскую послалъ Мареу отпереть дверь.

— Ну, вернулись!—крикнула ему радостно на-встрѣчу и почему-то во множественномъ числѣ Мареа, сѣрымъ клубкомъ прокатившись въ переднюю.

— Кто вернулся?—крикнулъ онъ ей въ догонку, но она не удостоила его отвѣтомъ.

Дѣйствительно, вошли нѣсколько. Скоро онъ, съ непріятнымъ чувствомъ, различилъ громкое харканье и грубоватый голосъ тестя.

Пріотворилась шире дверь, и въ дѣтскую вошла Зоя. Она была особенно старательно одѣта и причесана, точно изъ гостей, но видъ у нея былъ униженный и несчастный.

— Гдѣ ребенокъ?—сказала она грубо.

Онъ показалъ ей на люльку.

— Тамъ папа съ мамой. Они пришли къ тебѣ.

Она раздраженно фыркнула и, повернувшись къ нему спиной, стала заботливо и жадно разсматривать ребенка.

Роговъ вышелъ. При свѣтѣ слабо вспыхивающей висячей лампы, которую зажигала Мареа, видны были взволнованныя фигуры: громоздкая и осанистая—тестя и маленькая,

вертлявая—тещи. Это тоже совершенно наглядно возвращало отъ мечтаній къ трезвой жизни.

«И правда,—подумалъ Роговъ,—вѣдь я не принялъ во вниманіе главнаго: во-первыхъ, какъ разстрига, я не могъ бы въ теченіе десяти лѣтъ поступить на государственную должность, а другимъ способомъ я врядъ ли могу зарабатывать хлѣбъ. И, во-вторыхъ, это еще вопросъ, пожелаетъ ли Таисія выйти замужъ за разстриженнаго и разведеннаго священника! Боже, что я за неосновательный и сентиментальный человѣкъ!»

И глядя на отрезвляющую фигуру тестя, онъ подумалъ о томъ, что узелъ завязался несравненно сложнѣе, чѣмъ ему казалось.

«И все-таки я объяснюсь на чистоту»,—думалось ему:—Скажу, что не могу жить съ Зоей. Попрошу прощенья. Уйду въ университетъ, въ сельскохозяйственный институтъ... Еще куда-нибудь... Такъ честнѣе».

Поздоровавшись съ прибывшими, онъ безпокойно заходилъ по комнатѣ, соображая, какъ все это лучше высказать.

— Водворили бѣглянку,—весело сказалъ протоіерей и прибавилъ, сдѣлавъ движеніе головой въ сторону жены:—и... молчокъ! Все на своемъ мѣстѣ. Четыре стѣны слыхали, а что слыхали, похоронили. Этакъ тоже всякая будетъ бѣгать? То да се... мужъ не хорошъ. Хорошая жена, если что и слышала, не слыхала. Все хорошо, все какъ надо. Это—жена. Въ томъ и отличіе жены отъ... Ради великаго дня не хочется произносить слова. И... молчокъ.

Теща, видимо, была не согласна съ мужемъ и, сухо поздоровавшись съ зятемъ, тотчасъ же прошла къ дочери.

— Бабы!—подмигнулъ ей вслѣдъ протоіерей:—собственной пользы не понимаютъ. Ты, если и замѣтила, молчи. Допустимъ даже, что замѣтила. Конечно, все это ерунда, и замѣчать не было ровно никакихъ резоновъ. Но даже допустивъ... Ты недосягаема будь. Во-какъ! Впрочемъ, я больше не интересуюсь всей этой исторіей. Развѣ только, что нарушило теченіе мыслей... Слышалъ про Иринея-то? Ѣдетъ на ны.

Одну епархію уже разгромилъ. Мамаево, братъ, будетъ нашествіе...

— Папаша,—сказалъ Роговъ, круто остановившись среди комнаты:—я не могу смотрѣть такъ просто и примирительно на то, что произошло у насъ съ Зоей. Конечно, я не вполнѣ оправдываю и себя. Я не взвѣсилъ хорошенько своего шага, когда женился на ней...

— Мало ли что! — сказалъ тесть: — А кто взвѣсилъ? Да брось ты. Пришла баба вѣдь назадъ... Чего хорохоришься?

— Этого послѣдняго выраженія я не могу примѣнить къ себѣ, — сказалъ Роговъ обижено.

— Ну, все равно. Главное, ты сядь. Зоя! — крикнулъ онъ грозно.

Вошли, точно дожидаясь заранѣе этого окрика, Зоя и мать. Теща прошла и сѣла, сердито отвернувшись къ окну и стараясь не глядѣть на мужа и зятя. Зоя остановилась со скрещенными на животѣ руками въ дверяхъ; одну ногу она слегка выставила впередъ, точно чего-то дожидаясь.

Роговъ вопросительно посмотрѣлъ на нее. Она взглянула, въ свою очередь, на него и, насмѣшливо потупившись, взялась одною рукою за скобку двери.

— Я не знаю какъ,—сказала она рѣзко отцу, взглянувъ на него изъ-подлобья.

Такъ какъ онъ тяжело молчалъ, гнѣвно смотря на нее въ упоръ, она повернула голову въ сторону мужа и непріязнено сказала:

— Ну, прости меня, Алеша!

Губы ея задрожали, и глаза вдругъ налились слезами. Она смотрѣла тупо въ сторону, но не на него, и старалась сдержать подступившія къ горлу рыданія.

— Оставить! Не годится! — крикнулъ тесть: — тебя сюда позвали не для водевиля или комедіи. Какъ я тебѣ говорилъ?

Онъ побагровѣлъ. Теща хотѣла что-то сказать, но побоялась и еще больше отвернулась къ окну. Мужъ сдѣлалъ ей слабое, нетерпѣливое движеніе рукой: дескать, не безпокойся.

— Зоя!

Зоя дернулась всѣмъ тѣломъ, точно замученная лошадь. Ея расширенные отъ обиды глаза смотрѣли на отца.

— Не могу я,—сказала она, безпомощно разведя руками.

Въ глазахъ ея, еще недавно влажныхъ, появился острый, сухой блескъ.

— Вы, потому что отецъ, желаете надо мной издѣваться. Издѣвайтесь, пожалуйста.

Быстрымъ и жалкимъ косящимъ взглядомъ она скользнула по мужу: какъ онъ относится ко всему этому? И Роговъ видѣлъ, что она болѣе всего страдаетъ отъ стыда передъ нимъ.

— Что это такое, папа? — негодуя воскликнулъ онъ: — Что это за балаганъ? Зоя, поди сюда!

— Ни шагу!—сказалъ спокойно старикъ. Онъ привсталъ и, крѣпко взявъ Рогова сверху за руку, притянулъ его къ себѣ.

— Садись-ка рядомъ. Не безпокойся, сынокъ. Она, вѣдь, мнѣ тоже приходится сродни. А ты... что я тебѣ говорилъ? Ты забыла?

Роговъ попытался высвободить свою руку. Но старикъ держалъ ее точно клещами, и для этого надо было причинить ему боль.

— Папаша, я прошу васъ все это прекратить, — сказалъ Роговъ, раздражаясь:—Все это, знаете ли, слишкомъ.

— Слишкомъ? Вы думаете, дорогой зятекъ?

Оба они въ упоръ посмотрѣли другъ на друга. У старика былъ страдающій, больной взглядъ и глаза красные.

— Э-э-эхъ, сказалъ бы я вамъ, дорогой зятекъ, да день не таковъ. Сказалъ бы я вамъ, да не мое дѣло. Пусть это скажетъ вамъ собственный вашъ папенька.

Онъ мягко разжалъ руку, слегка и съ негодованіемъ оттолкнувъ Рогова.

— И вѣрно,—подтвердила торопливо теща:—нашли себѣ поприще.

— И... молчокъ — строго остановилъ ее тесть:—А ужъ что насчетъ моей дочери, это позвольте мнѣ. Это будетъ мой долгъ,—сладко прибавилъ онъ, обращаясь къ Рогову:—Мой

долгъ. Ну-съ, доченька.

— Вотъ что, папаша, — сказалъ твердо Роговъ: — Ни я, ни Зоя не нуждаемся въ этой комедіи. Дѣло серьезнѣе... Зоя,—обратился онъ ласково-сдержанно къ женѣ и подошелъ къ ней, чтобы отвести ее отъ двери и посадить на диванъ. Но она незамѣтнымъ враждебнымъ движеніемъ отстранила отъ себя его руку.

— Оставь меня,—сказала она тихо, обращаясь къ нему одному:—Папа требуетъ, чтобы я на колѣняхъ вымолила у тебя прощенія. Хорошо, я стану на колѣни. Передъ тобой. Да, передъ тобой.

Нагнувъ упрямо темя и неловко путаясь въ юбкахъ, она начала тяжело опускаться на колѣни. Роговъ подхватилъ ее, но она вырвалась и стала на колѣни. Отъ усилія мгновенной борьбы у нея подъ мышками лопнула кофточка.

— Вотъ такъ. Папа сказалъ, что въ слѣдующій разъ меня выгонитъ и что мужъ всегда правъ. Хорошо. Я буду теперь это знать,—выкрикивала она въ самозабвеніи, отстраняя его руками:—Достаточно съ тебя?

Роговъ возмущенно отошелъ въ сторону и схватился за голову.

— Кому нужна эта комедія? Да встань ты, ради Бога.

— Ну, встань,—одобрительно сказалъ тесть:—Такъ-то, душа моя. И, если вовсе не глупа, пораскинь мозгами.

— Теперь мнѣ можно уйти?—холодно сказала Зоя, вставъ съ колѣнъ и оправляя юбку.

— А какъ хочешь, дорогая. Только подойди впередъ къ папанѣ. Что? Папаня—деспотъ?

— Я вовсе не думаю, но у васъ прежніе взгляды. Конечно, я не хочу васъ раздражать...

Она заплакала покорными дѣтскими слезами безвинно-обиженнаго ребенка.

— Ну, поди. Христосъ съ тобой!—сказалъ онъ, заботливо перекрестивъ ее нѣсколько разъ широкимъ крестомъ.—Поди. Экой какой папаня.

Низко нагнувъ голову и закрывъ лицо руками, она вышла. Роговъ взволнованно перевелъ дыханіе, не зная, что ска-

зать лукавому старику, который прекрасно понималъ, что дѣлаетъ.

— Пойдемъ, мать,—сказалъ тесть, вставая, и, низко поклонившись Роговy, прибавилъ:—А насъ прости Христа ради. День-то нынѣ какой! Не для такихъ бы разговоровъ. Пойдемъ, что-ли, мать.

Роговъ чувствовалъ, что онъ тоже долженъ сказать свое слово.

— Иванъ Васильевичъ,—сказалъ онъ, волнуясь и не находя подходящихъ словъ, но нарочно называя тестя по имени и отчеству:—Я все же прошу васъ меня выслушать... Хоть и дѣйствительно день такой... Я это продумалъ... Я думаю, намъ лучше всего разстаться съ Зоей. Присядьте, выслушайте терпѣливо. И она пусть войдетъ. Зоя!—позвалъ онъ жену.

— Опомнитесь, Алексѣй Федоровичъ,—сказала теща:— Что вы говорите? Наканунѣ такого дня. Господи, что это только такое творится?

Она перекрестилась.

Роговъ заметалъ по комнатѣ, чувствуя вновь приливъ рѣшительности.

— Тутъ нельзя, господа, дѣйствовать такъ, нахрапомъ... На копѣйки и кончено. Тутъ дѣло душевное. Тутъ, можетъ быть, споръ о жизни человѣческой.

— Не понимаю, не понимаю,—сказалъ тесть: — Изъяснись. А лучше, не изъясняйся вовсе. Плохо ты говоришь. Эхъ, Алеша. Нехорошо, братъ.

— О чемъ вы говорите?—спросилъ Роговъ, въ бѣшенствѣ сощуривъ глаза.

— О чемъ ни говорю... Ну, да до другого раза.

— Объяснитесь, прошу васъ... Наконецъ, я требую,—настаивалъ Роговъ.

— Прости Христа ради. До другого раза, — кланялся тесть:—Пойдемъ, что-ли, мать.

Чувствуя себя сбитымъ съ позиціи, Роговъ, пожавъ плечами, проводилъ ихъ до наружной двери и, отворивъ дверь во дворъ и свѣтя лампочкой, долго еще слышалъ, какъ упря-

мый и хитрый старикъ, шлепая по лужамъ, повторялъ во мракѣ:

— Пойдемъ, мать. Такъ-то, моя дорогая.

Одоло двѣнадцати часовъ ночи пришелъ докторъ и нарушилъ тяжелое молчаніе квартиры.

Когда Роговъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ дѣтскую, Зоя сидѣла неподвижно съ тяжело дышащимъ ребенкомъ на рукахъ. Лицо ея съ страдальческими глазами смотрѣло на вошедшихъ жалко-виновато и просительно. Когда, по просьбѣ доктора, она развязывала младенцу на спинѣ рубашечку, пальцы ея двигались несмѣло, точно деревянные. Рогову стало болѣзненно жаль ея, и онъ сказалъ ей шопотомъ:

— Не волнуйся же такъ.

Она молча проглотила слезы и отрицательно покачала головой. Она всецѣло винила себя въ происшедшемъ несчастьѣ.

Малютка успокоился только къ разсвѣту, и его, точно птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда, съ ослабѣвшею, скатывающеюся головою, уложили въ колыбельку. Личико у него посинѣло, и глаза сразу ввалились.

На цыпочкахъ они оба вышли изъ дѣтской. Въ гостиной чуть брезжили сквозь тюлевыя гардины сѣрѣющія первымъ разсвѣтомъ окна.

Вдругъ Зоя порывисто обхватила его руками, и онъ услышалъ ея страстный шопотъ:

— Прости! Милый! Хорошій! Хочешь, я по-настоящему стану передъ тобою на колѣни? Леша, мнѣ страшно. Скажи, что онъ не умретъ.

Она содрогнулась всѣмъ тѣломъ отъ внутренняго озноба.

— Я думаю, что кризисъ миновалъ.

— Леша, а ты будешь меня любить? Леша, мнѣ страшно. Я не знаю, чего. Я ревную тебя. Это оттого. Я хотѣла бы умереть. Папа говоритъ, что меня за сегодняшнее надо отхлестать. Онъ правъ, правъ. Это такъ ужасно, когда женщина ревнуетъ: она дѣлается совсѣмъ не человѣкомъ. Я больше не буду, Леша. Клянусь тебѣ.

Она поискала глазами образъ и, найдя, медленно и вдумчиво перекрестилась.

— Вотъ тебѣ Богъ свидѣтель.

Она крѣпко обняла его руками и положила голову ему на грудь.

— Слышишь, Алеша? Ты можешь теперь назвать дѣвицъ полонъ домъ: я слова не скажу и даже не поинтересуюсь, какія такія письма. Все это пустое, бабье любопытство. Вѣдь ты мнѣ никогда не измѣнишь? Не правда ли?

«Я долженъ ей сказать все»,—подумалъ Роговъ, но ему было жаль ея, и, кромѣ того, вѣдь она же просила у него прощенья за сегодняшнее.

— А гдѣ гарантія того, что это не повторится?—спросилъ онъ, чувствуя, что говоритъ не то, и что онъ долженъ просто и честно объяснить ей все происшедшее.

— Моя клятва,—сказала она сурово:—Пусть Господь нашлетъ на меня болѣзнь, отниметъ у меня дѣтей (она всхлипнула), если я скажу тебѣ когда слово.

Она нѣсколько разъ быстро перекрестилась въ темнотѣ, повторяя: «Господи, господи!», и расплакалась.

«Все-таки я буду теперь свободнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ», подумалъ Роговъ, но тотчасъ же отстранилъ эту мысль, какъ преступную.

— Ну, обними же меня,—попросила Зоя, прислонившись къ нему.

Она считала, что принесла ему самую страшную жертву и теперь вполнѣ заслуживала супружеской любви. Что же онъ медлитъ?

— Ты все еще не простилъ меня?

Онъ изъ жалости обнялъ ее за плечи одной рукой.

— Не въ томъ дѣло, Зоя. Много разныхъ мыслей приходитъ мнѣ въ голову.

— Какихъ, Леша?

— Такъ. Не могу я тебѣ сейчасъ всего объяснить.

— Какъ хочешь, Леша. Ты можешь мнѣ вовсе ничего не объяснять. Я къ тебѣ не стану приставать, какъ раньше. Господи, какъ хорошо! Какой мой отецъ суровый, не правда ли? Но онъ добрый. Ты знаешь, передъ кѣмъ однимъ я стыдилась стать на колѣни? Передъ тобой!

Роговъ осторожно отстранилъ ее и сказалъ:

— Иди теперь спать.

— Да, да,—заторопилась она:—Иду, иду, мой дорогой, моя ласка!

Она еще разъ тихо его обняла, потомъ, цѣпляясь за стулья и пошатываясь, ушла. Онъ прошелъ въ кабинетъ и, не раздѣваясь, бросился на диванъ.

«Обошли. Ловкая диверсія!» Усмѣшка надъ самимъ собой искривила его губы. «Все, что угодно: и слезы, и обманъ, и наивность, и удивительная цѣпкость!»

Непріятный ознобъ прошелъ по спинѣ. Уйти отъ нихъ. Взять палку и куда-нибудь убѣжать. Но никуда не убѣжишь. Такъ, по улицѣ, конечно, побѣгать немного можно, какъ сегодня бѣгалъ безъ толку онъ.

Кто-то тихо вошелъ въ открытую дверь. Опять она? Чего ей надо?

— Это я. Подушку принесла тебѣ, простыню и одѣяло. Давай постелю.

— Не надо. Я самъ.

Сказать ей прямо: Зоя, я не могу съ тобой жить, какъ съ женщиной. Отпусти меня. Разойдемся мирно. Заботу о дѣтяхъ я приму на себя.

— Зоя.

— Что?

Въ голосѣ ея кокетливая готовность.

— Нѣтъ, ничего... До утра.

— Ну, хорошо.

Мягко ступая босыми ногами, она уходитъ.

Отчего нельзя сказать ей всей правды? Или, быть можетъ, то, другое, дѣйствительно, вздоръ, и нужно попросту взять себя въ руки.

Онъ закрываетъ глаза и хочетъ представить себѣ Тансію. Нѣтъ, нельзя. Этого сейчасъ нельзя.

Тревожно поднимается и садится на диванѣ. Теперь уже зашло слишкомъ далеко. Надо итти или окончательно налѣво или направо. Иначе сумасшествіе.

Охватываетъ страхъ. Потъ выступаетъ на лбу и рукахъ. Роговъ сбрасываетъ рясу и нѣкоторое время колеблется. Потомъ осторожно подходитъ къ двери спальни.

— Зоя...

— Ну?

При свѣтѣ лампадки онъ видитъ ея голову въ чепчикѣ и фигурку, свернутую калачикомъ подъ одѣяломъ. Его бьетъ лихорадка.

— Потуши лампадку,—говоритъ онъ, стыдясь войти въ освѣщенную спальню.

Она поднимается въ одной рубашкѣ и молча исполняетъ его просьбу. Ложась обратно, она произноситъ въ темнотѣ съ тою же кокетливою готовностью:

— Леша, не надо.

Онъ молча подходитъ, садится на край пружиннаго матраца ихъ широкой постели и угрюмо кладетъ руку ей на голое плечо. И въ то же время другой образъ проносится въ его воображеніи.

Ощущая гадливость, онъ снимаетъ руку съ плеча жены. Онъ понимаетъ, что палъ низко и окончательно, потому что у него нѣтъ ни воли, ни смѣлости.

Ему вспоминаются слова жены, что онъ можетъ, если хочетъ, назвать дѣвицъ полонъ домъ. Значитъ, онъ могъ бы пригласить къ себѣ и Тансію. Фу, мерзость!

— Что съ тобой?—спрашиваетъ нѣжно Зоя.—Отчего ты стонешь?

— Ничего... Это пройдетъ...

Она встаетъ на колѣни, подползаетъ къ нему и теплымъ бокомъ прижимается къ его боку. И, лаская ее съ отвращеніемъ и внутренней болью, онъ мысленно ласкаетъ другой образъ... Это гнусно, позорно, сознаніе мутится.

— Ты такъ страдаешь,—шепчетъ Зоя:—Можетъ быть, это уже не такой грѣхъ... Тебѣ что-нибудь больно? Отчего ты плачешь?..

...Когда онъ выходитъ изъ спальни, въ залѣ уже свѣтло. Гдѣ-то поютъ пѣтухи.

Ну, развѣ же то, что онъ сдѣлалъ сейчасъ, не есть самый худшій и подлый изъ всѣхъ грѣховъ?

Одновременно онъ чувствуетъ и физическое и еще какое-то облегченіе, и свой собственный позоръ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Къ серединѣ пасхальной недѣли у него сложилось твердое, какъ ему казалось, рѣшеніе: взять мѣсто благочиннаго въ уѣздѣ. Пока, до экзаменовъ, время пройдетъ въ хлопотахъ, а тамъ «она» уѣдетъ на лѣто. А съ осени онъ уже будетъ не здѣсь, и все само собою забудется.

И, чтобы рѣшеніе не оставалось фиктивнымъ и обманнымъ, онъ старался теперь же привести его къ концу.

Прежде всего, онъ сказалъ объ этомъ Зоѣ.

— Но какая же выгода?—спросила она.

— Я чувствую себя призваннымъ къ приходской дѣятельности.

— Странно,—удивилась она:—Какъ тебѣ могла прійти въ голову эта дикая мысль? Ты раньше даже не заикался ни о чемъ подобномъ. Просто, это пришло тебѣ въ голову такъ... для разнообразія.

Его слова настолько были странны для нея, что она даже не обратила на нихъ вниманія: просто, нашла на него блажь, праздничное настроеніе.

Не ограничиваясь разговоромъ съ Зоей, Роговъ сказалъ о своемъ рѣшеніи тестю.

Старый протоіерей сдѣлалъ недовольную гримасу и коротко замѣтилъ:

— Тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Приходская дѣятельность тебѣ не къ лицу.

Роговъ пытался спорить, но доводы у него были вялые и, онъ самъ чувствовалъ—отчасти вздорные.

Вмѣсто возраженій, тесть молча барабанилъ пальцами по столу. Это означало, что онъ считаетъ зятя пустымъ, неосновательнымъ человѣкомъ.

Роговъ разсердился и рѣшилъ ждать назначенія новаго архіерея, чтобы обратиться къ нему съ просьбой лично.

Но хотя онъ принялъ такое рѣшеніе и даже говорилъ о немъ, но оно было не настоящее. И слова, которыя онъ говорилъ по этому поводу, и само рѣшеніе точно исходили не отъ него, а отъ кого-то другого.

Но все это его успокаивало и давало возможность существовать, хотя не переставало казаться, что и существуетъ уже тоже не онъ, а кто-то другой, болтливый и нудный, притворяющійся самъ передъ собою.

Настоящій «онъ» точно на время куда-то ушелъ: его не было, или онъ спалъ. И Рогову казалось, что при помощи хитрости можно сдѣлать такъ, что онъ никогда не проснется.

Для этого онъ теперь, между прочимъ, много пилъ, и въ пьяномъ видѣ особенно хорошо ощущалъ эту возможность подмѣнить самого себя.

Въ помѣщеніе училища онъ не ходилъ совсѣмъ, не желая понапрасну встрѣчаться съ Ольгой Ивановной.

Но въ среду на пасхальной недѣлѣ произошло событіе, нечувствительно почему-то сдвинувшее все со своихъ мѣстъ: получено было извѣстіе о назначеніи на вдовствующую архіерейскую каѳедру не Иринея, какъ циркулировали ранѣе слухи, а Исидора, родного дяди Зои.

Вѣсть эта, точно такимъ же образомъ, какъ и всѣхъ, взволновала и Рогова, хотя онъ не могъ себѣ ясно представить, какъ она отразится на его планахъ.

Зоя принимала въ своей квартирѣ поздравленія. Являлись съ этою цѣлью даже такія лица, которыя раньше никогда не переступали ихъ порога.

— А ты хотѣлъ благочиннымъ въ уѣздъ!—посмѣялась она надъ мужемъ.

— Я продолжаю стоять на своемъ,—сказалъ онъ неувѣренно.

— Я не понимаю,—сказала она и задумалась, глядя на мужа:—Ты много сталъ пить, Леша. Ты пьешь теперь даже безъ приглашенія. Конечно, ты не маленькій. И... потомъ... знаешь, ты какъ-то нехорошо выглядишь. Потомъ я хотѣла

тебѣ еще сказать... Ты не обидишься? Ты сталъ при разговорѣ какъ-то размахивать руками. Это къ тебѣ не идетъ. Впрочемъ, это все пустяки.

Оглядѣвъ его еще разъ внимательно, она опять успокоилась.

Въ пятницу, за вечерней, онъ увидѣлъ на обычномъ мѣстѣ веснущатое лицо Ольги Ивановны. Ага, явилась!

И странно: это столь ничтожное обстоятельство почему-то совершенно особенно его взволновало.

Послѣ службы онъ рѣшилъ пройтись по училищному корпусу, столкнуться съ нею и посмотрѣть на нее вблизи.

Торопливо разоблачившись, онъ пошелъ, точно школьникъ, въ угловой коридоръ, гдѣ стоятъ шкафы съ пособіями по физикѣ, но ея уже не было. Ея голосъ слышался теперь по лѣстницѣ.

— Что же, пойдемъ на лѣстницу,—сказалъ себѣ, весело подмигнувъ, Роговъ.

У него было почти сладострастное желаніе упиться своимъ случайнымъ и, въ сущности, глупымъ торжествомъ. А, опять бѣжала! Ея торопливая, вертлявая фигурка мелькаетъ на одинъ моментъ въ маленькомъ верхнемъ коридорчикѣ. Бѣжитъ, не оглядываясь. Ага, очистила поле сраженія.

И Рогову пріятно ходить по освобожденнымъ отъ ея присутствія коридорамъ, точно въ отвоеванномъ царствѣ.

Онъ дѣлаетъ видъ, что осматриваетъ оконныя рамы, и весело напѣваетъ:

— Разбойника благоразумнаго.

Партію контральто. Собственно, ему хотѣлось бы взять ноты верхней партіи, но печальные, низкіе, точно нехотя взятые, тона тихо продолжаютъ стоять въ душѣ, и онъ не можетъ противиться искушенію.

Онъ знаетъ, что можетъ сейчасъ встрѣтить здѣсь дѣвушку, потому что она не въ отпуску (это онъ знаетъ потому, что она одинъ разъ пѣла за вечерней), но и это его сейчасъ только веселитъ и забавляетъ. Вѣдь онъ же вѣренъ Зоѣ, и потомъ скоро всему конецъ. Ну, какая же она вблизи? Это любопытно.

И онъ ходитъ по всѣмъ коридорамъ, пока дѣйствительно не натыкается на нее.

Стоятъ двѣ: она и Покровская. При его приближеніи молча переглядываются, точно совѣтуясь о чемъ-то взглядами, и вдругъ обѣ рѣшительно подходятъ.

Онъ останавливается. Теперь ему все равно. Вѣдь онъ же, несмотря ни на что, вѣренъ Зоѣ.

Да, вотъ у нея какіе волосы. Гораздо темнѣе. И рѣсницы немного рыжія, а онъ думалъ: темныя. Темные у нея глаза. И кожа у нея на лицѣ красная, на лбу и вискахъ. Почти всегда. Это отъ волненія. Какъ пожаръ, пятнами. Но взглядъ глазъ спокойный и разсудительный.

Онъ старается смотрѣть больше на Покровскую. Она же и первая начинаетъ говорить:

— Алексѣй Федоровичъ, можно вамъ предложить вопросъ?

Боясь фамильярности съ ихъ стороны, онъ нарочно грубо спрашиваетъ:

— Какой еще вопросъ?

— У насъ вышелъ споръ, — продолжаетъ Покровская, блескомъ глазъ давая ему понять, что понимаетъ его опасенія.—Конечно, можетъ быть, это вовсе и неумный споръ, но для насъ онъ имѣетъ значеніе. Можно?

— Ну, въ чемъ же дѣло?

Роговъ дѣлаетъ видъ, что смягчается.

— Ну, да дѣло въ томъ, что вѣдь Богъ мудръ и благъ. Почему же есть тогда зло? Танчка, т.-е. Саввинская, говоритъ, что, значитъ, Богъ не вполнѣ всемогущъ... (Саввинская держитъ ее подъ руку и, прижавшись щекою къ ея плечу, внимательно смотритъ на Рогова. Она предоставляетъ своей подругѣ говорить съ нимъ и отъ ея лица). Вѣдь ты такъ говорила?—повернувъ голову, переспрашиваетъ ее Покровская.—Пожалуйста, не качай головой. Ты сказала именно такъ.

Обѣ онѣ неожиданно смѣются, глядя исподлобья въ разныя стороны и наклонивъ головы.

Роговъ усмѣхается тоже, хотя больше тому, что Ольга

Ивановна бѣжала, очистивъ поле сраженія, и теперь, навѣрное, забилась въ свою квартиру... обсуждать новый планъ дѣйствій. Какъ же, шишъ съ масломъ, обмозговываетъ какую-нибудь каверзу... Такъ, значитъ, всемогущъ ли Богъ?

— А какъ вамъ пришелъ въ голову этотъ вопросъ?

— Да просто такъ...

Имъ продолжаетъ быть смѣшно оттого, что они говорятъ съ нимъ. Впрочемъ, у Покровской есть въ глазахъ что-то серьезное, какой-то пытливый, ищущій отвѣта запросъ. Она продолжаетъ:

— Тая, погоди... Вѣдь это же странно. Говорятъ: зло... Можетъ быть, зло на самомъ дѣлѣ не есть зло. Я не умѣю выразить.

Глаза у нея зеленоватые, острые, съ коричневыми вѣками. Лицо какого-то грязноватаго цвѣта и волосы въ безпорядкѣ. Она некрасива и много думаетъ. Вѣроятно, будетъ дальше учиться.

— А вы идете по коридору...

Саввинская крѣпко сжимаетъ руку подруги возлѣ плеча.

— Мы и рѣшились остановить васъ... (Она дѣлаетъ удареніе на словѣ «мы»). Ну, отстань же, Саввинская, какая ты, право, несерьезная...

Онѣ опять смѣются. Это уже фамильярность. Обѣ пристально смотрятъ на него. Что онъ теперь сдѣлаетъ?

— Ахъ, ахъ! Кажется, идетъ Ольга Ивановна! Ну, что же такое? Пусть! Наконецъ, они разговариваютъ съ инспекторомъ, а не съ простымъ учителемъ...

Роговъ слегка краснѣетъ, но не оттого, что боится Ольги Ивановны. Ольги Ивановны теперь не можетъ быть. Онъ понимаетъ, что поступаетъ нехорошо. И то, что онъ во время разговора больше всего разсматриваетъ скользящимъ взглядомъ Саввинскую, тоже нехорошо. Теперь онъ точно пачкаетъ дѣвушку прикосновеніемъ своихъ взглядовъ.

Покровская продолжаетъ, и глаза ея пріобрѣтаютъ покровительственно-лживое выраженіе:

— Вы, пожалуйста, простите насъ, Алексѣй Федоро-

вичъ. Вы, навѣрное, шли по дѣлу. У васъ столько обязанностей. Мы лучше, можетъ быть, въ другой разъ...

«Пригласить ихъ къ себѣ»... Но Роговъ тотчасъ же отвергаетъ эту мысль. «Теперь свободно»... Но именно поэтому и нельзя. «Почему?»

Таисія продолжаетъ крѣпко держаться за подругу, точно сама она не можетъ ни стоять, ни ходить. Ея полныя губы полураскрыты, какъ у ребенка, но глаза точно постарѣли съ тѣхъ поръ, какъ онъ разсмотрѣлъ ихъ на исповѣди. Или онъ просто не разглядѣлъ чего-нибудь тогда въ темнотѣ, или она дѣйствительно постоянно мѣняется. Даже на лбу у нея морщинки, и она выглядитъ сейчасъ совсѣмъ не такой уже молоденькой. Неужели ей только семнадцать лѣтъ? На видъ она гораздо старше.

Стараясь обращаться съ рѣчью къ Покровской (обѣ откровенно принимаютъ этотъ способъ разговора), онъ спрашиваетъ:

— Но какъ же зло не можетъ быть зломъ? И въ священномъ писаніи сказано: «Міръ во злѣ лежитъ».

— Но вѣдь тогда же выходитъ, что Богъ какъ бы безсиленъ побѣдить зло. Какъ Онъ можетъ допускать зло? Пройдемтесь...

Покровская рѣшительно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по коридору, ведя за собою Таисію и взглядомъ приглашая его слѣдовать за нею. Колеблясь, онъ идетъ.

— Впрочемъ, я отчасти понимаю... (Она щуритъ зеленоватые, серьезно-лукавые глаза). Богъ, по всей вѣроятности, хочетъ, чтобы люди сами преодолѣли зло. Вы какъ-то разсказывали намъ о свободѣ воли. Вѣдь, это, должно-быть, то самое?

— Ну, конечно же,—говоритъ неожиданно Таисія.

И здѣсь она, какъ контральто, ведетъ тоже вторую партію.

— Но это все такъ интересно...—продолжаетъ Покровская, стараясь расширить тему разговора.

— Что же именно васъ интересуетъ еще?—нарочно грубо говоритъ Роговъ, пытаясь сузить разговоръ.

— Все.—Она останавливается и тотчасъ опять продолжаетъ итти:—Меня, вообще, интересуетъ жизнь...

Ему хочется сконцентрировать разговоръ и перейти на нравоученіе, но это не выходитъ.

— Что это упало съ крыши?—неожиданно спрашиваетъ она.

— Это голубь,—говоритъ Таисія.

И они просто гуляютъ по пустому коридору, точно по бульвару. Обѣ обнявшись и тѣсно прижавшись другъ къ другу. И откуда онѣ знаютъ всѣ эти пріемы? И правда, точно на бульварѣ. Фу, какъ это подло съ его стороны думать.

— А бѣдная Ирисова, вы знаете? Въ лихорадкѣ.

Бѣглый взглядъ по его лицу. Знаетъ ли онъ дѣйствительно?

Роговъ припоминаетъ что-то: не то дѣвушка дѣйствительно заболѣла, не то побоялась поѣхать, ссылаясь на половодье, а послѣ уже не стоило ѣхать... Онъ внимательно смотритъ на нихъ.

Неужели онъ ничего не понимаетъ?

Роговъ припоминаетъ что-то: не то дѣвушка дѣйствительно что она не поѣхала.

— Бѣдная, не поѣхала домой на праздники,—вздыхаетъ Покровская съ притворнымъ сочувствіемъ.

— Оставь, пожалуйста, свои глупости,—съ жаромъ опровергаетъ ее Таисія:—Она притворяется.

— Почему же такъ?—тоже притворно интересуется Роговъ.

— Такъ ужъ. Это—секретъ,—говоритъ Покровская.—Ахъ, вѣдь вы не знаете закулисныхъ сторонъ епархіальной жизни.

Онѣ плетутъ вокругъ него тонкое кружево намековъ. Впрочемъ, разсказываетъ, главнымъ образомъ, Покровская. Таисія вплетаетъ въ розговоръ по-прежнему только отдѣльныя слова. При этомъ она смотритъ сейчасъ немного холодно и враждебно, внимательно слѣдя глазами за тѣмъ, что говоритъ Покровская.

— Во всякомъ случаѣ, нехорошо такимъ образомъ обма-

нывать людей. Она бы сама никогда не осталась обманомъ въ училищѣ, если бы могла уѣхать домой. У Ирисовой не всѣ дома... Во всякомъ случаѣ...

— Но, Таичка, ты не безпристрастна.

— Оставь, оставь, пожалуйста. Твои намеки очень глупы.

— Вотъ видите, сколько мы вамъ наговорили, Алексѣй Федоровичъ! Съ три короба.

Онъ добродушно посмѣивается и киваетъ головой.

«Пригласить ихъ къ себѣ на чашку чаю? Вѣдь поле очищено». Представляетъ себѣ Зою. Фантазіи! Пригласить? Нѣтъ. Пригласить? Нѣтъ.

Теперь надо распрощаться и итти. Вотъ тутъ поворотъ, и внизъ лѣстница.

— Ну,—говоритъ онъ, вѣрнѣе , не онъ, а тотъ, другой, который распоряжается имъ, настоящимъ, въ послѣднее время:—Дѣла не ждутъ.

Но онѣ не вѣрятъ.

— Господи, какъ скоро! Мы не замѣтили, какъ пролетѣло время. Какъ было хорошо! Правда, Тая, хорошо?

Перегнувшись на перило лѣстницы, она ему кричитъ вдогонку:

— Навѣстите, Алексѣй Федоровичъ, Ирисову въ лазаретѣ.

— Непремѣнно,—великодушно разрѣшаетъ Таисія.— Приходите опять...

Слово «опять» звучитъ сдавленно. Это помѣшала испуганная Покровская. Однако!

Слегка опомнившись, онъ стремительно выходитъ на крыльцо. Вотъ узнаетъ о его прогулкахъ Ольга Ивановна!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ девять часовъ утра, въ понедѣльникъ, на недѣлѣ Мироносицъ, жизнь въ училищѣ уже вошла въ свою обычную будничную колею. Единственная перемѣна это — распахнутыя въ классѣ настежъ окна, куда (а не въ клас-

ную доску, какъ прежде) дѣвицы бросаютъ теперь шарики изъ жеванной бумаги и бумажныя стрѣлы. Этими стрѣлами усѣянъ весь внутренній дворъ, куда выходятъ окна классовъ.

Правда, въ седьмомъ классѣ, гдѣ у Рогова сегодня первый урокъ, собрались послѣ пасхальныхъ вакацій еще не всѣ, но общественное мнѣніе класса и злобы дня прочно установлены. Общественное мнѣніе, несомнѣнно, въ пользу Рогова: это онъ усматриваетъ изъ небольшого букетика фіалокъ, который приготовленъ ему на столѣ и который онъ велитъ убрать, сердито буркнувъ:

— Кто этимъ занимается?

Главная же и несомнѣнная злоба дня въ томъ, что Покровская и Таисія пересѣли на заднюю скамейку.

Классная дама Введенская пробовала водворить ихъ на мѣсто, но онѣ рѣшительно заявили, что на нихъ дуетъ изъ окна и онѣ не желаютъ простудиться изъ-за капризовъ. Пусть имъ лучше поставятъ дурной баллъ за поведеніе. Это во всякомъ случаѣ пріятнѣе, чѣмъ схватить воспаленіе легкихъ.

Роговъ позволяетъ имъ остаться на задней партѣ. Онѣ, при всеобщемъ вниманіи, съ побѣдоносными взглядами, начинаютъ устраиваться на новомъ мѣстѣ, вызывая приподнятое настроеніе въ классѣ.

Очевидно, все это имѣетъ свое значеніе. Нѣкоторыя нетерпѣливо потираютъ руки и возбужденно утыкаютъ носы въ книги.

— Пожалуйста, успокойтесь,—говоритъ, дѣлая озлобленное лицо, Покровская.—Что вамъ нужно отъ насъ? Мы, кажется, къ вамъ не пристаемъ.

Уложивъ преувеличенно аккуратно свои книжки передъ собою на партѣ, она скрещиваетъ на груди руки и, поставивъ локти на столъ, принимаетъ позу внимательной и исполнительной ученицы.

Но веселое и выжидательное движеніе въ классѣ отъ этого не уменьшается.

Роговъ хмурится и рѣшаетъ быть на чеку. Искоса онъ наблюдаетъ Таисію.

За это время она чѣмъ-то измѣнилась. Пожалуй, у нея появилась непріятная развязность. Сейчасъ она всякій разъ, какъ онъ отводитъ отъ нея глаза, производитъ пальцами надъ столомъ музыкальныя упражненія точно на роялѣ.

Съ одной стороны, ему на это смѣшно, губы сами собой раздвигаются для улыбки, потому что все это ужасно глупо: и эти уткнутыя въ книги лица дѣвицъ, ихъ вздрагивающія отъ безпричиннаго смѣха плечи, и вся эта ерунда, просходящая сейчасъ въ этомъ питомникѣ взрослыхъ дѣвушекъ, которымъ ужасно хочется просто на солнце, въ поле, въ лѣсъ, играть и дико рѣзвиться, а не слушать скучныя и малопонятныя толкованія пространнаго катехизиса, но, съ другой стороны, онъ здѣсь единственная сила, сдерживающая этотъ стихійный потокъ.

Эхъ, плохая онъ сила! Но, тѣмъ не менѣе, онъ долженъ остаться на высотѣ положенія. Правда, есть у него и «сочувствующія», которыя презрительнымъ вздергиваніемъ головы выражаютъ порицаніе не въ мѣру по весеннему настроеннымъ подругамъ. Онѣ сидятъ, особенно выпрямившись и глядя ему прямо въ глаза. Все, что онъ ни скажетъ, онѣ сейчасъ же съ готовностью могутъ повторить. Ни открытыя окна, ни теплое дуновеніе вѣтерка, ни молодыя весеннія почки на деревьяхъ—ничто не имѣетъ на нихъ вліянія.

Среди нихъ Ирисова. У нея новая привычка покусывать губы. Глаза ея отъ пребыванія въ лазаретѣ, углубились, обведены тѣнью и личико поблѣднѣло. Взглядъ пріобрѣлъ безпокойный блескъ и губы—гордое выраженіе.

При такомъ положеніи вещей Роговъ приступаетъ къ уроку.

— Что задано?

Всеобщій испугъ, всплескиванье руками.

Вы слышите, что онъ спрашиваетъ: что задано? Тррр... Сегодня предпослѣдній урокъ. Кто же теперь спрашиваетъ? Онъ долженъ имъ продиктовать программу для экзамена. Да, да, да. Онъ самъ обѣщалъ. Вотъ еще новости. Вѣдь ему же говорили, что это надо было сдѣлать до праздниковъ. Но онъ всегда нарочно споритъ. Конечно, конечно, конечно.

Роговъ дѣлаетъ нечеловѣческія усилія не улыбнуться. Стоитъ ему засмѣяться, хоть чуть-чуть, хотя бы краемъ глаза, и все рухнетъ и полетитъ куда-то къ чорту. Начнется такой кавардакъ, что упаси Господи.

Пожалуйста! Пусть онъ не дѣлаетъ такихъ грозныхъ минъ. Во-первыхъ, его здѣсь никто не боится, а, во-вторыхъ, здѣсь никто не хочетъ проваливаться на экзаменѣ изъ-за глупаго упрямства. Конечно, именно глупаго. Ему говорили, говорили до праздниковъ. Это очень не симпатично съ его стороны, коли ужъ на то пошло. Онъ слышитъ? Не-сим-патич-но.

Гавгамельская отъ лица «примѣрныхъ» вноситъ слѣдующее предложеніе. Она высокая, неуклюжая, съ острымъ, длиннымъ носомъ и безцвѣтными глазами. Говоритъ, приподнявшись однимъ бокомъ:

— Можно не диктовать. Алексѣй Федоровичъ будетъ такъ добръ, дастъ кому-нибудь программу, а всѣ остальныя перепишутъ.

— Рыба!—кричатъ ей.—Рыба! Бѣлуга! Садись! Сама выучила урокъ и лѣзетъ. Не станутъ онѣ переписывать. Онъ дома составитъ такую программу: чего и не учили, туда понапишетъ. Знаютъ онѣ его. Нѣтъ, нѣтъ. У нихъ ужъ такой обычай, чтобы программу составлять вмѣстѣ. Тогда пускай онѣ изберутъ изъ себя депутатокъ и пусть онъ составитъ съ ними въ среду, въ царскій день, программу, а въ четвергъ имъ продиктуетъ. Тѣмъ болѣе, сейчасъ уже прошла половина урока. Да, да, депутатокъ! Интересно, кто попадетъ въ депутатки. Ирисову?

Ирисова застѣнчиво отказывается. Она не знаетъ, понравится ли ея избраніе Рогову.

— Саввинскую! Саввинскую!

Настаетъ глубокая пауза. Сорокъ паръ глазъ устремляются на него.

Роговъ чувствуетъ, какъ краска подло заливаетъ ему воротъ. Онъ смотритъ на дѣвушку, и вдругъ его охватываетъ знакомая холодная злость. И, радуясь ей, онъ выпрямляется и проситъ всѣхъ замолчать.

Это выходитъ немного смѣшно, потому что всѣ и такъ молчатъ. Тѣмъ лучше. О программѣ они поговорятъ въ слѣдующій разъ. А сейчасъ онъ займется спрашиваніемъ тѣхъ, у кого только по одному баллу.

— Почему? Что такое? Господа, что такое случилось?

Удивленно-наивные взгляды, юмористическія пожатія плечъ. Оч-чень стран-но, чтобы не сказать болѣе.

Нѣтъ, онъ ихъ чрезчуръ распустилъ. Онъ все-таки еще инспекторъ. «Что такое случилось?» А вотъ что случилось: кому не угодно сидѣть у него на урокѣ какъ слѣдуетъ, тотъ можетъ удалиться. Это, кажется, вполнѣ понятно?

Введенская дѣлаетъ ему сочувственные знаки головою и укоризненныя движенія по адресу дѣвицъ. Что? Попало имъ наконецъ?

Сначала онъ будетъ спрашивать урокъ, заданный на праздники, а потомъ будетъ объяснять дальше. А госпожу Саввинскую...

Остальныя слова онъ произноситъ при могильномъ молчаніи всего класса. И слова выходятъ у него точно противъ воли, онъ только видитъ испуганное и поблѣднѣвшее лицо дѣвушки.

...А госпожу Саввинскую онъ попроситъ не разыгрывать музыкальныхъ упражненій пальцами на партѣ. Здѣсь не танцкласс...

При чемъ тутъ танцкласс? Въ танцклассѣ танцуютъ, а не играютъ. Общее пожатіе плечъ.

Введенская дѣлаетъ дѣвушкѣ знаки, чтобы она встала. Та нагибается къ Покровской и что то спрашиваетъ. Покровская дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе губами, довольно ясно означающее:

— Дура.

— Извинись, извинись!—шепчутъ ей.

Она встаетъ. Онъ выжидаетъ, что она скажетъ или сдѣлаетъ, и ему остро-пріятно окинуть всю ея фигуру полнымъ, не стѣсняющимся взглядомъ. Онъ видитъ, какъ она въ нерѣшительности краснѣетъ и неувѣренно взглядываетъ

на него: извиниться ей или не извиниться? Если нѣтъ—то ни за что! Хотя бы ее убили!

Вотъ какъ! Она способна на упорство? Тѣмъ лучше.

— Вы странно себя ведете,—отчетливо заявляетъ онъ и киваетъ головой въ знакъ того, что инцидентъ исчерпанъ.— Можете садиться.

— Развѣ я кому-нибудь мѣшала?—спрашиваетъ Таисія, поднявъ голову.

Онъ больше слышитъ ея голосъ, чѣмъ слова. Покровская дергаетъ ее, но она продолжаетъ стоять на своемъ: она всегда готова извиниться, но сейчасъ нѣтъ никакихъ къ тому поводовъ.

— Позвольте мнѣ выйти изъ класса,—неожиданно обращается она къ Введенской.

Горделивой походкой, шумя юбками, она проходитъ мимо него въ дверь. Водворяется зловѣщая тишина. Блѣдныя лица. Никто ничего не понимаетъ. На переднихъ партахъ, впрочемъ, ему выражается сочувствіе.

И только одно лицо Покровской непроницаемо. Она дѣлаетъ видъ, что все это не можетъ ея нимало касаться, и молча игнорируетъ взгляды, бросаемые на нее изъ-за боязливо поднятыхъ плечъ.

Начинается монотонное спрашиваніе урока.

Неожиданно поднимается Покровская.

— Алексѣй Федоровичъ!

Онъ яростно взглядываетъ на нее. Вотъ безстрашная. Всѣ пригибаются.

— Позвольте мнѣ составить программу, придерживаясь прошлогодней, и представить на ваше усмотрѣніе.

— Мгновенное, но жуткое молчаніе. Это—единоборство. Кто побѣдитъ? Она выжидаетъ съ корректнымъ видомъ, показывая ему какой-то исписанный листокъ.

— Ну и что же?—спрашиваетъ онъ свирѣпо.

— Я вычеркну только то, что было нами пропущено.

Классъ съ благоговѣніемъ впивался въ нее глазами. Кто бы подумалъ, что у нея есть способность его укрощать? Резенно она продолжаетъ развивать ему свою мысль:

— Исправивъ, согласно вашимъ указаніямъ, и переписавъ, я могу подать вамъ.

— Можно, — говоритъ онъ, чувствуя, что слабѣетъ и сдается.

— Когда же, когда? — раздаются голоса тѣхъ, кто посмѣлѣе.

— Конечно, въ среду. Я могу занести къ вамъ на квартиру, говоритъ она, внезапно потупившись.—Передамъ горничной (общее движеніе)... вашей... или супругѣ (сдерживаемая усмѣшка въ классѣ). Вы исправите...

Вмѣшивается Ирисова.

— А, можетъ быть, Алексѣй Федоровичъ забылъ, что мы пропускали?

Она поднимается во весь свой крошечный ростъ и холодно-враждебно смотритъ на Покровскую.

Но Покровская тотчасъ же находится:

— Я могу зайти, идя изъ отпуска, къ Алексѣю Федоровичу на домъ.

Это—какъ взрывъ бомбы. Онъ въ смущеніи молчитъ. Это совершенно новый прецендентъ, чтобы дѣвицы въ единственномъ числѣ ходили на домъ къ инспектору. Вспоминается Ольга Ивановка. Къ чорту!

Онъ поднимаетъ глаза на ея умное личико и, колеблясь, произноситъ:

— Что же... въ сущности... можно.... Если понадобится...

Движеніе. Вотъ день, богатый событіями! На Покровскую смотрятъ съ завистью и обожаніемъ. Она пойдетъ къ нему на квартиру одна.

— Можетъ-быть, программу можно просто прочитать въ классѣ вслухъ,—говоритъ опять Ирисова, продолжающая стоять (она еще не вѣритъ, что ея дѣло проиграно).—И все лишнее пропустить. Это будетъ проще.

Ея предложеніе нравится меньше. Пусть Покровская сходитъ къ нему на квартиру. Когда? Вечеромъ? Ее спрашиваютъ, прикладывая руку трубочкой къ губамъ:

— Ко-гда?

Но она, угрюмо обдергиваясь, не отвѣчаетъ. Она достигла того, чего хотѣла, а чего она хочетъ, того всегда добьется. Движенія ея точны, опредѣленны. Что за умница!

Послѣ звонка къ нему въ коридорѣ подходитъ Ирисова. Ихъ тотчасъ же замыкаетъ толпа. Что? Что такое? Выясняется, что Ирисова хочетъ задать вопросъ. У нея болѣзненное выраженіе лица. Вопросъ слѣдующій:

— Можно ли, строго говоря, считать за чудо переходъ евреевъ черезъ Черное море? Говорятъ, что тамъ бываютъ какіе-то совершенно особенные приливы и отливы.

Окружающая толпа имѣетъ, повидимому, основаніе выслушать ее насмѣшливо. Бѣдная коротышка! Съ какимъ отчаяніемъ послѣдней надежды она смотритъ ему въ глаза. Неужели же онъ еще не понимаетъ? На глазахъ у нея готовы выступить слезы.

Роговъ раздражается. Отчего она такая неоригинальная? Развѣ можно такой неоригинальной жить на свѣтѣ?

Нагнувшись къ ней, чтобы ее выслушать, онъ выпрямляется опять во весь ростъ и говоритъ, глядя черезъ головы собравшихся.

— Этотъ вопросъ не для короткаго разговора въ коридорѣ. Отложимъ его обсужденіе до другого раза.

— Хорошо,— говоритъ она, сосредоточенно-болѣзненно сдвинувъ брови, и страдая отходитъ.

— Черезъ Черное море!—смѣются въ разступившейся передъ нею толпѣ.—Вона куда поѣхало.

Возлѣ учительской его неожиданно атакуетъ знакомая пара: Покровская съ Таисіей. У Покровской попрежнему дѣловой видъ. У Таисіи глаза заплаканы. Она старается смотрѣть въ сторону.

— Алексѣй Федоровичъ,—говоритъ Покровская, держа подругу подъ руку.—Пожалуйста, простите ее.

Она ласкаетъ его своими умными, все понимающими глазами. Таисія имѣетъ убитый видъ, но стоитъ молча.

— Пожалуйста, Алексѣй Федоровичъ. Она просто немного пошалила, но безъ злого умысла. Правда.

Обѣ улыбаются. Таисія изо всѣхъ силъ сжимаетъ Покровской руку.

— Я не сержусь,—говоритъ Роговъ, стараясь сохранить спокойный видъ.

Ему стыдно и жалко напрасно обиженной дѣвушки. Но она поднимаетъ на него благодарный, обожающій взглядъ. Отъ него ей пріятно все, даже боль, даже несправедливость. Пусть онъ это знаетъ. Она стоитъ, гордо выпрямившись, и ростомъ значительно превосходитъ подругу. Но гордая для другихъ, она покоряется ему.

— Пойдемъ,—шепчетъ она Покровской, борясь съ разливающейся по лицу краской.

— Постой. Вы ничего не будете, Алексѣй Федоровичъ, имѣть противъ, если я приду къ вамъ вмѣстѣ съ подругой, напримѣръ, съ Саввинской? У нея есть также старая программа.

Моментъ онъ колеблется.

— Бога ради, Алексѣй Федоровичъ, поскорѣе, сюда идутъ.

— Только когда?—спрашиваетъ онъ, точно проваливаясь на дно пропасти.—Это ничего, что идутъ... Скажите, когда вы придете?

Невольно онъ самъ начинаетъ торопиться, и это его сердитъ.

— Намъ Ольга Ивановна запрещаетъ разговаривать въ коридорѣ съ учителями. Пожалуйста, скажите поскорѣе.

— Кажется, вы хотѣли зайти, идя изъ отпуска?

Въ это время приближается съ журналомъ въ рукѣ Пузаковъ и, хотя между Роговымъ и дверью въ учительскую достаточно мѣста, онъ почему-то пролѣзаетъ бокомъ. Это потому, что Роговъ разговариваетъ съ ученицами. Небось, за дверью будетъ сейчасъ хихикать и потирать руки.

Не отвѣчая словами на вопросъ, Покровская утвердительно опускаетъ вѣки.

— Въ которомъ часу?—спрашиваетъ онъ грубо.—Впрочемъ, позвольте... Буду ли я дома?

Онъ проводитъ рукой по волосамъ.

Будетъ ли онъ дома? Т. е. будетъ ли дома Зоя? И это не то: если Зои не будетъ дома, будетъ ли это удобно?

Такъ какъ онѣ продолжаютъ торопиться и, дѣйствительно, дальше стоять въ коридорѣ вмѣстѣ неловко, онъ отвѣчаетъ, не думая:

— Если такъ, то въ восемь...

Или, быть можетъ, немного позднѣе. Онъ не совсѣмъ соображаетъ, почему, но все-таки говоритъ:

—Или даже позднѣе...

Обѣ слушаютъ потупившись.

— Такъ значитъ, въ восемь, въ четверть девятаго?—переспрашиваетъ онъ, думая, что онѣ не слыхали.

Онѣ отвѣчаютъ ему легкимъ дрожаніемъ вѣкъ и, сдѣлавъ легкій реверансъ, все также не поднимая рѣсницъ, разомъ бѣгутъ отъ него, сломя голову, скользя по полу нога въ ногу.

Преодолѣвая волненіе, онъ пробуетъ отворить дверь въ учительскую, но для чего-то нажимаетъ внутрь. Изъ учительской ему помогаютъ, и онъ соображаетъ, что дверь отворяется наружу.

Это маленькое происшествіе вызываетъ общую веселость.

— Что значитъ заговориться съ хорошенькими барышнями,—говоритъ учитель математики Ефименко, показывая гнилые пломбированные золотомъ зубы.

И Роговъ чувствуетъ себя вынужденнымъ вмѣстѣ съ этимъ учительскимъ сбродомъ самъ надъ собою посмѣяться. Онъ испытываетъ ярость.

Возвращаясь послѣ уроковъ по двору, онъ отбрасываетъ ногою крупную бумажную стрѣлу, на которой что-то написано; поднимаетъ и читаетъ:

— Алексѣй Федоровичъ—милый!

И, выйдя окончательно изъ себя, зоветъ сторожа и начинаетъ на него кричать за безпорядокъ, допущенный на дворѣ.

Сторожъ молчитъ, но когда Роговъ отходитъ на приличное разстояніе, разражается крѣпкою бранью по адресу воспитанницъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

За обѣдомъ онъ и Зоя сидѣли молча. Зоя съ особенно предупредительнымъ видомъ его угощаетъ. У нея что-то на сердцѣ, и глаза, если всмотрѣться, припухшіе отъ слезъ. Когда онъ внимательно вглядывается въ нее, она говоритъ ему молчаливымъ вскидываніемъ головы и опусканіемъ вѣкъ:

— Такъ... ничего.

Но послѣ обѣда отзываетъ въ сторону и дрожащей рукой протягиваетъ ему странное письмо въ торопливо и косо разорванномъ конвертѣ. Почеркъ неустановившійся.

— Посмотри, пожалуйста, чѣмъ меня угощаютъ.

Она криво усмѣхается и присаживается возлѣ него на стулѣ, играя конвертомъ.

Онъ читаетъ:

«Хоть бы Вы избавили насъ отъ ухаживаній Вашего супруга за Т. С. Инициалы разгадать нетрудно. Противно смотрѣть. Или теперь, съ назначеніемъ Вашего дяди въ архіереи все возможно? Впрочемъ, подумайте, хорошо ли отъ этого Вамъ самимъ?

Неизвѣстная, но искренно расположенная къ Вамъ ваша доброжелательница.

Буду Вамъ сообщать все и дальше»

— Разорвать?—спрашиваетъ Роговъ нарочно спокойно.

— Постой... Впрочемъ, все равно, рви...

Она усмѣхается и встаетъ.

— По правдѣ, какъ непріятно получать такія письма...

— Да, конечно, служба въ женскомъ учебномъ заведеніи имѣетъ свои неудобства,—говоритъ онъ раздраженно.

По настоящему, лучше просто уйти и прекратить этотъ разговоръ, но онъ медлитъ. Ему хочется, чтобы она сказала еще что-нибудь такое же ненужное, но раздражающее.

И она говоритъ, расправляя ладонью на груди бѣлый шарфикъ.

— Ахъ, пожалуйста, оставь... Какъ непріятны эти вѣч-

ные нелѣпые разговоры. На всякомъ мѣстѣ можно себя поставить и хорошо, и плохо. И, наконецъ, прости: мнѣ очень не нравятся эти твои постоянные намеки на то, что тебѣ надо почему-то оставить службу въ епархіальномъ училищѣ: или это пустой разговоръ, или... или...

— Или что же?—спрашиваетъ Роговъ, чувствуя, что приближается неизбѣжный моментъ.

— Или это очень серьезно,—говоритъ она упавшимъ голосомъ.

— Да? Ты думаешь?

Еще одинъ мигъ—и, кажется, все порвется, и начнется что-то другое. Его охватываетъ страхъ и радость. Повернувшись лицомъ къ окну, чтобы скрыть усмѣшку, онъ ждетъ, что скажетъ она еще. Мучительно ждетъ. И отъ этого точно все распрямляется въ душѣ и пріобрѣтаетъ ясность. Можетъ быть, она будетъ плакать, требовать отъ него признанія. Что же, все равно. Онъ готовъ. Все-таки правда лучше. Можетъ-быть, то, что происходитъ сейчасъ съ нимъ, острая какая-нибудь болѣзнь въ родѣ лихорадки. Лучше пережить вмѣстѣ, открыто. Во всякомъ случаѣ, достойнѣе.

И въ первый разъ за все время онъ испытываетъ къ Зоѣ почти нѣжность. Ну, скорѣе же, скорѣе.

Но, вмѣсто этого, она крѣпко его сзади обнимаетъ и прижимается лицомъ къ его плечу.

— Я измучилась, Леникъ,—говоритъ она.—Ты прости меня. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ намъ лучше уйти изъ этой поганой ямы. Господи, развѣ такія были епархіалки въ мое время? Эти—всѣ проститутки. И глядятъ, и держатся вовсе не какъ воспитанницы. И письмо это, навѣрное, отъ какой-нибудь дѣвченки.

Роговъ раздражается.

— Ты, кажется, обѣщала больше не ревновать меня къ дѣвочкамъ?

— Леникъ, мнѣ все кажется, что ты влюбился въ кого-нибудь изъ воспитанницъ. Ты не замѣчаешь этого самъ, но ты сталъ ко мнѣ холоднѣе. Ты все хочешь уйти изъ епархіаль-

наго. Значитъ, ты самъ за себя боишься. Кромѣ того, объ этомъ мнѣ всѣ говорятъ намеками.

На моментъ Роговъ отчетливо видитъ косяки оконъ, два цвѣточныхъ горшка съ геранью, удивительно отчетливо и близко, каждый листикъ, каждый пестикъ,—дальше дворъ: прямо сарай съ полупритворенной дверью, потому что онъ пустъ; возлѣ него скамейку для прислуги и часть рѣшетки сада.

Теперь надо только сказать:

— Да.

Честно, твердо.

Но онъ стоитъ и мучится.

Просто крикнуть такъ: «Да! да!» А потомъ хоть зарыдать, выбѣжать вонъ изъ комнаты, потому что будетъ уже все кончено.

— Леникъ, ты такъ страшно молчишь? Такъ, можетъ-быть, это вѣрно? Леникъ, не мучь же меня. Лучше ужъ... все равно... одинъ конецъ.

Она съ силой, почти грубо, повертываетъ его къ себѣ и, тѣсно прижавшись, къ его груди, смотритъ ему въ лицо расширенными глазами.

— Леникъ, Леникъ, ты молчишь. Я убью себя. Я не могу.

Чувствуя къ ней брезгливую жалость, онъ говоритъ:

— Ты клялась мнѣ жизнью своихъ дѣтей, что не будешь больше преслѣдовать меня подозрительностью.

— Леникъ, я умираю. Понимаешь, я уже тогда не могу жить. Пусть умираютъ и дѣти. Мы всѣ умремъ. Зачѣмъ же ты меня напрасно мучаешь? Развѣ тебѣ такъ трудно сказать мнѣ: «нѣтъ!» Всего одного слова я прошу у тебя, и то ты мнѣ не можешь сказать.

— Тебѣ нужно, чтобы я тебѣ сказалъ «нѣтъ»?—спрашиваетъ онъ полунасмѣшливо.

— Не смѣйся, Леша! Стыдно тебѣ надо мной смѣяться.

— Если тебѣ такъ нужно это слово (на словѣ «слово» онъ дѣлаетъ удареніе), то вотъ тебѣ оно: нѣтъ, я не влюбленъ ни въ какую воспитанницу.

— Тогда почему же ты все заговариваешь объ уходѣ

отсюда? Словно ты боишься кого-то... Хотя, конечно, я понимаю, что странно бояться какой-нибудь дѣвченки...

— Я полагаю,—говоритъ холодно Роговъ, и ему вдругъ хочется сказать, что завтра къ нему придутъ Покровская съ Таисіей.

— Кстати же, завтра къ вечеру ко мнѣ придутъ двѣ дѣвы составлять экзаменную программу. Это не радуетъ тебя?

— Леникъ, ты ошибаешься. Меня все радуетъ...

Она вытираетъ платочкомъ слезы.

— Меня все радуетъ, когда ты любишь меня... когда я увѣрена въ этомъ. Но я—маловѣрная, Леникъ. Я все думаю: за что ты, такой умный, такой хорошій и представительный, будешь любить такую дурную, какъ я? И тогда мнѣ кажется, что ты непремѣнно, непремѣнно, долженъ разлюбить меня. И потомъ, когда я вдругъ убѣждаюсь, что ты не можешь разлюбить меня, что это вздоръ, смѣшная мысль,—мнѣ дѣлается такъ хорошо, словно я лежу у берега моря, въ водѣ, и меня качаетъ тихими волнами.

Она засмѣялась, вытирая слезы и носъ и кокетливо скосивъ на него глаза.

— А ты не считаешь меня за дурочку? Ну, клянусь тебѣ, Леникъ, что это окончательно въ послѣдній разъ. Только скажи мнѣ, такъ, просто, прямо глядя мнѣ въ глаза, что ты меня любишь. Вотъ такъ. Ну, скажи.

— Сентиментальности.

— Нѣтъ, ты скажи,—говоритъ она капризно.—Развѣ тебѣ такъ трудно сказать?

— Тебѣ все «сказать»... Эхъ, ты...

— Конечно, сказать. Всѣ хорошія слова лучше говорить.

— Ну, довольно, довольно,—говоритъ онъ, отстраняя ее.

Ему противна она, онъ самъ, герань на окнахъ, видъ на училищный дворъ. У него такое чувство, точно онъ оступился и упалъ во что-то очень грязное, но никакъ не можетъ подняться, а она толкаетъ его все глубже и глубже.

— Леникъ, я разсержусь. Ну!

Она топаетъ ногой, думая, что это очень граціозно.

— Тебѣ очень нужно это «слово»? (Онъ опять подчеркиваетъ удареніе). Тогда получай: я тебя люблю. Слышала? Довольна? Только знай, Зоя, что не все ладно въ нашей жизни, далеко не все.

Но она улыбается.

— Было бы самое главное, а остальное все вздоръ. Слышишь, Леникъ? Вздоръ. Это я тебѣ говорю. Ты думаешь, что я не исправлюсь? Вотъ тебѣ. Нарочно завтра уйду въ гости къ мамашѣ и дѣтей съ Машей туда заберу. Цѣлуйся, пожалуй, со своими дѣвицами. Хорошо? Хочешь такъ?

— Мнѣ безразлично,—говоритъ онъ, испытывая внезапно сильную дрожь, и густое, какъ смола, чувство поднимается и медленно и трудно останавливается въ груди.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

На другой день, когда онъ послѣ пятого урока медленно сходитъ по лѣстницѣ, его догоняютъ чьи-то легкіе, добрые шаги.

— Алексѣй Федоровичъ, — говоритъ негромко дѣвичій голосъ, и онъ видитъ Покровскую.—Я догнала васъ предупредить... Можетъ-быть, завтра къ вамъ зайдетъ одна Таисія. Это ничего?

Она стоитъ противъ него, раскинувъ руки по перилу лѣстницы и смотритъ ему, не мигая, въ лицо серьезнымъ, ласкающимъ взглядомъ. Онъ не сразу можетъ ей отвѣтить.

— А вы?—спрашиваетъ онъ, наконецъ, просительно.

Она отвѣчаетъ рѣшительно и суховато:

— Я не могу.

Что это, въ самомъ дѣлѣ? Неужели онъ боится? Трусъ!

Спокойная, всегда идущая прямо къ цѣли, она немного сейчасъ раздражается на него. Надо знать, чего хочешь. Вѣдь онъ же этого хотѣлъ?

Она вопросительно-насмѣшливо смотритъ и сейчасъ же опускаетъ глаза.

— Какая вы,—говоритъ онъ.—У васъ на недѣлѣ семь пятницъ.

— Знаете, разныя обстоятельства... Такъ ей можно прійти?

— Конечно, разъ можно вамъ, можно и ей.

Зачѣмъ онъ это сказалъ? Глупая фальшь.

— До свиданія,—говоритъ она сдержанно и такъ же быстро убѣгаетъ опять наверхъ.

И все это кажется сномъ. Но перила, лѣстница и свѣтъ, падающій изъ окна сверху, особенно жутко-реальны.

«Я не долженъ этого допустить» — сказалъ себѣ Роговъ.—«Что за вздоръ! Какъ это возможно, чтобы она пришла? Да она и не придетъ. Конечно, не придетъ».

Онъ облегченно вздохнулъ.

«Одно дѣло вдвоемъ, другое—одна».

Но вспомнилъ Покровскую, какъ она стояла на лѣстницѣ, раскинувъ по перилам руки и улыбалась надъ его нерѣшительностью, и снова почувствовалъ, что Тансія придетъ. И это уже будетъ конецъ, или начало конца. Все равно.

Но, можетъ-быть, такъ и надо? Или, можетъ-быть, такъ будетъ лучше? Не надо и не лучше. Даже, навѣрное, хуже. Но такъ будетъ. Потому что онъ боленъ. Или, вѣрнѣе, ему все равно. Лучше? хуже? Онъ знаетъ, что она придетъ и—все. Если онъ ушлетъ изъ дому Марфу, то въ домѣ останутся только они двое. Онъ и она. Она сниметъ верхнее платье и войдетъ и будетъ сидѣть съ нимъ. Во всемъ мірѣ они будутъ двое.

Правда, еще онъ можетъ все-таки избѣжать этого. Можно велѣть передать ей, что вышло какое-нибудь экстренное дѣло. Можетъ пойти къ тестю играть въ карты. И тогда ничего не будетъ.

Нарочно онъ дразнитъ себя этою мыслью, представляя, какъ будетъ играть въ тотъ вечеръ у тестя въ карты. Какъ странно: пойти къ тестю—ничего не будетъ, не пойти—и будетъ, можетъ-быть, гибель... Будетъ «оно», то самое, и страшное, и радостное, чего онъ и ждетъ, и ужасается.

Но оно, конечно, съ нимъ будетъ, какъ бы онъ ни ужасался, потому что къ тестю онъ все-таки не можетъ пойти.

Вечеромъ онъ торопливо надумалъ съѣздить къ дядѣ, игумену пригороднаго монастыря.

Не то, чтобы онъ думалъ, что дядя можетъ дать ему полезный совѣтъ, а скорѣе вспомнилась удивительная тишина бѣлыхъ стѣнъ монастыря, мелодичный звонъ монастырскихъ часовъ и уютное, ласково сіяющее многочисленными огнями на могилахъ монастырское кладбище въ зелени и цвѣтахъ.

Каждый разъ, когда онъ бывалъ тамъ, его охватывала тихая дума о жизни. И ему даже всегда хотѣлось, чтобы его похоронили именно на этомъ кладбищѣ и зажгли бы надъ нимъ такой же фонарикъ. Человѣкъ умеръ, а фонарикъ, точно остатокъ его жизни, горитъ. Какъ хорошо!

Извозчикъ привезъ его къ монастырю, когда тамъ кончалась всенощная, но Роговъ не зашелъ въ храмъ. Ему не хотѣлось видѣть монаховъ. Люди въ монастырѣ—это было самое худшее. Онъ зналъ, что здѣсь люди интригуютъ, наживаютъ, распутничаютъ иногда не меньше, чѣмъ въ міру. Единственно, чѣмъ они оправдываютъ себя, это—ссылка на духовную борьбу съ собою. «Бѣсъ одолѣлъ», «врагъ силенъ—ничего не подѣлаешь». И это было противно Рогову, какъ грубый обманъ.

И про его дядю, игумена Паисія, въ городѣ болтали, что у него до сорока пяти лѣтъ была содержанка по фамиліи Шарфикова, а по прозвищу—Труба.

Все это было противно. Поэтому онъ прямо прошелъ на могилы, съ неудовольствіемъ слушая торопливый гнусавый ревъ полсотни здоровенныхъ мужскихъ голосовъ, доносившійся изъ оконъ храма, изрѣдка прерываемый еще болѣе торопливымъ чтеніемъ. Дослуживали всенощную.

Забравшись въ самый отдаленный уголъ кладбища и усѣвшись на аккуратной низкой скамеечкѣ, онъ задумался, глядя на тихо мерцавшія лампады и красиво подчищенныя дорожки, о томъ, какъ красиво можетъ быть обставлена человѣческая смерть и какъ, навѣрное, дурно была обставлена жизнь этихъ людей, которые лежатъ всюду здѣсь подъ крестами, а также и тѣхъ, которые еще живутъ, и ему захотѣлось смерти.

Онъ подумалъ о томъ, чѣмъ можетъ быть его дальнѣйшая жизнь безъ Таисіи и съ Таисіей. Въ концѣ-концовъ, она—совершенно неизвѣстная ему по своимъ нравственнымъ качествамъ дѣвушка, по лѣтамъ почти еще дѣвочка. Даже допустивъ, что Зоя разсталась бы съ нимъ спокойно и добровольно, совершенно еще неизвѣстно, насколько и съ внѣшней матеріальной, и съ внутренней, духовной стороны можетъ наладиться его жизнь съ нею. А если Зоя сдѣлаетъ что-нибудь надъ собой, жизнь и вовсе станетъ тяжелымъ проклятьемъ.

Не лучше была бы и его жизнь съ Зоей, если бы онъ отказался отъ мысли о Таисіи. Собственно, отказаться онъ теперь уже не можетъ, но если бы даже отказался. Ему представились квадратныя окна квартиры, Зоя, ходящая изъ комнаты въ комнату и звенящая ключами, писк и болтовня дѣтей, накуренная учительская и глупое кокетство дѣвицъ за уроками. И такъ до безконечности.

Смерть во всѣхъ отношеніяхъ была бы и почетнѣе, и привлекательнѣе, и чище.

Онъ вздохнулъ, снялъ шляпу и посмотрѣлъ на темнѣющее небо, гдѣ зажглась уже одна яркая звѣзда. Но умереть онъ тоже сейчасъ не могъ. Умереть онъ могъ немного погодя, потомъ. Почему? Объ этомъ ему не хотѣлось себя спрашивать.

Но все же ему стало легче. Смерть точно прикоснулась крылами къ его вискамъ, и онъ подумалъ о ней спокойно и даже радостно. Вѣдь вотъ бранятъ смерть, а вѣдь что бы тамъ ни говорили о всеобщемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, а смерть есть всегдашній надвѣрнѣйшій выходъ изъ каждаго положенія. И онъ подумалъ о животныхъ, которыя не знаютъ, что можно причинить себѣ смерть. Какой, должно-быть, это ужасъ! Правда, это грѣхъ, но... Онъ поглядѣлъ на небеса и на храмъ, гдѣ затихли звуки церковной службы. Но... вѣдь онъ же не можетъ съ собою ничего сдѣлать. Если онъ сейчасъ и движется, и живетъ, то лишь потому, что знаетъ, что завтра увидитъ Таисію. Если бы это стало вдругъ невозможно, то стала бы немыслима и самая жизнь. Правда ли? Онъ спрашиваетъ себя сейчасъ, вотъ у этихъ могилъ и передъ лицомъ вѣчнаго

неба и того алтаря, тамъ въ храмѣ. Правда ли, что не можетъ? Если онъ можетъ, то пусть онъ будетъ проклятъ за эту ложь, которою лжетъ передъ собой и Богомъ. Итакъ, правда, ли, что онъ не можетъ?

Онъ напрягся всѣми силами духа, чтобы оттолкнуть отъ себя образъ Таисіи—и улыбнулся. Это было невозможно.

— Такъ, значитъ, такъ?—спросилъ онъ себя строго и отвѣтилъ сейчасъ же съ полною готовностью:—Такъ.

Надо было только замѣтить тѣ могилы и кресты, у которыхъ онъ сейчасъ стоялъ. Вотъ тутъ стоитъ бѣлый крестъ. Онъ приходится перекладиной въ уровень со среднимъ окномъ храма. Тутъ елочка, а здѣсь могила покойнаго архіерея Гавріила. Вотъ такъ. И онъ говоритъ себѣ ясно и въ полномъ обладаніи всѣми своими умственными и нравственными силами: нѣтъ, не могу.

Плотно надѣвъ шляпу, онъ еще разъ оглянулся, чтобы навсегда запечатлѣть это мѣсто, гдѣ онъ принялъ важнѣйшее въ своей жизни рѣшеніе, и быстро пошелъ къ выходу, спокойно подумавъ:

— Ну, будь, что будетъ.

Дядинъ келейникъ, молодой, по ухваткамъ скорѣй похожій на ямщика, провелъ его въ гостиную, гдѣ Рогову былъ извѣстенъ каждый диванъ, каждое кресло. Скоро вышелъ и дядя, близорукій, черноволосый и толстый. Подойдя совсѣмъ близко, онъ всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Ангелъ мой! Какими судьбами? По дѣлу или навѣстить?

Роговъ сказалъ, что навѣстить.

— Вотъ это дѣло! Хочешь чаю или винца? Эй, кто тутъ есть? Винца намъ на балконъ.

Смѣясь и радуясь приходу племянника, онъ со стукомъ отодвинулъ задвижку у стеклянной двери, выходившей на балконъ, и они вышли на воздухъ, оба грузные, сострясающіе подъ собою все сооруженіе, и усѣлись на знакомыхъ Рогову плетеныхъ стульяхъ.

Роговъ посмотрѣлъ на знакомый видъ, открывавшійся на городъ черезъ монастырскую стѣну, и подумалъ, что видитъ

его въ послѣдній разъ, и отъ этого ему опять сдѣлалось спокойно и увѣренно. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя же жить до безконечности.

— Что ты, ангелъ мой, смотришь сегодня такимъ именинникомъ?—спросилъ дядя, когда тотъ же послушникъ подалъ вино и стаканы.

Роговъ пожалъ плечами и ласково улыбнулся.

Разговорились, конечно, о назначеніи архіерея Исидора. Впрочемъ, тема исчерпалась быстро. Исидоръ былъ совершенно опредѣленная, и, помимо того, что онъ былъ родственникъ, совершенно неинтересная величина. Пріѣхалъ онъ какъ-то неожиданно, очень тихо, безъ обычной архіерейской помпы, и объ немъ почти ничего не было слыхать.

О немъ говорили кратко:

— Не спѣшитъ вникать въ дѣла. Больше молится.

— Дядя,—сказалъ Роговъ, столько же неожиданно для себя, какъ и для дяди.—Представьте себѣ, что священникъ, молодой, не вдовый, съ хорошимъ положеніемъ, женившійся по сватовству, вдругъ полюбилъ постороннюю молодую дѣвушку, и такъ полюбилъ, что не въ состояніи свое чувство побороть.

— Это ты, что-ль, ангелъ мой?—спросилъ дядя со вкрадчивой и вмѣстѣ замкнутой холодноватой усмѣшкой.

— Нѣтъ, я, собственно вычиталъ въ газетѣ,—сазалъ Роговъ, очень удачно притворяясь, такъ что дядя повѣрилъ.

— Что-жъ теперь дѣлать?—сказалъ дядя и рыхло засмѣялся.—Остается теперь одно средство—вокругъ ракитова куста.

— А послѣдствія?

Дядя пожалъ плечами.

— На то человѣку даденъ умъ.

— Безнравственно это, дядя.

— Да, вѣдь, ты говоришь, что выкинуть изъ головы онъ не могъ? Могъ, чай. Дурь обуяла, ангелъ мой.

— Не могъ, дядя.

— Да ты почемъ знаешь?

— Долго разсказывать, но, видно, что человѣкъ боролся.

— А боролся, такъ и его верхъ, горка.

Дядя снять весело засмѣялся.

— Да ну его къ праху!

— Нѣтъ, погодите, дядя. Впослѣдствіи этотъ священникъ вынужденъ былъ съ собою покончить. Тоже обстоятельства сложились такимъ образомъ. Вѣдь нашему брату крайне трудно перемѣнить родъ занятій.

— Ну, такъ что я...?

— Вѣдь это трагедія, дядя!

— Трагедія. Что-жъ теперь подѣлаешь? Не ходи въ священники. Вотъ тебѣ и мораль.

— А, можетъ быть, это, дядя, бываетъ такая болѣзнь. Неужели же нельзя заставить молчать плоть во имя голоса... ну, хотя бы простого разсудка?

Дядя покрутилъ стриженою его головой.

— Естественно.

— Но какъ же тогда, такъ же?

— Какъ? Устраиваются.

— Нѣ..

— Н.

Онъ замѣтилъ. Ему показалось, что онъ еще куда-то глубже провалился и пробирается внизу темнымъ коридоромъ. Стало скверно и немного тонко. Нѣтъ, онъ никогда этого не сдѣлаетъ, никогда. Онъ внимательно вглядѣлся въ обрюзгшее дядино лицо, заросшее черными, не сѣдѣющими волосами и непріятно улыбающееся одной половиной, и ему захотѣлось уйти. Но уйти онъ сразу не могъ. Хотѣлось еще что-то услышать отъ этого человѣка или такъ впитать въ себя какое-то настроеніе.

На колокольнѣ часы мелодично пробили десять. Дядя распорядился подать лампу.

Въ чуткой монастырской тишинѣ, надъ могилами и у плотно запертыхъ на ночь храмовъ, совершалась своя живая жизнь. Слышался скрипъ воротъ, рѣдкіе отчетливые шаги. Можетъ быть, жизнь, вообще, и должна быть такою, ползущею гдѣ-то въ темнотѣ.

Роговъ подумалъ о томъ, что завтра у него будетъ въ квартирѣ Таисія, и опять ему стало гадко и безпокойно.

— Я пойду, дядя,—сказалъ онъ.—Спасибо на угощеніи.

— Куда ты?—удивился дядя. — Что-то ты, ангелъ мой, не тово. Ужъ не влюбился ли впрямь?

Онъ похлопалъ его жирною ладонью по спинѣ.

— А мы живемъ въ тишинѣ... далеко отъ суеты...

Онъ покачалъ головою, сдѣлалъ умилённо-кислое лицо и вздохнулъ.

— Да, конечно, въ міру, что въ открытомъ морѣ, а въ монастырѣ, какъ въ гавани. Ну, Христосъ, спаси.

Онъ солидно перекрестилъ племянника, и они распрощались.

Роговъ вышелъ за ворота монастыря.

Изъ-за города поднималась луна. Въ такую ночь хотѣлось жить, но жить такъ же чисто, безмятежно и прекрасно, какъ живетъ природа. Онъ оглянулся на бѣлыя, теперь залитыя луннымъ свѣтомъ, монастырскія стѣны, и монастырь показался ему тюрьмою.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Заснулъ Роговъ поздно и, проснувшись, съ удовольствіемъ убѣдился, что утро принесло ему особенную ясность и тишину.

Это оттого, что онъ былъ честенъ съ собой. Въ сущности, что же можетъ человѣкъ?

И, умываясь холодною водою, а потомъ вытираясь, онъ съ удовольствіемъ повторилъ себѣ нѣсколько разъ, что онъ удивительно честенъ съ собою и оттого ему такъ сейчасъ легко.

Именно потому онъ можетъ сейчасъ не думать о сегодняшнемъ вечерѣ. Онъ поступитъ такъ, какъ будетъ надо. Вотъ и все. Можетъ-быть, онъ даже просто уйдетъ къ тестю. Болѣе, чѣмъ возможно и даже навѣрное.

Онъ заставилъ себя нарочно подумать, что пойдетъ къ тестю, и это успокоило его окончательно.

Но за обѣдней Таисіи не было на клиросѣ. Ушла въ отпускъ. И это его взволновало. Значитъ, придетъ.

Дома къ пирогу собралась родня: тесть съ тещей, и братъ Зои, священникъ изъ села. Теперь онъ надѣялся перейти въ городъ.

Настроеніе было приподнятое и, можно сказать, торжественное. Въ особенности, важный видъ хранила теща, родная сестра новаго архіерея.

Полушутя, полусерьезно распредѣляли священническія мѣста: однихъ переводили изъ губерніи въ уѣздъ, другихъ наоборотъ. Очень просто: вѣдь новый владыка не знаетъ, кто чего достоинъ.

Ничто такъ не сближаетъ родственниковъ, какъ служебный успѣхъ одного изъ членовъ родни. Роговъ тоже поддался настроенію. Зоя блаженно улыбалась, по временамъ взглядывая на мужа съ видомъ, ясно говорившимъ:

«Но я нисколько не горжусь передъ тобой, хотя могла бы гордиться».

Въ концѣ завтрака она вдругъ отвела его руку, которую онъ протянулъ къ графину съ водкой.

— Будетъ съ вашей милости.

И Роговъ, дѣйствительно почувствовалъ, что замѣтно выпилъ. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ настаивать на своемъ желаніи.

Зоя стала жаловаться, что онъ теперь сильно пьетъ. Всѣ неловко замолчали. Онъ началъ спорить.

— Да не размахивай ты такъ противно руками,—вскрикнула она, непріязненно отодвинувшись отъ него.—Не могу я привыкнуть къ этой новой твоей привычкѣ. Недавно разлилъ по всему столу соусникъ съ подливкой.

Роговъ обидѣлся, но потомъ вспомнилъ, что онъ честенъ съ собой, и успокоился. Если бы они знали, какъ онъ боролся и что онъ переживаетъ, они бы уважали его. Даже они. Потому что онъ боролся.

Но этого никто не знаетъ и никогда не узнаетъ. Онъ мягко улыбнулся и отодвинулъ отъ себя рѣшительнымъ движеніемъ наполненную рюмку. Зоя благодарно пожала ему руку Лица

всѣхъ изобразили одобреніе. У него есть характеръ: это сразу видно.

Послѣ завтрака Роговъ отправился съ Иваномъ Степановичемъ, который въ послѣднее время исполнялъ также обязанности эконома и смотрителя зданія, осматривать трубы на чердакѣ. Поговорили о необходимости солиднаго ремонта на случай возможности воспламененія сажи.

Рогову теперь доставляло особенное удовольствіе ревностное исполненіе своихъ обязанностей. Иванъ Степановичъ и дворникъ, взятый въ помощь, даже должны были его останавливать.

На чердакѣ было удивительно хорошо: чисто, тепло отъ нагрѣтой крыши; въ открытыя слуховыя окна влетали и вылетали голуби и ласточки. Внизу намѣчались красивымъ симметричнымъ узоромъ улицы и бульвары города. И Роговъ опять подумалъ о томъ, что жизнь издали такъ же красива, какъ и смерть.

Было только шесть часовъ. Вернувшись домой, онъ сѣлъ составить отчетъ по церкви и составлялъ его усердно, пока Зоя не вошла уже совсѣмъ одѣтою спросить его, пойдетъ ли онъ съ нею, или придетъ потомъ. Она знала, что онъ ждетъ учениць, но умышленно дѣлала видъ, что забываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. Лицо ея было тревожно и печально. Она не смѣла просить, но ей бы хотѣлось, чтобы онъ съ нею пошелъ.

И Рогову сдѣлалось ея жаль. Онъ не могъ себѣ сказать, что онъ не въ силахъ ей отказать. Напротивъ, ему даже очень захотѣлось сдѣлать ей пріятное. Онъ сказалъ, что сейчасъ одѣнется, и началъ собираться. Зоя повеселѣла.

Одѣваясь, онъ думалъ о томъ, что, въ сущности, могъ бы всю свою дальнѣйшую жизнь отдать на благо окружающихъ его людей. И вдругъ это показалось ему такимъ радостнымъ и прекраснымъ, что онъ даже чуть не прослезился.

Торопливо заканчивая туалетъ, онъ восхищался собой и своей жертвой. Собственно, вся эта исторія пошла ему только на пользу.

Гордый сознаніемъ собственнаго достоинства, въ новой голубой рясѣ, онъ вышелъ къ женѣ и дѣтямъ. Марфа почтительно проводила ихъ до дверей.

«Надо сказать, чтобы она передала дѣвицамъ, которыя придутъ, что онъ извинется»,—подумалъ Роговъ, но Мареа особенно скоро затворила дверь, и онъ такъ ничего и не сказалъ, хотя, несомнѣнно, преуспѣла неловкость.

То же, вѣроятно, почувствовала и Зоя, она подумала, что онъ забылъ, и была должна: пусть-ка дѣвчонки поцѣлуютъ пробой!

Но, съ другой стороны, [illegible] и потерпѣла уступка: отдай онъ такой приказъ Мареѣ, и корабли были бы сожжены, а такъ онъ могъ еще вернуться съ моря. Рогову стало противно. Неужели же онъ способенъ на такія жалкія увертки? Нѣтъ, ужъ теперь все кончено, и онъ не вернется. И онъ даже ускорилъ шагъ.

— Послушай, какъ ты [illegible]!—сказала Зоя.—Вѣдь съ нами дѣти, ты бы соображалъ.

Его колетъ [illegible]. Неужели она не можетъ говорить съ нимъ [illegible] дѣлово, ей не мешало бы научиться [illegible].

Но онъ ли [illegible] и [illegible] тише.

Вновь [illegible] фонарей [illegible], и изъ-за городского [illegible] лукъ луны.

«Еще два-три повѣста»,—подумалъ Роговъ,—и все будетъ [illegible], и жизнь пойдетъ [illegible] чередомъ».

Зоя шла впереди, полная, въ скромномъ кружевномъ короткомъ пальто и шляпѣ, отдѣланной тоже кружевами цвѣта кремъ и напоминавшей пирожное. Она вела за руку упруго и неумѣло переступавшую кривыми ногами дѣвочку. Нянька рядомъ несла ребенка.

«Вѣроятно, они останутся тамъ ночевать»,—сообразилъ Роговъ и вдругъ остановился.

Собственно, онъ и самъ не зналъ, почему остановился. Это вышло какъ-то само собой. Сначала остановился, а потомъ уже подумалъ, что это надо чѣмъ-то объяснить.

— Что ты?—спросила Зоя, обернувшись.

— Ничего, я такъ,—сказалъ онъ и пошелъ опять.

Но она взяла его подъ руку, тревожась за него.

— Ты что-нибудь вспомнилъ?

— Да,—сказалъ Роговъ машинально.—Вѣдь ко мнѣ придутъ дѣвицы. Я забылъ.

Онъ покраснѣлъ, сказавъ эту ложь. Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— И я даже не предупредилъ ихъ,—замѣтилъ Роговъ, немного дрожа.

Онъ тихо высвободилъ свою руку изъ руки Зои.

— Ты думалъ вернуться?—спросила она [illegible]льно.

Онъ остановился.

— Не знаю какъ... Я обѣщалъ къ [illegible]ему [illegible]ню программы... ты иди...

У него захватило голосъ. Онъ откашлялся въ руку.

— Какъ странно, что ты забылъ,—сказала Зоя [illegible]ко.

Она подхватила дѣвочку и [illegible] впередъ.

— Пожалуйста, только [illegible] [illegible].

Онъ остался стоять, [illegible]:

— Не знаю... постара[illegible].

И машинально пошелъ [illegible], [illegible], потомъ скорѣе и вдругъ ясно представилъ себѣ Танечку и засмѣялся. Это вышло такъ [illegible] и странно, что онъ даже схватился за лицо, закрывая [illegible]...

Но бурная радость [illegible] «[illegible]».—[illegible] онъ себѣ.—«Я сошу съ ума. [illegible], что [illegible].

Вѣдь вечеръ еще только начинается. [illegible] потухла полоска вечерней [illegible], и только луна [illegible] поднялась во всей красѣ [illegible], откуда доносились протяжныя мелодіи духового оркестра.

Сейчасъ нѣтъ еще [illegible], и Зоя не вернется раньше десяти, а, можетъ-быть, не придетъ и вовсе.

Онъ почти бѣжалъ изъ [illegible] въ улицу и сознавалъ только одно, что въ первый разъ за всю жизнь онъ по-настоящему счастливъ и что за такое счастье можно, не колебаясь, отдать самую жизнь. И была смѣшна вся предыдущая торговля съ собою и глупое самовеличаніе. Напротивъ, хотѣлось унизиться, смириться, почувствовать себя маленькимъ и ничтожнымъ въ общемъ планѣ вселенной—и только быть счастливымъ... два часа во всей жизни, но быть по-настоящему сча-

стливымъ. Два часа! Развѣ это такъ много? А потомъ умереть. Какъ? Не все ли равно? Но умереть будетъ нужно. И это надо твердо запомнить сейчасъ же: умереть нужно.

Онъ строго сдвинулъ брови, снялъ шляпу и, ощущая дуновеніе вечерней прохлады, вспомнилъ свои вчерашнія мысли на кладбищѣ. Умереть нужно. Онъ мелькомъ оглядѣлъ тихія улицы, чуть освѣщенныя луннымъ блескомъ, и опять подумалъ, что все это надо какъ можно лучше запомнить.

Съ бьющимся сердцемъ онъ позвонилъ къ себѣ въ квартиру и со страхомъ спросилъ, не приходилъ ли кто-нибудь. Но никто не приходилъ.

Онъ вошелъ въ темную, душную переднюю, снялъ рясу и приказалъ зажечь лампы и поставить самоваръ.

Пока Марѳа возилась, онъ вышелъ въ кабинетъ, отдернулъ штору и отворилъ окно.

Онъ не представлялъ себѣ ясно того, что сейчасъ случится, но зналъ, что въ томъ, что сейчасъ случится, имѣетъ оправданіе вся его предшествовавшая жизнь. Подумалъ о Зоѣ, но это было блѣдное и скучное воспоминаніе и, какъ все случайное и несущественное, не имѣло больше никакого для него значенія.

Луна была почти полная и стояла относительно высоко. Часамъ къ десяти она будетъ почти въ зенитѣ. Ему казалось, что такъ почему-то и должно было быть въ послѣднюю ночь его жизни.

За бѣло-молочными отъ луннаго свѣта крышами сараевъ, расположенныхъ напротивъ, каждая вѣточка высокихъ, еще голыхъ липъ отчетливо выступала, точно въ театральной декораціи. Сквозь ажурную изгородь сада, тоже сейчасъ похожую на театральную, просвѣчивала сіяющая, прозрачная, свѣжая, весенняя пустота.

Земля, видимо, только еще отходила, сырая, теплая, мягкая, точно отсырѣвшій бархатъ; тонкими пластами она пристаетъ къ подошвамъ обуви и отваливается; черная, плотными ломающимися плитками она лежитъ на ступенькахъ, на крыльцѣ. А въ углахъ двора, гдѣ сгустилась темнота, наверху поднимается сіяющій паръ.

Фигуры людей проходятъ чуткія, медлительныя. Звуковъ нѣтъ. Они ушли въ мягкую почву, въ лунный свѣтъ. И кажется, что завтра уже не будетъ жизни. Ночь будетъ длиться безъ конца.

По двору медленно прошла фигура востролицей горничной начальницы, внимательно осматриваясь по сторонамъ. Роговъ спрятался за простѣнокъ. Чего она тутъ шляется? Дойдя до дверей квартиры начальницы, она немного постояла и опять сбѣжала внизъ, стуча каблуками по ступенькамъ. Кого-нибудь ждетъ, не хочетъ возвращаться домой, довольна, что вырвалась.

Роговъ высунулся и строго сказалъ:

— Кто тутъ ходитъ?

Дѣвушка испуганно остановилась и отвѣтила вопросительно:

— Я, Глаша.

Онъ подозвалъ ее къ окну. Она подошла, закрывая нижнюю часть лица кончикомъ платка. Только глаза ея горѣли луннымъ свѣтомъ.

— Вы что, батюшка?—спросила она боязливо-почтительнымъ голосомъ, стараясь скрыть подъ навѣсомъ груди полныя, сверкающія бѣлизной руки.

Она стѣснялась его сейчасъ, какъ начальника.

— Что ты здѣсь слоняешься?—строго сказалъ Роговъ.— Отнеси лучше Ольгѣ Ивановнѣ бумаги.

Она почувствовала напускную строгость его тона и чуть блеснула глазами.

— Слушаю-съ.

Ея лицо по-прежнему оставалось скрытымъ, но по голосу онъ зналъ, что она уже смѣется.

— Только смотри не оброни,—прибавилъ онъ нарочно еще строже.

— Не бойтесь.

Она сбросила платокъ съ лица и головы, и теперь было видно все ея широко и лукаво улыбающееся лицо. Роговъ подумалъ, какія бы съ нею послать бумаги и, крикнувъ Мареу, приказалъ подать огонь.

Дрожащими руками онъ отворилъ ящикъ стола и началъ перебирать документы. Часы пробили половину девятаго, Правда, они идутъ впередъ на десять минутъ.

Наконецъ, онъ нашелъ нѣсколько счетовъ средней спѣшности. Нужно было только подвести итогъ. Онъ началъ считать, спутался и опять терпѣливо началъ работу сначала. Подочтя кое-какъ, онъ написалъ Ольгѣ Ивановнѣ короткую записку, неосторожно смазавъ чернила бюваромъ, засунулъ и счета и записку въ конвертъ и сунулъ дѣвушкѣ въ окно, нетерпѣливо крикнувъ:

— Бѣги.

Теперь на дворѣ не было никого, но въ домѣ была Мареа, которая безпрестанно входитъ въ комнаты. Роговъ припомнилъ, что внутренній крючекъ двери, ведущей изъ кухни наружу, иногда самостоятельно защелкивается. Ему стало отъ этой мысли и неловко, и весело, точно школьнику. Онъ затворилъ окно, старательно опустилъ штору и, позвавъ Мареу, объяснилъ ей, нарочно строгимъ голосомъ, что будетъ серьезно занятъ и его ни подъ какимъ видомъ нельзя безпокоить. Потомъ, доставъ съ полки пачку номеровъ «Миссіонерскаго сборника» (при этомъ ему опять сдѣлалось смѣшно, что выборъ его палъ именно на «Миссіонерскій сборникъ»), онъ приказалъ, удерживая улыбку, отнести книги Ивану Степановичу, который давно просилъ прислать ему что-нибудь изъ духовнаго чтенія.

Дожидаясь, пока Мареа одѣнется и уйдетъ, онъ вышелъ въ гостиную и въ первый разъ ощутилъ жуткое и точно густое молчаніе квартиры.

— Что я дѣлаю?—постарался онъ отдать себѣ еще разъ отчетъ, но сейчасъ же отмахнулъ отъ себя эту мысль. Было ясно одно, что то, что онъ дѣлаетъ, совершенно неизбѣжно и необходимо.

Тогда онъ еще разъ представилъ себѣ послѣдствія: Зою и все прочее. Но это было завтра. А сейчасъ было сегодня, и время особенно удлинилось, точно застыло.

Онъ взглянулъ на стрѣлку стѣнныхъ часовъ. Она стояла неподвижно на томъ же мѣстѣ. Сердце его радостно екнуло.

Онъ сталъ думать о Таисіи. Вѣдь то, что случится, перевернетъ всю его жизнь. Онъ старался сосредоточиться на этомъ пунктѣ, но именно этого нельзя было сдѣлать, потому что онъ плохо отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что, въ сущности, должно было затѣмъ произойти. Онъ понималъ только одно, что сейчасъ въ этой комнатѣ будетъ столь сла, и что это безконечно важнѣе всего остального. И ему не вѣрилось, что это возможно. И несравненно важнѣе всего остального было желаніе увѣриться въ этомъ.

Слышно было, какъ Мареа вышла изъ кухни и крѣпко, съ глухимъ стукомъ, притворила за собою дверь. Онъ вздрогнулъ, и, испытывая разбитость и сонную истому во всемъ тѣлѣ, на цыпочкахъ прошелъ въ кухню, гдѣ горѣла привернутая керосиновая лампочка (это означало, что Мареа надѣялась довольно долго прожить) и, нащупавъ въ темнотѣ косякъ наружной двери, осторожно [illegible] крючекъ.

Въ то же мгновеніе за дверью послышались опять тяжелые, мягкіе шаги. Это [illegible] откуда-нибудь возвращалась Мареа. Дверь дрогнула, и крючекъ натянулся. Раготь поспѣшилъ нажать его пальцемъ. Дверь [illegible] еще раза два, послышались ругательства и поспѣшные шаги удалились. Онъ радостно усмѣхнулся и опять [illegible] себя школьникомъ. Именно въ дѣтствѣ бывало такое же чувство безотвѣтственности.

Вернувшись въ комнаты, онъ началъ ходить. Стрѣлка часовъ попрежнему оставалась почти безъ движенія, и онъ понималъ, что, значитъ, несмотря на обиліе пережитаго, въ сущности, прошло всего нѣсколько мгновеній съ того времени, какъ онъ вернулся домой, и отъ этого неспешность ожиданія дѣлалась особенно мучительной.

Конечно, она уже могла бы прійти. Мысленно онъ старался подогнать время, представляя себѣ, что стрѣлка стоитъ уже на послѣдней четверти. Что будетъ тогда? Тогда Таисія, можетъ-быть, будетъ уже давно здѣсь.

Онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, слушая равнодушно-унылый звукъ маятника и почти не отрывая глазъ

отъ стрѣлки, и, когда ему показалось, что она подвинулась, наконецъ, впередъ, онъ радостно волновался. Потомъ ему захотѣлось считать. Зажмуривъ глаза, онъ остановился посреди комнаты и счелъ до тысячи, но когда открылъ глаза, то, оказалось, что стрѣлка почти не подвинулась впередъ. И отъ этого ему стало одновременно и смѣшно и досадно.

Вдругъ что-то рѣзко вошло въ напряженную тишину дома и до основанія заставило вздрогнуть его самого. Звонокъ. Онъ не узналъ сразу звонка, и это было тоже смѣшно и странно.

Съ бьющимся какъ молотъ сердцемъ онъ вышелъ въ переднюю, но рука его и подбородокъ такъ дрожали, что онъ никакъ не рѣшался сразу отворить дверь. Наконецъ, съ размаху толкнулъ ее ногою и выбѣжалъ въ сѣни. Ему казалось, что какъ только онъ увидитъ дѣвушку, дрожь сама собою прекратится.

— Вы?—спросилъ онъ фигуру, стоявшую на крыльцѣ.

— Нѣтъ, это я,—сказалъ веселый и дерзкій голосъ Глаши.—Ольга Ивановна сказали...

Но онъ не въ силахъ былъ ни слушать, ни сдерживать раздраженія.

— До завтра,—крикнулъ онъ нетерпѣливо и хотѣлъ затворить дверь, но Глаша неожиданно сказала тѣмъ же немного нахальнымъ голосомъ:

— Къ вамъ тутъ барышня Саввинская...

Остальное Роговъ помнилъ неясно. Онъ зналъ только, что Таисія почему-то быстро очутилась въ передней и что онъ опять о чемъ-то заговорилъ съ Глашей, которая передавала ему какой-то вопросъ начальницы. Помнилъ также покровительственно-любопытное выраженіе несимпатичнаго и остренькаго Глашинаго лица, которымъ она, казалось, хотѣла пролѣзть въ самую дверь, и то, какъ удалялись ея шаги за дверью, а онъ, испытывая чувство жгучей неловкости, повернулъ лицо къ Таисіи.

Она стояла близко около него, опустивъ руки и послушно и безпомощно глядѣла ему въ лицо. Сквозь лѣтнія

рамы сѣней лунный свѣтъ падалъ ей на одно плечо и часть пушистой прически.

Да, это была она, здѣсь, у него.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ ей «по-инспекторски» и отворилъ дверь въ переднюю.

Она вошла такъ же тихо и покорно и стала раздѣваться, точно во снѣ. Онъ ждалъ и принималъ по очереди изъ ея рукъ: короткую кофточку, шляпку и острую шпильку.

Когда было все совершено, она опять вопросительно взглянула на него: что онъ прикажетъ дальше ей дѣлать?

Такъ же церемонно онъ указалъ ей на дверь, и она вошла въ гостиную. Она съ любопытствомъ оглянулась. Такъ вотъ гдѣ онъ живетъ! И тотчасъ отчужденно потупила голову. Нѣтъ, ей здѣсь не нравится.

Онъ провелъ ее въ кабинетъ и указалъ ей на мѣсто передъ письменнымъ столомъ. Она неподвижно сѣла и положила передъ собой клеенчатую тетрадь.

Все было такъ обыкновенно. Она была въ «собственномъ», неепархіальномъ платьицѣ и походила болѣе всего на курсистку. Глаза ея вдругъ приняли почтительное ученическое выраженіе, и онъ самъ чувствовалъ себя въ необходимости начать ей диктовать программу. Стрѣлка часовъ поразительно быстро приближалась къ девяти.

Роговъ облегченно перевелъ дыханіе. Въ сущности, все будетъ гораздо проще: они продиктуютъ программу и мирно разойдутся, только Глаша насплетничаетъ Ольгѣ Ивановнѣ. Но это не страшно.

Онъ подошелъ къ книжнымъ полкамъ спокойно и вмѣстѣ разочарованно и началъ отыскивать учебникъ. Тансія сидѣла спиною къ нему неподвижно въ креслѣ, и въ ея плечахъ и слегка наклоненной головѣ было что-то недоумѣвающее и даже по-прежнему непріязненное.

Отыскавъ учебникъ, онъ подошелъ къ столу и открывъ, гдѣ надо, положилъ передъ ней. Наморщивъ лобъ и выпрямившись всѣмъ тѣломъ, она внимательно посмотрѣла въ книгу. Уши ея горѣли.

Онъ нагнулся возлѣ нея къ столу, и ихъ взгляды въ

первый разъ за все это время остановились другъ на другѣ. Въ ея глазахъ были любопытство и немного насмѣшка.

— Дайте мнѣ карандашъ,— попросилъ онъ, усиливаясь удержать внезапно нахлынувшую его дрожь.

Она рѣзкимъ движеніемъ протянула ему граненый карандашъ и сама отстранилась, тоже почувствовавъ что-то неприятное. Онъ нагнулся, почти ощущая щекою жаръ ея тѣла. Она сидѣла, совершенно не двигаясь, и только порывисто поднималась верхняя часть ея груди, гдѣ былъ небольшой вырѣзъ на платьѣ, закрытый прошивкой.

— Не понимаю,—сказалъ Роговъ и, отложивъ въ сторону карандашъ, взялъ ея мягкую, не сопротивляющуюся руку въ свою.

Она смотрѣла на него съ испуганнымъ удивленіемъ, точно тоже не понимая происходящаго.

— Поймите, я вамъ скажу, тогда... на исповѣди, что мнѣ нужно съ вами поговорить,—сказалъ Роговъ, чувствуя, какъ колеблется грань между его прежнею жизнью и настоящимъ, и вмѣстѣ желая, хотя чѣмъ-нибудь, объяснить свое поведеніе.

Она отвѣтила какимъ-то тонкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, я этого не могу сейчасъ сказать тогда за исповѣдью.

Онъ нагнулся къ ней еще ближе, такъ что почти держалъ ее въ объятіяхъ, и она продолжала все тѣмъ же внимательно и съ удивленіемъ на него смотрѣть, точно никакъ не понимая его такого поступка.

«Неужели я ошибся?»—подумалъ Роговъ, испытывая одновременно стыдъ и острую боль, что, можетъ-быть, онъ, дѣйствительно ошибся, и тутъ все кончится само собою.

Онъ выпустилъ ея руку и сразу отстранился. Она посмотрѣла на него непредубѣжденно-серьезно, и онъ услышалъ знакомое контральто:

— Я вамъ сочувствую...

— Тансія,—прошепталъ онъ, нѣжно обхвативъ ее лѣвою рукою за плечи.

Она вырвалась и вскочила со стула.

— Не надо... я такъ не хочу...

Она отошла отъ него къ краю стола и потупилась. Лицо ея горѣло и грудь волновалась.

— Я уйду... Можно?—спросила она робко.

«Ну и хорошо!»—опять обрадованно подумалъ онъ.— «Главное, это кончится».

— Идите,—сказалъ онъ и поднялъ со стола лампу, чтобы проводить дѣвушку.

Она пошла впередъ, наклонивъ голову. Онъ освѣщалъ ей путь сзади.

Въ передней она остановилась и робко сказала:

— Я забыла на столѣ тетрадь.

Его удивило, что ее можетъ въ этотъ моментъ занимаетъ такая мелочь.

— Вы хотите ее непремѣнно взять?

Она покраснѣла.

— Да... Только тамъ темно... Впрочемъ, я найду. Можно?

Въ лицѣ ея было что-то умоляющее. Въ глазахъ стояли слезы.

Онъ поставилъ лампу и сказалъ:

— Можете взять.

Она взглянула на поставленную лампу и на него и пошла въ темную анфиладу комнатъ, тихая и робкая, точно сонное видѣніе. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась въ темномъ четырехугольникѣ двери кабинета и вдругъ, опять не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, пошелъ за нею.

Она стояла, выпрямившись у стола, лицомъ къ двери, и точно его ждала. Онъ подошелъ прямо къ ней и крѣпко обнялъ ее за талію. Она не сопротивлялась. Ея грудь пришлась какъ-разъ въ уровень съ его грудью. Онъ нашелъ ея губы и, подхватилъ ее на руки, поднялъ на воздухъ.

— Не надо... это—грѣхъ! услышалъ онъ слова, какъ далекій отзвукъ. Она старалась спрятать свои губы.

— У васъ есть жена...

Но онъ уже не слушалъ. Шатаясь, онъ донесъ ее до ди-

вана. Вырвавшись изъ рукъ, она сползла на полъ, и когда онъ силою усадилъ ее, наконецъ, на диванъ, ея ноги бѣлѣлись до колѣнъ. Она силилась натянуть на нихъ платье и испуганно говорила:

— Я боюсь... Отпустите меня... Миленькій Алексѣй Федоровичъ... я вамъ вполнѣ отвѣчаю... Зачѣмъ вы унесли огонь?.. Я васъ прошу: принесите огонь... Ну, миленькій, принесите сюда огонь...

Сопротивляясь, она хотѣла встать, но тотчасъ же, не удержавъ равновѣсія, упала навзничъ. Раздался громкій стукъ: это она ударилась затылкомъ о деревянный переплетъ дивана.

Роговъ отпустилъ руки и испуганно отступилъ.

— Что съ вами?—крукнулъ онъ.

Но она сѣла и, спокойно нагнувшись и оправивъ платье на ногахъ, сказала:

— Ничего.

Послѣднее, что онъ помнилъ, это, что часы въ залѣ пробили разъ.

— Половина десятаго,—сообразилъ онъ остро.

И эти слова почему-то надолго остались въ его сознаніи.

— Половина десятаго,—повторилъ онъ еще разъ про себя машинально, точно силясь уяснить себѣ что-то.—Половина... десятаго... Половина... десятаго... Половина... десятаго...

Безуміе и радость задернули надъ нимъ завѣсу...

— ...Затворите дверь,—попросила она слабо.

— Смущенный, онъ приподнялся. Его поразилъ мелькающій сильный свѣтъ, проникающій изъ сосѣдней комнаты. Пробили часы.

— Одиннадцать,—сосчитали они оба удивленно..

— Я пойду назадъ домой,—сказала Таисія.—Знаете, у васъ коптитъ лампа.

Она дѣловито приподнялась.

Онъ испуганно вскочилъ. Дѣйствительно, на освѣщенномъ фонѣ двери уже летали черныя «мушки». Онъ бросился въ переднюю: тамъ лампа пылала, точно черный факелъ или маленькій Везувій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда онъ вернулся назадъ въ кабинетъ, онъ не сразу нашелъ Таисію. Она стояла по-прежнему между шкафомъ и письменнымъ столомъ, гдѣ онъ обнялъ ее въ первый разъ. Онъ испуганно подошелъ къ ней.

— Тая, что вами?

Онъ волновался, радуясь, что въ первый разъ называетъ ее вслухъ тѣмъ именемъ, которымъ называлъ прежде только про себя.

— Вы на меня сердитесь?

Молчаніе.

Онъ хотѣлъ участливо обнять ее за плечи. Въ порывѣ непонятнаго ему ужаса она отстранила его руками.

— Что съ вами, Тая?

Дрожа всѣмъ тѣломъ, она кинулась къ выходу.

— Пустите меня! Пустите меня!

Онъ поспѣшилъ за нею, ужасаясь такъ скоро наступившей развязкѣ.

Среди клубящейся копоти она разыскивала въ передней принадлежности своего верхняго платья. Лампа стояла тутъ же, свѣтя сквозь закоптѣлое стекло мутнымъ зловѣщимъ краснымъ глазомъ.

— Что вы дѣлаете?—крикнулъ онъ ей, стараясь удержать ея руки.—Одумайтесь! Вы губите себя... насъ обоихъ. Вамъ надо успокоиться.

— Пустите, пустите! Вы не смѣете! Я скажу...

Въ инстинктивномъ ужасѣ самосохраненія, онъ вырвалъ изъ ея рукъ легкую кофточку и бросилъ на диванъ.

— Успокойтесь же!—крикнулъ онъ ей, тряся ее за плечи.

Она хотѣла вырваться. Онъ ея не пустилъ, съ сладостно-острымъ чувствомъ сознавая ея безпомощность.

«Уже одиннадцать часовъ ночи: значитъ, Зоя не придетъ, осталась съ дѣтьми ночевать».

Плечи дѣвушки тряслись. Она взглянула на него умоляюще и попросила:

— Я не хочу.

Но онъ уже по-прежнему не владѣлъ собою. Здѣсь было неудобно и тѣсно отъ висѣвшей по стѣнамъ одежи. Но имъ владѣлъ восторгъ послѣдняго бѣшенства.

«Сейчасъ смерть. Какъ хорошо».

Наклоняясь надъ ней, онъ видѣлъ опять измѣненное насильственной страстью ея лицо, такое безконечно милое ему, почти родное и близкое, въ которомъ онъ точно видѣлъ свое собственное отраженіе, и спрашивалъ, касаясь его долгими поцѣлуями:

— Ты любишь меня?

И изнемогающимъ голосомъ, та, другая, прежняя, она отвѣчала ему:

— Ну, да же, да.

Онъ спрашивалъ ее, согласна ли она начать съ нимъ новую жизнь, хочетъ ли уйти съ нимъ куда-нибудь на далекія окраины, гдѣ ихъ никто не знаетъ. И, задыхаясь, она отвѣчала ему застѣнчивымъ шопотомъ, нетерпѣливо-ласково поднявъ на него рѣсницы.

— Хорошо.

Теперь онъ вновь чувствовалъ свою власть надъ нею, и ему опять страшно было умереть. Жить! Непремѣнно жить! Во что бы то ни стало и чего бы это ни стоило...

...Гдѣ-то однотонные, размѣренно повторяющіеся глухіе стуки. Лампа давно погасла.

— Это стучатъ въ дверь,—говоритъ увѣренно Таисія.

Онъ прислушивается, не поднимая головы. Да, это стучитъ Марфа. Она, бѣдная, видимо, уже отчаялась. Неужели все кончено?

— Который можетъ быть часъ?—спрашиваетъ Таисія, спокойно перебирая его волосы на головѣ.—Это не может быть ваша жена?

Онъ безмолвно и успокоительно цѣлуетъ ее.

— Нѣтъ.

Ихъ движенія усталы и медленны, голоса сонны.

— Должно быть, глухая ночь,—говоритъ онъ, широко

радостно улыбаясь, и ему кажется, что это улыбается все его существо.

— Но куда я теперь пойду?—такъ же тихо, смѣясь сама надъ собою, спрашиваетъ Таисія—Вѣдь мы ни о чемъ не думаемъ. Она стучитъ, противная.

И они спокойно слушаютъ глухіе, по-прежнему размѣренно повторяющіеся стуки, удивляясь собственному спокойствію.

— Постучитъ и перестанетъ,—говоритъ Роговъ.—Подумаетъ, что я сплю. Отправится спать куда-нибудь еще.

—Ей тоже хочется спать, трезво соображаетъ Таисія.— Но старухи легче могутъ не спать, чѣмъ молодые. Она стучитъ, точно наша смерть.

Она комически-боязливо сжимаетъ плечики и, окруживъ его ротъ своими ладонями, цѣлуетъ его въ губы.

Часы бьютъ какую-то половину. Стуки постепенно прерываются.

—Она, ушла—соображетъ Таисія.— Надо куда-нибудь и мнѣ. Я буду ходить по улицамъ до разсвѣта. А потомъ скажу, что была въ гостяхъ у знакомой матушки. Какъ здѣсь темно.

Она протягиваетъ въ темноту руки и нащупываетъ длинную висящую одежу.

— Отчего мы здѣсь? Какъ смѣшно. Ахъ, да! Какъ все странно случилось... пустите меня...

Онъ бережно освобождаетъ ее. Она медленно спускаетъ ноги на полъ и поправляетъ волосы.

— Я,—онъ хочетъ сказать: провожу тебя... Но не рѣшается на этотъ разъ почему-то выговорить «ты» и говоритъ:—Я провожу васъ... Знаете, вы можете пойти къ утренѣ въ женскій монастырь...

— Я въ монастырь не пойду. Я такъ, поспжу на бульварѣ. Голосъ ея отчужденный, угрюмый. Ему тяжело.

— Я тоже пойду съ вами поспжу...

— Вамъ неудобно.

— Почему?

— Такъ.

Она быстро одѣвается.

— Огня зажечь нельзя?

— Лучше не зажигать.

— Боже, какъ это противно.

— Тая, вы что?

— Зачѣмъ вы это сдѣлали со мной?

Внезапно онъ слышитъ ея сдерживаемыя рыданія.

— Я... пойду... утоплюсь... Да, да, я пойду... Мнѣ некуда теперь пойти... Къ знакомой матушкѣ я не пойду: она—сплетница... Достаньте мнѣ мою шляпку... А гдѣ же булавка?

— Гдѣ-нибудь здѣсь,—говоритъ онъ, отъ неожиданности не зная, что ей возразить, и высоко шаря руками.

Вдругъ звякаетъ отчетливо, точно задѣтый впопыхахъ неосторожно, звонокъ.

— Тая, это вы?

Она отвѣчаетъ шопотомъ:

— Нѣтъ... Это, значитъ, звонятъ снаружи.

И Роговъ сразу понимаетъ, что это дѣйствительно такъ.

— Ваша жена, — говоритъ Таисія спокойно. — Выпустите меня черезъ черное крыльцо... А программа?

— Зачѣмъ программа?—удивился онъ.—Я вѣдь больше не могу служить, Тая. Я подамъ въ отставку и устрою свою жизнь по-другому... съ вами. Вѣдь да? Вы согласны?

— Хорошо. Но только выпустите меня скорѣе.

— Когда я васъ увижу опять?

— Я не знаю.

Звонокъ надъ ихъ головой звонитъ съ удвоенной силою и теперь уже не остается сомнѣній, что это—Зоя.

— Выпустите меня скорѣе!—вскрикиваетъ Таисія.— Какъ это глупо.

Онъ толкаетъ ее за плечи впередъ.

— Тутъ дверь, я ушиблась.

— Простите, моя радость.

— Я закричу: мнѣ больно.

И она стонетъ отъ боли.

— Что у васъ?

— Колѣнка. Ведите же меня. Я никогда и никуда больше не приду. Вы меня, пожалуйста, не ждите. Намъ не объ чемъ говорить.

— Тая, вы идите къ отцу... объясните ему какъ-нибудь, а я приду къ вамъ вечеромъ... т. е. будто бы къ нему.

— Глупости.

— Тогда приходите вечеромъ на разливъ. Тамъ пусто. Или нѣтъ, приходите къ театру, а потомъ мы уѣдемъ за городъ.

Она остановилась у наружной двери кухни.

— Я выйду сначала одинъ.

— Какъ стыдно! (Ему показалось, что она дрожитъ). Ужасно гадко.

— Ради Бога тише!—Подождавъ, онъ осторожно снялъ крючекъ.—Кто тамъ?

Въ сѣнцахъ пошевелилась фигура.

— Я не пущу. Кто тамъ?—сказалъ онъ грубо.—Кто стоитъ?

— Али не узнали? Я, Марѳа,—сказалъ враждебный старушечій голосъ.

— Это ты сейчасъ звонилась?

— Пустите пройти. Нѣтъ, сама.

Роговъ не впустилъ старуху.

— Такъ обойди же кругомъ и поди съ ней вмѣстѣ. Я отопру.

— Пустите, я отопру ей сама. О, Господи! И чего только дѣлается? Такъ мнѣ кругомъ итти?

— Иди, иди къ матушкѣ. И дѣти съ нею?

— Какое! О, Господи! Вотъ дѣла, Іисусе Христе.

Спотыкаясь и ворча, она уходитъ.

— Постойте,—говоритъ онъ Таисіи.—Я пойду теперь къ парадному.

Онъ старается удержать ее за руку. Она дрожитъ и плачетъ.

— Она меня изобьетъ. Пустите меня.

— Но такъ же хуже. Она, можетъ быть, уже здѣсь.

Онъ въ страхѣ накладываетъ крючекъ.

— Да, да, заприте. Что же дѣлать? И это все вы. Что вы надѣлали? За что вы меня погубили?

— Таичка, придите въ себя. Вѣдь я же васъ люблю. Я всѣмъ пожертвую для васъ.

— Мнѣ не нужно ни вашей любви, ни вашихъ жертвъ.

— Тая!

— Она звонитъ. Значитъ, она тамъ. Выпустите меня.

— Но, Тая, вы придете къ театру... Сегодня въ восемь часовъ вечера? Тая, я не шучу. Я все брошу... Я... женюсь на васъ.

— Хорошо. Только выпустите.

— Вотъ крючекъ. Держите его рукой. Когда услышите голоса...

— Господи, когда вы уйдете? Да понимаю же я...

Звонокъ въ передней звонитъ, не переставая.

Онъ бросился въ комнаты, но тотчасъ же вернулся, вспомнилъ, что даже не простился съ Таисіей. Но въ кухнѣ уже было тихо, и только въ раскрытую дверь несло холодною ночною сыростью. Ушла. «Ну, вотъ и хорошо».

Онъ пошелъ черезъ комнаты, натыкаясь на косяки дверей и мебель.—«Теперь уже конецъ, и поворота больше не будетъ. Все устроилось само собою и какъ нельзя лучше... Тая бѣжитъ теперь по улицѣ. Ничего, она найдется что нибудь сдѣлать. Дѣвушки изобрѣтательны».

И у него столько къ ней нѣжности и благодарности.

Когда онъ отворилъ наружную дверь, на него пахнуло темною и знобкою сыростью, и тотчасъ же онъ почувствовалъ возлѣ себя свѣжую фигуру Зои.

— Что это значитъ, Леша?—спросила она не своимъ голосомъ.

Грубо толкнувъ его и не дожидаясь отвѣта, она побѣжала въ комнаты. Роговъ пошелъ за ней, чувствуя къ ней злобу и отвращеніе. Ему было смѣшно, что эта ограниченная женщина ведетъ себя такъ, какъ будто у нея есть на него какія-то неотъемлемыя права, точно онъ представляетъ изъ себя бездушную вещь.

Вбѣжавъ въ переднюю, она отшатнулась отъ запаха копоти.

— Марѳа, что это? Дай сюда скорѣе огня! Что это?— крикнула она, обращаясь съ вопросомъ не къ нему, а къ Марѳѣ:—Что это?—повторила она еще разъ свой вопросъ, обращаясь уже къ мужу.

Сквозь полураскрытую дверь коридора упала вспыхивающая и гаснущая полоса свѣта, ярко обозначивъ на полу, оброненный Таисіей бантикъ черной ленты.

— Что это?—крикнула Зоя, опять точно полупомѣшанная:—Марѳа, что это?

— Вижу, матушка, вижу, — соболѣзнующе сказала Марѳа, бросая уничтожающіе взгляды на Рогова.

— Кончена жизнь, Марѳа. Понимаешь? Кончена. Мнѣ не надо больше никакихъ объясненій, Алексѣй.

Она взглянула на ленточку и захохотала.

— Составлялъ программы! Выгналъ старуху, какъ собаку на холодъ. Это онъ, Марѳа, «составлялъ программы»... Священникъ, педагогъ! Убійца! Да, ты убійца, потому что убилъ меня, твою жену, и твоихъ дѣтей...

Съ рыданіемъ она побѣжала въ кухню. Роговъ кинулся за нею, не зная, что она думаетъ предпринять.

— Отворена!—крикнула Зоя, точно радуясь своему открытію:—Гуляетъ вѣтеръ по всему дому... Опустѣлъ нашъ домъ... Марѳа, видишь? Это не ты отворила дверь? Здѣсь были воры...

Съ воплемъ она опустилась на полъ. Марѳа внесла огонь и хотѣла притворить раскрытую Таисіей дверь. Въ сбившейся на бокъ шляпкѣ и съ мокрой, прилипшей къ лицу вуалью съ золотыми мушками, сидящая на полу съ поджатыми по китайски ногами, Зоя была для него вдвойнѣ противна.

— Встань же,—крикнулъ онъ оглушительно, и схватилъ ее за руку:—Освободи меня отъ этихъ комедій... Помогите поднять ее, Марѳа!

Они оба силились поднять ее, странно отяжелѣвшую.

— Не дышитъ,—сказала Марѳа.

Лицо у Зои было, дѣйствительно, неподвижное, съ полураскрытымъ ртомъ и мелко дрожащими рѣсницами. Она была въ обморокѣ.

Онъ сорвалъ съ нея вуаль и отшпилилъ шляпку, бросивъ и то и другое здѣсь же на полъ. Точно мертвую, они отнесли ее въ спальню и положили на двуспальную постель, которая казалась теперь жутко осиротѣвшею.

— Господи,—заголосила Марѳа, всхлипывая.

Роговъ услалъ ее за водой и пытался самъ разстегнуть крючки платья, но это ему никакъ не удавалось. Онъ переворачивалъ тѣло Зои съ бока на бокъ, наконецъ, положилъ ее ничкомъ на грудь и сталъ разстегивать спину. Зоя лежала съ повернутыми вверхъ ладонями и завернувшимся подоломъ платья, такъ что были видны до колѣннаго сгиба ея полныя ноги, обтянутыя въ темно-красные чулки. И это было особенно трогательно и страшно.

«Она можетъ умереть, пока я разстегну ей платье,—думалъ Роговъ, но тотчасъ же успокаивалъ себя:—«Но что же я могу сдѣлать? Если бы я не хотѣлъ привести ее въ чувство... но я только не умѣю».

И онъ былъ почти увѣренъ, что ему не удастся вернуть ее къ жизни. Онъ ясно представилъ себѣ, что она уже умерла и умерла потому, что у него сегодня была Таисія, умерла, угадавъ тонкимъ женскимъ инстинктомъ случившееся, и его охватилъ нестерпимый ужасъ. Нѣтъ, все, что угодно, только не это!

Не кончивъ разстегивать платье на спинѣ, онъ опять перевернулъ жену вверхъ лицомъ и сталъ трясти ее за плечи.

— Зоя!—крикнулъ онъ:—Не надо... Очнись же! Зоя! Милая!

Онъ схватилъ изъ рукъ Марѳы стаканъ съ водою и сбрызнулъ ей лицо. Лицо оставалось попрежнему неподвижнымъ и было теперь вдвойнѣ страшнѣе отъ струившейся по нему воды.

— Матушка ты моя!—всхлипнула Марѳа и—остранивъ

Рогова, кинулась къ Зоѣ и, ловко подсунувъ ей подъ спину руки, стала разстегивать платье.

Скоро обнажились бѣлыя и круглыя Зоины плечи, и изъ подмышекъ высунулись уголышки расшнурованнаго корсета.

Зоя открыла глаза, съ удивленіемъ взглянувъ на Мареу. Потомъ лицо ея исказилось горестной гримаской.

— Мареа, ты?

— Я, матушка, я,—заголосила Мареа, обнимая и цѣлуя ея плечи.

— Это ты?—перевела Зоя строго и внимательно глаза на мужа.

Онъ стоялъ, радостно улыбаясь, готовый заплакать. Такъ она была жива! Господи! Вѣдь это же главное. Все остальное такъ легко устроить... онъ присѣлъ бокомъ на кровать и взялъ жену за руки . Она не сопротивлялась, только взглядъ ея строгій, еще не вполнѣ вернувшійся къ жизни и точно двоящійся, не отрываясь глядѣлъ въ его лицо.

— Леша, неужели это ты?—спросила она еще разъ слабо и, посмотрѣвъ такъ же внимательно на потолокъ, точно припоминая что-то, прибавила:—Мнѣ казалось, что ты умеръ.

Роговъ мысленно перенесся въ положеніе жены. Ему представилась ея жизнь отъ первой ихъ встрѣчи до настоящаго момента. Онъ думалъ до сихъ поръ только о себѣ, о своей неудавшейся жизни съ нею, и ни разу не подумалъ о томъ, какъ жить теперь ей.

Она глядѣла на него все тѣмъ же взглядомъ, въ которомъ усиливалось страданіе.

«Нѣтъ, я подумалъ»,—вспомнилъ обрадованно Роговъ, и ему опять стало ясно, что теперь уже окончательно для него наступилъ моментъ умереть, и это его, какъ всегда въ послѣднее время, опять успокоило.

Онъ мягко улыбнулся глазами и сказалъ:

— Разскажи мнѣ, что съ тобою?

— Отчего коптила лампа?—спросила она строго.

— Лампа?.. Я заснулъ.

Ему была противна эта ложь, но онъ подумалъ: «вѣдь теперь все равно скоро конецъ», и спокойно посмотрѣлъ ей въ глаза.

— А отчего была открыта дверь?

— Не знаю. Вѣроятно, это я самъ...

— А отчего же ты не пустилъ Марѳу?

— Такъ... я пошелъ отпереть самъ.

Она отрицательно покачала головой.

— Я не вѣрю, Леша. Сдѣлай такъ, чтобы я повѣрила.

Марѳа тихо вышла изъ комнаты. Въ раскрытую ею дверь упали синія пятна ранняго разсвѣта.

«Завтра я не пойду уже въ училище»,—рѣшилъ Роговъ.

— Ты постарайся заснуть,—посовѣтовалъ онъ ей.

Она отрицательно покачала головой.

— Я не знаю, Леша. Можетъ быть, все было именно такъ, какъ ты говоришь... я бы хотѣла въ это повѣрить и даже... знаешь?—вѣрю. Но я знаю также и то, что что-то случилось. Я могу перенести все. И, наконецъ, я тебѣ помогу. Ты вѣдь меня еще не знаешь. Я мучусь только отъ незнанія.

Она приподнялась и сѣла на постели, какъ была, съ обнаженными плечами и разстегнутымъ назади платьемъ.

— Скажи мнѣ, Леша. Ты не полюбилъ? Да? Скажи, не бойся. Развѣ же я тебѣ не другъ? Ты молчишь: значитъ, да?

— Я думаю, что тебѣ нуженъ сейчасъ, прежде всего, покой.

— Мнѣ? Покой? Богъ съ тобой! Я совершенно успокоилась. Развѣ ты не видишь?

Она улыбнулась.

— Видишь? Я совершенно спокойна и могу говорить съ тобою до свѣта. Я только сниму это платье и надѣну кофточку.

Она встала съ постели и не спѣша переодѣлась.

— Вотъ видишь, я готова. Ну, садись же и давай говорить.

Она притянула его за руку и усадила возлѣ себя на кровать.

— Понимаешь, ложь хуже всего.

Онъ улыбаясь сѣлъ и ласково посмотрѣлъ на нее. Можетъ быть, онъ, въ самомъ дѣлѣ, еще не знаетъ ея? Можетъ быть, ложь такъ мучительна именно этою своею унизительностью.

— Итакъ, сознайся, Леша, ты вѣдь любишь ее?

«И тогда можно жить»,—подумалъ Роговъ.

Онъ взглянулъ въ лицо жены, и оно показалось ему благороднымъ и искреннимъ. Конечно, она страдала и будетъ страдать, но вѣдь, все равно, страдаетъ и онъ.

— Отчего же ты молчишь? Вѣдь самое твое молчаніе уже выдаетъ тебя. Согласись: если бы ничего не было, то ты прямо такъ и сказалъ бы, расхохотался бы даже. Но ты молчишь. Это невыносимо.

Она схватила его за плечи.

— Я не могу переносить твоего молчанія. Ты меня сведешь съ ума, Леша.

— Я не знаю, какъ съ тобою говорить,—сказалъ осторожно Роговъ:—Ты сейчасъ больна... Съ тобою только-что былъ обморокъ.

— Я буду въ сто разъ больнѣе, если ты будешь молчать. Ну, вотъ видишь же: я совсѣмъ здорова и спокойна. Говори. Ты ее любишь? Согласись, что я имѣю право это знать? Вѣдь я должна же какъ-нибудь устроить свою жизнь? Я не буду стоять тебѣ поперекъ дороги. Я должна только знать всю правду...

— Въ такомъ случаѣ, да,—сказалъ Роговъ и отвернулся.

Ему страшно было взглянуть на жену. Она не шевелилась. Прошло долгое мгновеніе.

Вдругъ его оглушилъ рѣзкій звонъ, и точно варомъ обдало лѣвую половину лица. Пощечина! Онъ вскочилъ.

— Вотъ тебѣ!—сказалъ спокойный голосъ Зои:—Можешь не опасаться: въ обморокъ я больше не упаду. Убирайся изъ моей комнаты, негодяй!

— Зоя!—сказалъ Роговъ укоризненно:—Ты воспользовалась моею довѣрчивостью.

— А ты не воспользовался моею довѣрчивостью? Можешь уходить вонъ. Ты мнѣ больше не нуженъ. Но только предупреди свою Таиску, что я ей исцарапаю всю наглую морду, если она попадется мнѣ на улицѣ. Вонъ!

Она вскочила съ мѣста съ намѣреніемъ вытолкать его изъ комнаты. Онъ вышелъ за дверь. Она со стукомъ захлопнула ее за нимъ.

«Ну и хорошо!»—подумалъ Роговъ и облегченно потянулся.

Щека его горѣла, но, въ общемъ, все сошло относительно благополучно. И онъ озабоченно подумалъ о Таисіи. Потомъ постоялъ и улыбнулся, вспомнивъ о пощечинѣ.

— Женщины!

Это была его послѣдняя мысль, съ которой онъ повалился на диванъ и тотчасъ заснулъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Въ урочный часъ Марфа его уже будила.

Онъ сладко потянулся и опять положилъ голову.

— Надо вставать,—говорила Марфа.

Зачѣмъ вставать? Вѣдь онъ почему-то не пойдетъ. Не надо вставать. Все погибло. Онъ можетъ спать долго, долго. А потомъ, кажется, смерть. Не такъ ли?

Но Марфа настаиваетъ на своемъ. Или онъ ошибся? Постойте... Зоя...

Онъ открылъ глаза, поёжурился отъ яркаго свѣта и тревожно спросилъ:

— Что матушка?

— Спятъ... и не добудишься... Умаялись.

Волна радости охватила его. Спитъ: значитъ, приняла, успокоилась.

Онъ закрылъ на мгновеніе глаза и въ блаженной истомѣ

подумалъ о Таисіи. Гдѣ она и что съ ней? Ему захотѣлось вскочить, бѣгать и что-то дѣлать. Неужели же можно жить?

Поднялся и окончательно протеръ глаза. Конечно, на службу надо итти. Главное, не нужно скандала.

Онъ позвалъ Марфу.

— Я прошу тебя не болтать ни о чемъ лишнемъ...—началъ онъ.

Но она съ негодованіемъ отказалась слушать и вышла.

«Четыре стѣны слыхали, а о чемъ слыхали, то похоронили»—вспомнились слова тестя, и вдругъ почему-то все происшедшее показалось очень далекимъ отъ развязки.

Въ училищѣ его встрѣтили обычный шумъ и обычная бодрящая суетливая ежедневность. Только послѣ перваго урока онъ тревожно заглянулъ въ учительской въ списки учениць 6-го класса: Савинская была отмѣчена отсутствующею. Конечно, иначе не могло быть,—попытался онъ себя успокоить. Вечеромъ онъ пойдетъ на условленный пунктъ и узнаетъ все.

И при мысли, что онъ увидитъ ее на улицѣ послѣ всего происшедшаго, его охватило радостное, острое волненіе. Онъ долго водилъ, не отдавая себѣ ни въ чемъ отчета, пальцемъ по списку, пока кто-то не отнялъ у него журнала.

Въ шестомъ классѣ его урокъ былъ на третьемъ часу. Собственно и экзамены, и программа, и самыя дѣвицы утратили для него уже всякое значеніе. Онъ долженъ будетъ, по всей вѣроятности, немедленно же оставить службу. Но пока нужно было итти и что-то диктовать.

Роговъ шелъ по корридору и, глядя въ окна, выходящія на пустырь двора и сада, удивлялся, какъ это могло быть, что онъ расчитывалъ прожить въ этой тюрьмѣ всю жизнь. Теперь жизнь ему казалась манящей и огромной.

На мгновенье мелькнула мысль о дѣтяхъ и опять о Зоѣ, и онъ замедлилъ шагъ. Да, это было мучительно. Вѣдь не могъ же онъ ихъ бросить на произволъ судьбы? Правда, они могутъ остаться при матери и будутъ расти въ отчужденіи отъ него. Но что же дѣлать?

Онъ безпомощно оглянулся. Къ нему рѣшительными шагами приближалась Ольга Ивановна.

У нея былъ изысканно-вѣжливый, колющій взглядъ, но руки она держала неестественно, крѣпко сцѣпивши пальцы вмѣстѣ и прижавъ локти къ бокамъ. Она была блѣдна, и ему показалось, что ее охватывала моментами дрожь.

— Событія этой ночи мнѣ извѣстны,—услышалъ онъ, и невольно отступилъ на шагъ.

Она блѣдно и снисходительно улыбнулась, и улыбка ея была страшна именно тѣмъ скрытымъ значеніемъ, которое было за ней. О, она ловко учла моментъ для борьбы.

— Я желала бы знать, что вы теперь предпримете. Конечно, я не могу потерпѣть ни одного мгновенія, чтобы вы оставались здѣсь. Я прошу васъ удалиться.

Она топнула ногою, и онъ увидѣлъ вполнѣ явственно, что она дрожитъ рѣшительно каждымъ атомомъ тѣла.

По корридору прошли, съ недоумѣніемъ оглядываясь, учителя и учительницы, и двери классовъ одна за другою затворились. Стало тихо и оттого вдвойнѣ жутко.

Роговъ овладѣлъ собою. Вѣдь это еще вопросъ, что она можетъ знать. Вѣрнѣе всего, доносъ горничной Глаши. Но этому доносу можно и не повѣрить. Разсказала сама Таисія? Но это чистый бредъ. Случилось что-нибудь съ Таисіей? Онъ заволновался, желая хотя что-нибудь прочитать въ лицѣ начальницы.

— Вы, можетъ быть, интересуетесь, откуда я имѣю свѣдѣнія? Я этого нисколько не скрываю и не намѣрена скрывать...

Ее всю повело отъ дрожи.

— Я это знаю отъ моей собственной горничной, которая... которую... Словомъ, она видѣла хорошо, какъ эта несчастная, которая сегодня отсутствуетъ, выбѣжала отъ васъ... растерзанная... о! въ четвертомъ часу утра. Я уже послала записки вашей женѣ и ея отцу. Какой ударъ для него... О-о-о!

Она взялась за голову и, шатаясь, пошла отъ него по корридору.

— Григорій! Григорій!—услышалъ онъ ея слабый, задыхающійся голосъ:—Поддержи меня.

Швейцаръ Григорій кинулся къ ней и ловко ее подхватилъ. Опираясь на него, она медленно пошла, волоча ноги, какъ старуха.

«Можетъ быть, она умретъ»,—подумалъ Роговъ и пошелъ медленно вслѣдъ за нею. Ему хотѣлось крикнуть ей, что онъ презираетъ ее и не боится.

Но она продолжала медленно итти, съ ужасомъ и отвращеніемъ озираясь на него, и онъ понялъ, что она не расчитала въ злобѣ силъ своего организма.

Такъ прошла она до самыхъ дверей своей квартиры. Онъ видѣлъ, что она отпустила Григорія и вошла одна.

Помедливъ одно мгновеніе, Роговъ больше инстинктивно пошелъ за нею.

Она стояла у окна, въ первой, пріемной комнатѣ, спиной къ нему и держалась рукой за сердце, но, услышавъ его шаги, обернулась и безсильно опустилась на кушетку, продолжая держаться рукою за сердце и глядя на него такимъ взглядомъ, какъ будто ожидая, что онъ ее сейчасъ убьетъ.

Онъ презрительно усмѣхнулся и сказалъ:

— Нашъ разговоръ, вѣдь, не окончился.

— Да, но я больна... мнѣ худо...

Она хотѣла его о чемъ-то попросить, но не рѣшилась.

«А, гадина!» — подумалъ онъ съ удовлетвореніемъ: — «Вотъ когда тебя раздавить».

Онъ прошелся въ волненіи по комнатѣ. Она, не отрываясь, проводила его глазами, понимая, что онъ будетъ сейчасъ безпощаденъ.

— Я пришелъ вамъ сказать, что вы, во-первыхъ, дура.

Она сдѣлала неопредѣленное движеніе, повидимому— встать, но тотчасъ же застыла въ неподвижно-покорной позѣ.

— Ты что же думаешь, я испугался тебя? — продолжалъ Роговъ, почувствовавъ знакомый приливъ ярости:—Эхъ, только прихлопнуть жалко! Интригантка подлая!

Онъ съ размаху поднялъ руку, но сейчасъ же опустилъ ее и оправилъ завернувшійся рукавъ.

— Гадина! Ты захотѣла бороться?

Онъ подошелъ къ ней вплотную. Она закрыла глаза, чтобы его не видѣть.

— Не притворяйся. Я тебя сейчасъ не трону, но знай, что, если ты не удержишь языка, тебѣ будетъ плохо. Во-первыхъ,

тебѣ, сыщица, не повѣрятъ. А повѣрятъ, тѣмъ для тебя хуже. Поняла? Я спрашиваю: поняла?—переспросилъ онъ громче.

Вмѣсто отвѣта, она начала, неестественно подергивая головой, всхлипывать.

— Ничего,—сказалъ онъ, съ омерзеніемъ вглядываясь въ ея веснущатое лицо:—Кабы и въ самомъ дѣлѣ сдохла. Собакѣ собачья смерть.

И, плюнувъ, онъ вышелъ вонъ.

Весь часъ онъ проходилъ возбужденный и яростный по корридору.

— Бороться?—повторялъ онъ, останавливаясь и представляя себѣ ненавистную веснущатую мордочку:—Давай бороться.

И это представлялось ему даже пріятнымъ выходомъ. Кто и чѣмъ можетъ въ этомъ дѣлѣ ему повредить, кромѣ самой Таисіи? А если эта мерзавка, которая сидитъ сейчасъ тамъ, сдохнетъ, то и не жаль. Онъ даже нарочно и ярко представлялъ себѣ смерть начальницы, какъ она лежитъ въ гробу, а онъ самъ же служитъ по ней панихиду.

«Сдѣлайте одолженіе! И панихиду въ лучшемъ видѣ отпоемъ. Слѣдопытка! Значитъ, горничную откомандировала, а, можетъ быть, и сама дежурила. Все можетъ быть!».

Въ томъ же состояніи ярости онъ прошелъ и на урокъ въ шестой классъ.

Еще сегодня утромъ, дома, онъ не зналъ, какъ туда войдетъ. Сейчасъ, наоборотъ, это доставляло ему даже своеобразное удовольствіе.

У всѣхъ блѣдныя взволнованныя лица. А, значитъ, и имъ уже что-нибудь извѣстно. Или, быть можетъ, это ему только такъ кажется? Но безразлично. Пусть!

И онъ окидываетъ полнымъ, исчерпывающимъ взглядомъ сидящихъ передъ нимъ дѣвочекъ.

Поднимается Ирисова. У нея насмѣшливая гримаска. Съ поползновеніемъ на иронію и, видимо, поддерживаемая остальными, она довольно смѣло и, по обыкновенію, покусывая губы, спрашиваетъ его, продиктовалъ ли онъ вчера Саввинской программу.

Но, вмѣсто отвѣта, онъ только спрашиваетъ угрюмымъ голосомъ:

— Что?

И видитъ, какъ съ искаженнымъ личикомъ, она садится. Онъ дѣлаетъ движеніе головою, означающее, что она можетъ сидѣть, и, съ шумомъ поднявшись, начинаетъ ходить по классу.

Иногда онъ останавливается и тяжелымъ взглядомъ смотритъ на нихъ. Не желаетъ ли, можетъ быть, кто-нибудь еще обратиться къ нему съ вопросомъ?

Но никто не желаетъ. У Ирисовой такое выраженіе, какъ будто бы она хочетъ не то плакать, не то смѣяться. Вздрагивая рѣсницами при каждомъ его тяжеломъ шагѣ, она провожаетъ его по-прежнему влюбленными глазами.

«Да, а что же Покровская?»—возбужденно вспоминаетъ онъ.

Дѣвушка совсѣмъ углубилась въ книгу, точно нарочно пряча отъ него свое лицо, и отъ этой ея позы ему дѣлается страшно.

Сквозь открытое окно у задней стѣны класса (остальныя окна по случаю холодной и сырой погоды закрыты) отчетливо слышно въ отдѣленіи по улицѣ звонкое щелканье лошадиныхъ подковъ: это проѣхала пролетка на пинахъ.

Совладѣвъ съ собой, онъ подходитъ къ кафедрѣ, раскрываетъ учебникъ и громко, при всеобщей жуткой тишинѣ произноситъ:

— Программа.

Ихъ рой смутно, безжизненно шевелится. Руки автоматически протягиваются къ письменнымъ принадлежностямъ. Онѣ начинаютъ писать то, что онъ диктуетъ, но это все не настоящее, а какое-то ненужное, лишнее и страшное.

«Въ послѣдній разъ»,—говоритъ онъ себѣ:—«Да, въ послѣдній разъ».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Дома Зоя вышла къ нему, противъ ожиданія, спокойная и, скорѣе, даже ласково-озабоченная. Только глаза ея съ припух-

шими бѣками говорили о новыхъ недавнихъ слезахъ.

— Здравствуй! — сказала она и протянула губы для поцѣлуя, но поцѣловала его сухо, чуть прикоснувшись губами къ его губамъ: — Ты видишь, что я больше не волнуюсь. Теперь уже мнѣ извѣстно все... Во-первыхъ, писала начальница... Во-вторыхъ, вотъ это письмо...

Она протянула ему письмо въ распечатанномъ конвертѣ.

— Хотя оно на твое имя, но я не удержалась... Зато я теперь знаю все. Это письмо отъ твоей Таиски. О, какъ противно. Но, по крайней мѣрѣ, я теперь знаю, что надо дѣлать. Ты видишь: я жива и не сошла, благодареніе Богу, съ ума. И вѣрь, что все уладится.

Она взяла его за руки, но онъ рѣзко отстранилъ ее.

— Ты запутался, Леникъ, но ты не бойся: я попрежнему тебя люблю. Мы выпутаемся съ тобою изо всѣхъ обстоятельствъ.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Ты, самое лучшее, не читай письма отъ этой... ну, тебѣ непріятно, что я назвала ее Таиской... дѣвушки. Она—подлая, ты повѣрь мнѣ. И всѣ онѣ подлыя. Она тебя съ головою всѣмъ выдала... Да, кстати, я и забыла самое главное: тамъ у тебя въ кабинетѣ сидитъ ея отецъ, Саввинскій. Ну, хорошо, я теперь уйду, а ты прочти это письмо. Только я знаю, тебѣ будетъ тяжело.

Посмотрѣвъ на него съ грустнымъ участіемъ, точно на больного, она вышла. Онъ вынулъ письмо изъ конверта и прочелъ:

«Я разсказала моему отцу все. Вѣроятно, онъ будетъ говорить съ вами раньше, чѣмъ вы получите мое письмо. Вы меня погубили. Скажите: за что? Что такого я вамъ сдѣлала? Развѣ только то, что я привыкла васъ всегда уважать? Теперь вы въ моихъ глазахъ упали съ вашего пьедестала. Я ненавижу васъ. Нужели же могутъ быть такіе жестокіе и подлые люди??! Ахъ, что вы сдѣлали со мною? Пусть Богъ будетъ вамъ судья. Мой отецъ хочетъ подать на васъ въ судъ, и я вполнѣ этому сочувствую. Объ этой исторіи теперь знаютъ всѣ, и мнѣ уже нельзя будетъ выйти замужъ. За что вы такъ поблагодарили меня за мое уваженіе къ вамъ? И неужели это хорошо такимъ образомъ заманивать къ себѣ учениць? Говорятъ, что я уже не

первая попала такимъ образомъ. Я теперь рѣшилась на все, и жизнь мнѣ не дорога. Вы думаете, если новый владыка вамъ родственникъ, такъ вамъ все сойдетъ съ рукъ. Далеко ошибаетесь.

Можно и не подписываться. Сами знаете кто. Вашихъ рукъ дѣло.

P.S. Сегодня все утро мнѣ больно.

Приписка была сдѣлана торопливымъ почеркомъ,—очевидно, впопыхахъ. Чернила смазаны.

Что это? Вѣдь это же сплошной ужасъ!

Онъ хотѣлъ перечесть еще разъ, но не могъ и разорвалъ старательно письмо на мелкіе клочки.

«Кто ее научилъ? Или, быть можетъ, она сама? Нѣтъ, это письмо продиктовано, и только приписка отъ себя».

Онъ старался припомнить ихъ сегодняшнія ночныя ласки и разговоры.

«Не можетъ быть! Это не она».

Но почему она тогда созналась отцу? Онъ почувствовалъ злобу и омерзеніе. Тупая и мелкая! Да, кто ее теперь возьметъ замужъ?

Болѣзненно умѣхнулся. «Замужъ!» Но это такъ не вязалось съ ея образомъ. И онъ опять началъ перебирать всѣ ночныя ея слова. Этого не можетъ быть... Вѣроятно, ихъ выслѣдили. Былъ доносъ Ольгѣ Ивановнѣ... Горничная Глаша.. Конечно. Запугали, сбили на допросѣ. Возможно, что при этомъ оклеветали его. Вспомнилось изъ письма: «Говорятъ, что я не первая». Во что-бы то ни стало онъ долженъ ее повидать! Кто этотъ Саввинскій?

Онъ старался представить себѣ выраженіе его испитой, преждевременно сморщенной физіономіи, Навѣрное, шантажистъ. Но это бы еще хорошо.

Вошла Зоя съ тѣмъ же выраженіемъ самопожертвованія на лицѣ.

— Ты теперь самъ видишь, какая это дѣвченка. Ну, не плачь, Леникъ. Я не могу выносить твоихъ слезъ. Кромѣ того, это такъ противно.

Развѣ онъ плачетъ? Вотъ странно. Да, глаза и щеки мокры.

Онъ вынимаетъ платокъ и вытираетъ глаза и лицо. Но

слезы набѣгаютъ опять. Онъ силится ихъ проглотить, но онѣ бѣгутъ.

Зоя въ негодованіи выходитъ.

Значитъ, это все-таки возможно... такая метаморфоза души? И ему окончательно не хочется жить. Если такъ... если такъ...

Но тамъ ждетъ о. Саввинскій, и нужно итти. Собственно, зачѣмъ итти? Этого онъ не знаетъ, но имъ уже начинаетъ управлять тотъ, другой, который сидитъ въ немъ и дѣлаетъ за него то, что нужно, или, вѣрнѣе, то, чего, по-настоящему, не нужно. Но онъ почему-то подчиняется.

Сначала онъ идетъ въ спальню умыться. Зоя стоитъ и спокойно разбираетъ у комода дѣтскія платьица. Она оборачивается и глядитъ на него долгимъ, тревожнымъ взглядомъ. Она уже примирилась со всѣмъ и только безпокоится за его здоровье и карьеру.

Онъ моетъ, болѣзненно содрогаясь отъ слезъ и холодной воды, лицо, а она, сочувствуя ему, говоритъ:

— Да выгони ты его, просто, вонъ. Какія у него доказательства? Можетъ-быть, это онъ самъ сдѣлалъ съ ней? Пьянчужка! Да и дѣвчонка тоже хороша. Навѣрное, она не тебѣ первому повѣсиламъ на шею. Теперь онѣ всѣ такія. Да, я сама теперь не хочу, чтобы ты оставался на этой службѣ.

— Замолчи, если можешь,—попросилъ онъ, мучаясь ея разговоромъ.

— Хорошо,—сказала она дѣловито и покорно, обращаясь вновь къ комоду.

Да, этотъ человѣкъ, который дожидается его тамъ въ кабинетѣ, тоже пришелъ его мучить. Онъ знаетъ, что дѣла поправить уже нельзя, и все-таки пришелъ, какъ они всѣ, которые теперь рады обрушиться на него. «Радъ человѣкъ паденію праведнаго и позору его». Именно, радъ. Такъ уже устроенъ человѣкъ.

— Ты что говоришь?—спрашиваетъ Зоя, тревожно обернувшись.

— Развѣ я что говорилъ? Я это про себя.

Онъ насухо вытеръ полотенцемъ лицо и расчесалъ волосы. Потомъ попросилъ у жены пудры.

— Вотъ такъ...

Пока онъ пудрился, стараясь изгнать съ лица слѣды слезъ, она съ трогательнымъ участіемъ смотрѣла на него.

— Скажи мнѣ, Леникъ, еще только одно слово: ты очень любилъ ее? Я не хочу воспользоваться, Леникъ, твоею откровенностью, какъ въ тотъ разъ. Я просто сочувствую тебѣ. Я сама сейчасъ страдаю и потому понимаю твои страданія. Только, право же, она какая-то нехорошая. Ты мнѣ повѣрь... И она не стоитъ твоихъ страданій.

— Я не знаю, что это было, — сказалъ онъ: — Любовь или не любовь... и что такое, вообще, любовь... Это было, и теперь этого нѣтъ...

«Какъ скоро!»—подумалъ онъ про себя, удивляясь.

— Леникъ, вѣроятно, это иногда бываетъ у васъ, мужчинъ... Конечно, это очень трудно бываетъ пережить женщинѣ. Ты долженъ это понимать и не сердиться.

Да, какая простая философія... но, все равно, нужно итти и объясниться.

Роговъ смахнулъ остатки пудры съ груди, посмотрѣлся еще разъ въ зеркало и, придавъ себѣ свой излюбленный, величественно-угрюмый видъ, вышелъ изъ спальни.

Слышно было, какъ о. Саввинскій безпокойно и безцеремонно ходилъ по кабинету, стуча сапогами. Этотъ ничтожный человѣкъ, выгнанный отовсюду пропойца, конечно, не на шутку воображалъ себя теперь отцомъ и во всѣхъ отношеніяхъ порядочнымъ человѣкомъ.

Роговъ нарочно замедлилъ шагъ и спокойно и начальственно вошелъ въ кабинетъ.

О. Саввинскій, замѣтивъ его, вздрогнулъ и сконфузился, но тотчасъ же придалъ себѣ дерзкій и даже нахальный видъ, къ которому, очевидно, готовился все время, пока здѣсь маршировалъ.

Пряча руки назадъ, склонивъ голову на бокъ и выставивъ одну ногу впередъ, онъ сказалъ съ дрянной усмѣшкою:

— Какъ видите, я здѣсь...

Но Роговъ тотчасъ же перебилъ его:

— Да, но по дѣламъ училища я не принимаю у себя на дому... Впрочемъ, изъяснитесь вкратцѣ.

О. Саввинскій перекачнулъ голову въ противоположную сторону и перемѣнилъ ногу.

— Къ сожалѣнію, у насъ выйдетъ разговоръ нѣсколько болѣе долгій.

— Тогда я вынужденъ буду отказаться отъ удовольствія его съ вами имѣть.

О. Саввинскій разсмѣялся. Повидимому, его это, прежде всего, очень сильно забавляло.

— Да, но я-то не могу себѣ отказать въ этомъ, какъ вы выражаетесь, удовольствіи или, вѣрнѣе, неудовольствіи... Вотъ что, шутки въ сторону. Я къ вамъ, милостивый государь, пришелъ не для шутокъ...

Лицо его, желтое и въ глубокихъ морщинахъ, сдѣлалось сѣрымъ и въ глазахъ появилась острая злоба. Сжавъ правую руку въ кулакъ и размахнувшись ею точно для удара, онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и, вытянувъ шею, хрипло сказалъ:

— Вы что, ... , сдѣлали съ моею дочерью?

Роговъ съ омерзеніемъ посмотрѣлъ на него съ высоты своего роста и засунулъ руки въ оба кармана подрясника.

— Вотъ что, — сказалъ онъ раздѣльно и мягко: — Идите вонъ. Вы пьяны. Ну, живо. Иначе, я самъ вышвырну васъ отсюда.

Сказавъ это, онъ слегка посторонился, давая о. Саввинскому дорогу. Лицо у о. Саввинскаго такъ же моментально приняло испуганно-жалкое выраженіе.

— Но, позвольте,—сказалъ онъ, съ недоумѣніемъ разводя руками, но тотчасъ же совладалъ съ собою:—Должны же вы дать мнѣ удовлетворительное объясненіе... Я требую... я въ синодъ напишу... на Высочайшее имя просьбу подамъ... вы думаете, я — ничтожество, тля...

— Идите, идите, — пренебрежительно - спокойно говорилъ Роговъ:—Можете подавать ваши просьбы, а сейчасъ прошу избавить.

Онъ нарочно спокойно и медленно вынулъ карманные часы и посмотрѣлъ на нихъ.

— Я желаю, по крайней мѣрѣ, знать, признаете ли вы самый, такъ сказать, фактъ? То-есть, фактъ насилія надъ моею дочерью?

О. Саввинскій выпрямился и съ нахально-вопросительнымъ видомъ посмотрѣлъ на Рогова.

— Я—отецъ и, согласитесь, имѣю нѣкоторыя права на подобный вопросъ.

Рогову хотѣлось сказать ему что-нибудь унизительно-обидное.

— Вотъ какъ! — сказалъ онъ, усмѣхаясь: — Неужели? Кто же бы могъ это съ нею сдѣлать?

Ему вспомнились дикія слова Зои, что это могъ сдѣлать самъ о. Саввинскій. И, посмѣиваясь, онъ продолжалъ:

— Можетъ быть, это вы сами?

Онъ зналъ, что сейчасъ что-то произойдетъ.

— Какъ я самъ? Что вы этимъ хотите сказать?—изумился Саввинскій, все еще не охватывая всей жгучей оскорбительности сдѣланнаго намека.

Было омерзительно отъ тѣхъ словъ, которыя произносилъ, но уже не могъ удержаться:

— Да, можетъ быть, вы сами... сдѣлали это... съ вашею дочерью...

Саввинскій отшатнулся. Потомъ поднялъ кулаки и, потрясая ими, кинулся на Рогова.

— Убью! — завопилъ онъ.

Но Роговъ уже ловко повернулъ его къ себѣ спиною и съ отвращеніемъ выпихнулъ изъ кабинета въ гостиную. Тотъ запнулся о завернувшійся коверъ и чуть не упалъ, но удержался за столикъ.

Высокая лампа со стекляннымъ абажуромъ качнулась.

Роговъ, тяжело дыша, остановился въ дверяхъ. Вошла поспѣшно Зоя.

— Леша, Бога ради, успокойся, — сказала она.

О. Саввинскій, дрожащій и недоумѣвающій, посмотрѣлъ на обоихъ.

— Успокоиться? — сказалъ онъ. Нѣтъ, успокоиться не придется...

— Оставьте вы ваши сплетни, — сказала Зоя, волнуясь за мужа (и Роговъ въ первый разъ ощутилъ за это къ ней хорошее чувство): — Человѣкъ пожилой, солидный, а вѣрите всякимъ пустякамъ.

— Да что же она вретъ, что ли?

О. Саввинскій почувствовалъ себя сбитымъ съ позиціи.

— Вѣдь согласитесь, не могу же я признать, что все это съ ея стороны одна махинація? (Онъ, навѣрное, хотѣлъ сказать: мистификація).

— Ко-неч-но,—протянула Зоя съ насмѣшливой увѣренностью.

— Но вѣдь я же самъ... я не ребенокъ... я могу понимать...

— Ахъ, вы, мужчины, на этотъ счетъ можете обмануться.

— Достаточно,—крикнулъ Роговъ:—Что-бъ духу не было!

О. Саввинскій отступилъ къ дверямъ передней.

— А свидѣтельство доктора?.. Я покажу ее доктору: пусть...

Онъ опять сталъ неистово размахивать руками. Роговъ сдѣлалъ угрожающее движеніе, и фигура отца Саввинскаго пропала. Слышно было только, какъ онъ громко хлопнулъ дверью.

— И вѣрно: пусть!—волнуясь и дрожа, сказала Зоя;—Шантажистъ, дрянь... торгуетъ своею дочерью, а потомъ вторгается въ семейные дома... вотъ гадина!.. Отъ самого на версту разитъ лукомъ и сивухой... паршивый... И Таиска эта самая... очень хорошая, я ее знаю. Нѣту семинариста, съ которымъ бы она не нюхалась... теперь хотятъ свалить на тебя.

— Оставь,—сказалъ Роговъ:—Дѣвушка здѣсь ни при чемъ... виноватъ одинъ я... И я—негодяй.

Что онъ сейчасъ говорилъ о. Саввинскому? Или онъ, дѣйствительно, сошелъ съ ума, или же... или...

Хотѣлось остаться одному. Былъ невыразимо противенъ вульгарный тонъ, съ которымъ Зоя чернила Таисію. Теплое чувство, вспыхнувшее къ женѣ, уже испарилось. Онъ сказалъ ей мягко:

— Уйди.

Зоя молча потупила глаза, но осталась упрямо стоять на мѣстѣ.

— Странно,—наконецъ сказала она, поднявъ голову, но не глядя на него и поправляя волосы:—Недоставало, чтобы ты еще сталъ заступаться за эту дѣвчонку... Впрочемъ, теперь отъ тебя всего можно ожидать.

Она повернулась и быстро вышла. Онъ послѣдовалъ за ней и, догнавъ ее у входа въ дѣтскую, крикнулъ:

— Мнѣ не надо твоего заступничества. Слышишь? Между нами все кончено... Все равно.

Маленькая Лиза, игравшая на полу, съ удивленіемъ посмотрѣла на кричащаго отца.

— Слышу,—утрюмо сказала Зоя, взявши ребенка на руки.

Лицо ея было спокойно и показалось Рогову сильно постарѣвшимъ за эту ночь и день. Онъ не могъ больше смотрѣть на нихъ обѣихъ, отвернулся и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. «Вотъ какъ все это кончилось!»—поймалъ онъ наконецъ вслухъ слова, которыя уже давно повторялъ про себя.

Даже невѣроятно! Попытался представить себѣ Таисію, но ея образъ сохранился у него такимъ, какою она была въ тотъ вечеръ, когда къ нему пришла. Если бы онъ могъ ее повидать!

Онъ безпокойно заметался по комнатѣ.

— Пойти!—внезапно созрѣло рѣшеніе:—добиться ея... говорить.

И горячая радость прилила къ груди.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Неужели тутъ живетъ о. Саввинскій?—съ омерзеніемъ подумалъ Роговъ, пройдя передній грязный дворъ и остановившись у загородки, отдѣлявшей заднюю часть двора, залитую помоями и усѣянную отбросами, по которымъ, жадно хрюкая, ходила большая отвратительная свинья. Чтобы свинья не вышла, дворикъ былъ запертъ на мудреную щеколду. Роговъ пытался ее отворить, но она не поддавалась. Тогда онъ сталъ стучать кулакомъ въ стѣну низенькой избы, скорѣе похожей на баню, гдѣ ему указали жилище о. Савьинскаго.

Дверь надъ высокимъ, деревенскимъ порогомъ отворилась, и изъ ея чернаго пространства выглянула жалкая женская фигура съ желтымъ, измученнымъ лицомъ.

— Что надо?—спросила она рѣзкимъ, надрывающимся голосомъ:—Самого-то нѣту дома.

Она хотѣла было затворить дверь, но Роговъ остановилъ ее.

— Позвольте, однако, пройти,—сказалъ онъ начальственно:—Потрудитесь отворить.

— А что надо?—спросила женщина подозрительно, и вслѣдъ затѣмъ неожиданно затворила дверь.

Роговъ подождалъ и опять началъ стучать. Немного погодя, опять высунулось то же желтое лицо.

— Что вамъ надо?—спросила она, какъ будто видѣла его въ первый разъ:—Нѣту дома.

И дверь опять затворилась.

Роговъ ударилъ кулакомъ по щеколдѣ. Она подалась. Онъ рванулъ калитку и вывернулъ запоръ вмѣстѣ съ гвоздями. Тотчасъ же мимо него съ радостнымъ хрюканьемъ въ калитку протискалась свинья, замаравъ ему рясу вонючею грязью. Роговъ подошелъ къ двери домика и подергалъ ее. Молчаніе. Онъ постучалъ еще разъ, такъ, что эхо отъ его стука отдалось на пустырѣ.

За дверью послышалось слабое движеніе.

— Чего вамъ?—спросилъ голосъ Таисіи.

Роговъ задохнулся. Это было такъ неожиданно. Онъ стоялъ и не зналъ, что сказать.

— Отворите,—попросилъ онъ, наконецъ, понизивъ голосъ и пригнувшись къ двери.

— Не за чѣмъ,—сказала она за дверью:—Пожалуйста, уйдите.

Голосъ у нея былъ злой, грубый.

— Тая,—сказалъ онъ, чувствуя, что готово разорваться что-то огромное и важное, и страшась этого:—Вы должны отворить. Тая, вы слышите?

Но ему не отвѣчали.

— Оставьте насъ,—сказалъ, наконецъ, прежній женскій голосъ. Она не одѣта и не можетъ васъ принять. Сдѣлайте одолженіе, уйдите.

«Я выдалъ себя и совершенно безполезно»,—подумалъ Роговъ.

Ему стало страшно. Онъ оглядѣлъ грязный полузастроен-

ный пустырь, явственно припомнилъ грубый голосъ Таисіи и понялъ, что все самое главное и ужасное въ его жизни уже совершилось.

«Теперь смерть»—подумалъ онъ спокойно. И имъ овладѣла тихая радость.

Онъ посмотрѣлъ еще разъ на дверь съ высокимъ порогомъ, подумалъ съ благодарностью о Таисіи и о томъ, что она всетаки была въ его жизни, и медленно пошелъ съ пустыря.

На грязной улицѣ ему попался на встрѣчу о. Саввинскій, но это обстоятельство уже больше не имѣло для Рогова никакого значенія.

О. Саввинскій остановился и что-то сказалъ, изъ чего у Рогова удержалось одно только странное выраженіе: «это схоластика вашей бюрократіи».

«Должно-быть, онъ ходилъ жаловаться къ владыкѣ»—сообразилъ Роговъ и называетъ его «бюрократіей»... Конечно, владыка, вѣроятно, будетъ стремиться его выгородить».

Ему стало тошно.

«Выпить»,—подумалъ онъ. Вопросъ о смерти былъ рѣшенъ безповортно, и къ нему онъ больше не возвращался. Это придетъ какъ-то само собою.

Незамѣтно для себя, онъ очутился у дверей своей квартиры и позвонилъ. Отворила Марфа.

— Опять уѣхали,—доложила она ворчливо, и въ ея голосѣ ему послышалась нотка осужденія по адресу Зои.

Роговъ вошелъ и, не раздѣваясь и даже не снимая калошъ, прошелъ прямо въ столовую, къ буфету, взялъ графинъ съ водкой и дрожащей рукой налилъ полный винный стаканчикъ. Онъ зналъ, что старуха слѣдитъ за нимъ глазами отъ двери, но не обращалъ на нее вниманія.

Высоко поднявъ стаканчикъ, точно причащаясь, (именно такъ и подумалъ вскользь), онъ закинулъ голову и съ отвращеніемъ влилъ въ себя водку.

— Вотъ тебѣ грибковъ,—услышалъ онъ сзади неожиданно-ласковый голосъ старухи:—Пей, батюшка, пей... выкушай еще стаканчикъ: оно легче будетъ... перешибетъ.

— Спасибо, Марфа,—сказалъ онъ и повторилъ порцію.

Но грибковъ ему не хотѣлось, и онъ отвелъ въ сторону руку

старухи съ тарелкой. По странному капризу, ему вспомнилась широкая, свѣтлая классная комната, склоненныя надъ партами дѣвичьи лица и двоящіеся свѣтлые контуры ихъ головокъ на голубомъ фонѣ стѣны. Вспомнилась и Волга, текущая на желтой картѣ въ Каспійское море. Какъ давно все это было:

И вдругъ его грудь поднялась глухимъ рыданіемъ: онъ вспомнилъ свѣтлый отчетливый голосъ и слова: «Углѣбохъ въ тимѣніи глубины и нѣсть постоянія... Углѣбохъ—значитъ: я потонулъ въ пучинѣ».

Широко раскрывъ ротъ, Роговъ хрипло втянулъ въ себя воздухъ.

— Ничего, мой батюшка, плачь,—услышалъ онъ голосъ Марфы:—Водка, она средственна.

— Я потонулъ въ пучинѣ,—сказалъ про себя Роговъ.

— И выплывешь, мой батюшка! Съ кѣмъ не бывало? Врагъ-то силенъ. А у тебя тѣлеса, мотри, какія... Выпей, батюшка, еще по средственности. Нѣшто ты себя проймешь двумя стаканчиками?

Роговъ мягко посмотрѣлъ на старуху и, качнувъ головой, сказалъ:

— Теперь уйдите.

Она послушно вышла. Роговъ выпилъ еще нѣсколько разъ подъ-рядъ. Теперь ему казалось, что онъ достигъ настоящей точки.

— Вотъ это хорошо,—наконецъ, сказалъ онъ себѣ вслухъ, въ особенности потому, что явственно уловилъ начальный тонъ партіи контральто: «Разбойника благоразумнаго».

Поднявъ высоко руку, онъ сдѣлалъ дирижерскій жестъ и сказалъ:

— Тише.

Стоя въ кухнѣ у двери, Марфа внимательно и заботливо слушала, вытирая глаза концами платка. Онъ пѣлъ хорошо и складно, и нельзя было подумать, что онъ пьянъ. Только иногда пѣніе прерывалось, и тогда былъ слышенъ его долгій прерывистый и пьяный плачъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Онъ услышалъ звонокъ, но не вздрогнулъ. Напротивъ, сдѣлалъ рукою знакъ, означающій не мѣшать. Но звонокъ настойчиво позвонилъ опять.

Нѣтъ, не Зоя. Съ нею у нихъ все кончено.

Звонокъ повторился настойчиво еще нѣсколько разъ. Вошла Марфа.

— Отворить?

— Не надо.

Онъ лукаво усмѣхнулся старухѣ. Пусть звонятъ. Онъ подошелъ къ окну и побарабанилъ въ стекло. Пусть звонятъ.

Звонки прекратились. Зато въ залѣ послышались чьи-то грузные и отчетливые шаги.

«Тесть»,—съ тоскою подумалъ Роговъ.

Но вошла полная фигура въ черной шелковой рясѣ.

— Дядя!—завопилъ радостно Роговъ и кинулся обнимать пришедшаго.

Они застыли въ долгомъ объятіи. Роговъ цѣловалъ его лоснящееся отъ чернаго волоса, плотное, налитое чѣмъ-то упругимъ лицо, отрывался и опять цѣловалъ, обливая слезами и мусоля дядины щеки, и ему казалось, что одинъ только дядя теперь его любитъ и понимаетъ.

— Ну, ты видишь самъ, что я пришелъ,—сказалъ дядя:—Не любилъ бы, такъ не пришелъ. Были друзьями въ радости, будемъ друзьями и въ горѣ.

— Теперь... сравняться... Понимаешь? По-студенчески!—крикнулъ Роговъ.

Онъ подвелъ дядю къ буфету и широко отворилъ дверку.

— Понимаешь? Перешелъ уже на коньякъ...

Онъ не умѣлъ лучше выразить дядѣ своихъ мыслей.

— Понимаю,—сказалъ дядя, сочувственно и проницательно кивая головой:—Только вотъ бы... закусочки.

— Мигомъ.

И Роговъ принялся хлопотать.

— Теперь къ дѣлу,—сказалъ дядя, выпивъ и повторивъ.

— Какое дѣло, дядя? Теперь всѣ дѣла — каюкъ. Нѣтъ больше дѣла. Выпьемъ еще!

— А дальше что же?—спросилъ дядя, остановивъ руку на полдорогѣ къ бутылкѣ.

— Дальше?

Роговъ сдѣлалъ жестъ вокругъ шеи и показалъ на потолокъ.

— Да что вы на меня такъ смотрите? Соглядатай! А, понимаю.

Онъ всталъ и сжалъ кулаки.

— Пришли вывѣдывать?

И вдругъ вся дядина фигура показалась ему подло-омерзительною. И какъ онъ не понялъ этого раньше?

— Коршуны! Закружились...

— Какіе коршуны? въ чемъ дѣло, мой дорогой?

Дядя сдѣлалъ наивно-дѣтскіе глаза, но за его бровями и всѣмъ поворотомъ головы Роговъ видѣлъ другое, настоящее.

— Вижу, — сказалъ онъ: — Не надо. Не обманывай. Вамъ надо знать? Зачѣмъ надо? Такъ, вздоръ, любопытство и больше ничего... Не стану... Ну, ладно... Выпьемъ.

— Можно и выпить, можно и поговорить,—сказалъ дядя,—но, конечно, не обижая другъ друга.

Роговъ не могъ себѣ уяснить, вретъ дядя или говоритъ правду.

— А если ты будешь браниться, то я уйду,—продолжалъ дядя: — Во всякомъ случаѣ, ты видишь, что я твой другъ, а не врагъ: иначе бы не пришелъ.

— Гдѣ Зоя?—спросилъ Роговъ.

— А ей-Богу, не знаю.

— Значитъ...

— Значитъ, я отъ владыки.

Дядя всталъ и грузно прошелся. Роговъ хотѣлъ спросить, знаетъ ли владыка, но было очевидно и такъ, что знаетъ.

— Кто Богу не грѣшенъ?—продолжалъ дядя, подойдя и остановившись вплотную:—Суть не въ томъ. Ну, сблизился съ дѣвицей... Ты этого не отрицаешь? Да ты оставь графинъ. Давай лучше поговоримъ.

Тперь уже Роговъ не сомнѣвался, что дядя соглядатай.

— Зашевелились,—сказалъ онъ:—Скоро еще не такъ зашевелитесь...

Дядя помолчалъ, потомъ молча же началъ ходить по комнатѣ.

— Не буду вполнѣ отрицать сей цѣли,—вновь осторожно заговорилъ онъ:—Разумѣется, владыкѣ и всѣмъ намъ, близко къ тебѣ стоящимъ, не безразлично, какъ все сіе имѣло мѣсто. Прошу тебя въ послѣднее: оставь графинь. Дай же потолковать... Владыка не хочетъ огласки... Кто сей Саввинскій? Мразь!.. Дунь на него—и его нѣтъ. Кто сія начальница Алякринская? Одна суета! А ты уже палъ духомъ. Отчаяніе — вотъ гдѣ корень грѣха. Размякъ — вотъ въ чемъ главная бѣда. Ты согрѣшилъ, но ты умѣй покаяться. Вотъ заслуга. Внутри самого себя умѣй претерпѣть. А то сейчасъ за водку, словно... Это, братъ, по-хамски. Какой же ты пастырь? Я понимаю: можно и выпить... Такъ не хочешь слушать?

— Я не пастырь,—сказалъ Роговъ:—Даже и съ вашей точки зрѣнія. Я—пастырь, иже расхищаетъ овцы своя. Ты говори, дядя, дѣло: зачѣмъ пришелъ? Кончай и... маршъ.

Дядя покачалъ головою.

— Осѣлъ, братъ, осѣлъ... на всѣ ноги. Не хочешь говорить,—конечно, я уйду. Ну, прощай.

Онъ протянулъ Рогову руку. Рогову стало страшно. Дядя внесъ съ собою сердечный уютъ, отъ котораго ему сейчасъ было трудно отказаться.

— Ладно,—сказалъ онъ, садясь къ столу.—Будемъ говорить. Что надо?

Дядя сѣлъ тоже и положилъ ему на руку свою тяжелую и теплую руку.

— Сейчасъ ты, конечно, не въ подобающемъ видѣ, но завтра ты поди къ владыкѣ.

— Зачѣмъ это?

— Эхъ, Леша. Ты вотъ отъ насъ руками и ногами, а мы къ тебѣ. Владыка прямо призвалъ этого Саввинскаго и говоритъ: «Жилъ ты и не жилъ»... Понимаешь? Во-какъ! Владыка—человѣкъ, можно сказать, апостольскаго ума.

— Чего же вамъ надо?

— А вотъ чего... Встань...

— Это зачѣмъ?

— Надо.

— Не хочу. Говори такъ.

Дядя всталъ и сложилъ руки на груди, точно собирался его исповѣдывать.

— Ну, племянникъ, передъ Богомъ говори. Вотъ образъ.

Роговъ всталъ, испытывая готовность сказать дядѣ всю правду.

— Ну, ладно... Скажу и такъ, безъ образа.

— Нѣтъ, на образъ. Перекрестись.

— Хочешь знать правду?

— Не я, а владыка. И я, конечно. Помни: владыка твой другъ.

— Это не важно. Ты хочешь правду? На!

Роговъ твердо перекрестился.

— Что говорить?

— Владыка желаетъ знать, было это по согласію съ ея стороны или нѣтъ?

Дядя испытующе воззрился.

Роговъ удивленно посмотрѣлъ на него, такъ какъ не могъ себѣ вполнѣ уяснить смыслъ желанія владыки.

Дядя смущенно отвелъ глаза въ сторону и, глядя на потолокъ, пояснилъ:

— Было здѣсь и съ ея стороны желаніе, или...

Роговъ почувствовалъ жаръ въ лицѣ.

— А зачѣмъ это надо знать?

Дядя продолжалъ смотрѣть въ ту же точку.

— Чтобы судить о семъ поступкѣ. Ясно. Если по доброму согласію—вина одна. Если нѣтъ...

Онъ потупилъ глаза.

— Тогда вина другая. Говори, какъ передъ Богомъ.

— Я не знаю,—сказалъ Роговъ:—Да мнѣ теперь все равно, что думаетъ владыка... и вы всѣ.

— Кто же знаетъ, если не ты? Эхъ, Леша, хотѣлъ ты какъ передъ Богомъ, а уклоняешься...—Дядя укоризненно вздохнулъ.—Впрочемъ, твое дѣло. Значитъ, не хочешь говорить?

Роговъ почувствовалъ ярость.

— Я вѣдь тебѣ перекрестился,—сказалъ онъ гнѣвно:—Что ты ко мнѣ пристаешь? Не знаю я. Или ты меня уже вовсе въ богоотступники записалъ? Тогда ты, дядя, глупъ. Понялъ?

Есть, дядя, вещи, которыя надо говорить осторожно. И ежели я тебѣ сказалъ: Богъ!—ты вѣрь. Ты знаешь, что такое для меня теперь Богъ?

Онъ широко развелъ руками, чувствуя свое одиночество среди людей.

— Для меня теперь Богъ—все. Одинъ!

Онъ поднялъ палецъ, бурно и вмѣстѣ радостно захлебнувшись слезами.

— Богъ и Христосъ. Что мнѣ вы и вашъ судъ? Владыка этотъ?.. Богъ! Понимаешь ты это слово? Слово! Да, развѣ можетъ быть тутъ слово? Тутъ, братъ, конецъ и словамъ и всему. И я спокоенъ.

— Это хорошо,—сказалъ дядя:—Но согласись, кто же тогда знаетъ?

Роговъ, отвернувшись, плакалъ. Дядя потрогалъ его за плечо.

— Ты мнѣ скажи одно: она выражала нехотѣніе?

Роговъ разсмѣялся.

— Что же тутъ смѣшного?

— Ну, выражала.

Роговъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на дядю.

— Знаешь, дядя, это—«схоластика вашей бюрократіи», какъ говоритъ ея отецъ, прощалыга Саввинскій.

— Однако же было?

— «Нехотѣніе»?

— Я желаю услышать именно объ этомъ. Т. е. не я, а владыка.

— Было, было... Успокойтесь.

— И, слѣдовательно, сопротивленіе?

— А ты думаешь, что она—б....? Владыка-то вашъ студентомъ, видно, все больше по такимъ ходилъ.

— Ты кощунствуешь, Алексѣй! Не хорошо.

— Да вѣдь глупо же. Стоимъ мы съ тобой передъ образомъ, точно два осла. Взялись вы меня допрашивать, такъ допрашивайте умно...

— И... скажи...

Дядя совсѣмъ потупилъ глаза, и выраженіе его лица

стало окончательно лисьимъ. Очевидно, ему очень хотѣлось, и въ то же время онъ опасался задать послѣдній вопросъ.

— И... какъ оно тамъ... И борьба была?

— Эхъ, вы, апостолы, апостолы, — сказалъ Роговъ: — И борьба была... можете успокоиться. Никакихъ оправданій. Борьба, да.

Онъ расхохотался. И владыка, и дядя представились ему наивными и странными людьми. Ему сдѣлалось гадко.

— Все?—спросилъ онъ:—А теперь выпьемъ, дядя?

— Постой,—сказалъ тотъ рѣшительно, все тѣмъ же ласкающимъ голосомъ:—И это бывало часто?

— То-есть?

— Ну, я не знаю, какъ сказать... я вѣдь монахъ...

— Да, монахъ ты...

— Часто, я говорю, бывали съ тобой подобные случаи? То-есть, чтобы къ тебѣ приходили... я разумѣю иныхъ, не только эту.

— Вотъ, что, дядя,—сказалъ Роговъ:—Ты видишь эту бутылку, достаточно толстаго стекла? Ну, и будетъ.

— Значитъ, клевета?—осторожно воззрился дядя.

— Молчать!—заревѣлъ Роговъ и схватилъ бутылку.

Но дядя уже улыбался и жалъ ему руку.

— Ну, не сумасшествуй. Я радъ, очень радъ. Бей бутылкой, а все-же я тебѣ дядя. И владыка будетъ радъ. Ну, вотъ и все.

Роговъ не понималъ, вытирая вспотѣвшій лобъ платкомъ. Вдругъ ему представилось ясно, въ чемъ его подозрѣвали, и ему стало невыразимо скверно.

— Уйди,—сказалъ онъ дядѣ, вырывая руку:—Не могу. Уйди. Сдѣлать тебѣ что-нибудь могу.

На лицѣ дяди къ радости примѣшалось сожалѣніе.

— Эхъ, Леша... Развѣ мало ихъ... бабъ этихъ... иныхъ прочихъ? Ну, ужъ коли такъ подошло... Не могъ ты? Э-э-эхъ, братъ... Не чисто работаешь... Ты прости, что я такъ... по-студенчески. Вѣдь ты, педагогъ!

Дядя недоумѣвающе развелъ руками.

— А ты работаешь, небось, чисто?

Роговъ потрепалъ дядю по плечу, но тотъ продолжалъ:

— Доложу я владыкѣ... подумакаемъ... Да ты и самъ про-

сился въ приходъ, въ уѣздъ? Придется, братъ, временно спрятаться. Только ты не думай, что я или владыка... Ты вотъ о немъ какъ отнесся: такой онъ и сякой. А онъ воистину—мужъ апостольскій. Услыхавъ, сказалъ: «Скорблю, но не осуждаю». И только выразилъ опасеніе, нѣтъ ли въ тебѣ болѣзненнаго постоянства. Ну, ну, не буду, не буду. Ты же мнѣ покаялся... Я иду. Христосъ съ тобою.

Онъ высоко поднялъ руку, благословилъ его и поцѣловалъ. Потомъ, наклонивъ по монашески голову и подобравъ къ груди руки, направился къ выходу.

— Дядя,—сказалъ Роговъ въ передней, когда дядя одѣлся и его черные глаза остро и точно сердито сверкали изъ-подъ низко надвинутаго на лобъ клобука:—Простите, если я... Всѣ простите.

— Богъ проститъ!—сказалъ дядя, повернувшись, чтобы итти:—Ты счастливецъ. У тебя есть другой, земной ангелъ хранитель... твоя жена. Ее блюди. А все остальное приложится. Ну—спаси Христосъ.

И дядя торопливо вышелъ.

«Эстафета! — насмѣшливо подумалъ Роговъ :— Небось, рысью теперь побѣжитъ».

Онъ повернулся и вошелъ въ столовую, но тотчасъ отступилъ назадъ. У стола стояла Зоя.

— Леникъ, не будемъ больше ссориться,—сказала она спокойно и даже весело.

— Онъ зналъ, что ты здѣсь?—спросилъ Роговъ.

— Мы пришли вмѣстѣ... черезъ кухню.

Она поправила волосы и поставила графинъ съ водкой въ буфетъ.

— Чего ты такъ отчаиваешься? Эта исторія уже потушена. Поди ложись отдохнуть. Ты завтра долженъ быть у владыки. И тебя и Ольгу Ивановну переведутъ. Я тоже хочу теперь въ приходъ.

Она говорила спокойно и дѣловито, точно дѣло шло о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Онъ расхохотался.

— Теперь ты хочешь?

— Ты меня упрекаешь, Леша? Да, я была не права. Я это сознаю. Я тебя понимаю, Леша. И даже знаю, что я одна во

всемъ виновата. Я не оказала тебѣ нравственной поддержки. Мнѣ это объяснилъ владыка.

— Ты была у него?

— Да.

Она, закрывъ лицо руками, заплакала.

— Онъ тебя хочетъ, Леша, спасти. Это я тебя погубила. Я—злая, недалекая. Если здѣсь кто виноватъ, то я.

Она перестала плакать и выпрямилась. Въ ея голосѣ было что-то совсѣмъ новое.

— Ну, иди же отдыхай. Марфа!—крикнула она:—Убери со стола.

Роговъ сѣлъ. Вошла Марфа и стала прибирать на столѣ. Обѣ женщины были спокойны, такъ спокойны, какъ будто ничего не случилось.

— Зажги лампу,—тихо приказала Зоя старухѣ.

Роговъ сидѣлъ безъ мысли. Онъ видѣлъ, какъ тихо зажигалась лампа, вступивъ въ борьбу съ сумерками, ложившимися изъ оконъ, и какъ двигались спокойныя и преданныя ему женскія фигуры.

— Зоя,—наконецъ позвалъ онъ такъ же тихо, боясь нарушить тишину.

Она обернулась, счастливая и увѣренно смотрѣвшая въ будущее.

— Ну, что?

Онъ всталъ, но покачнулся. Тяжелымъ бременемъ на него надвинулся стыдъ всего совершившагося. Она сдѣлала движеніе, чтобы подойти и поддержать его пошатывавшееся тѣло. Но онъ выставилъ передъ собою руку.

— Не надо. Ты меня прости. Я знаю, что не можешь. Но ты все-таки... прости.

— Я тебя прощаю, Леша.

— И ты, Марфа, прости.

Онъ посмотрѣлъ на Марфу, но въ мысляхъ ему представилась почему-то Таисія, и опять въ томъ видѣ, какъ она сюда вошла. Онъ провелъ рукою по лбу, и образъ ея исчезъ.

— Вотъ такъ.

Онъ еще разъ посмотрѣлъ на обѣихъ женщинъ и на тихій вечерній свѣтъ и тяжело опустился на полъ на колѣни.

— Вотъ такъ. Простите всѣ.

Онѣ бросились его поднять, но онъ отстранилъ ихъ:

— Не надо... Я самъ... Потружусь самъ... для Бога... Простите... Я выпилъ...

Онъ съ трудомъ поднялся и, шатаясь, пошелъ. Въ дверяхъ кабинета онъ опять остановился и такъ же, съ трудомъ, поклонился, но въ поясъ, и сказалъ опять:

— Простите.

И, тяжелый сонъ, второй разъ за эти сутки, оковалъ его чернымъ небытіемъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Когда Роговъ проснулся, было, вѣроятно, поздно, потому что никто его не разбудилъ. На окнахъ были спущены тяжелыя драпри, чтобы его не безпокоилъ дневной свѣтъ. На столикѣ, у изголовья, стоялъ нарочно приготовленный стаканъ воды.

Роговъ приподнялся и жадно выпилъ стаканъ до дна. Всѣ признаки тяжелаго похмелья были на-лицо, и болѣе всего мучила головная боль.

Онъ старался возстановить по порядку вчерашній день: посѣщеніе училища, столкновеніе съ начальницей, нелѣпый визитъ на квартиру къ о. Саввинскому... да, да, съ этого и началось.

Онъ отчетливо вспомнилъ и грязный дворикъ, и свинью, и голосъ Саввинской, тѣ же полные и сочные контральтовые звуки. Но теперь ея голосъ вызывалъ въ немъ чувство стыда и болѣзненнаго отвращенія.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались осторожные шаги Зои. Роговъ поспѣшилъ лечь и притворно закрылъ глаза. Онъ чувствовалъ, какъ Зоя вошла въ дверь и, немного постоявъ, вышла, и продолжалъ лежать, закрывъ глаза.

Когда она вышла, онъ снова началъ представлять себѣ Саввинскую. И теперь для него было ясно, что это была самая обыкновенная, ограниченная дѣвушка, неразвитая, хорошо упи-

тапная (дѣлаетъ честь эконому Ивану Степановичу), съ тупымъ чувственнымъ взглядомъ глазъ, но трусливая и подлая въ душѣ.

«Достойная дочка достойнаго батюшки!»—опредѣлилъ онъ ее вслухъ, и, испугавшись собственнаго голоса, притаился опять.

Дѣйствительно, опять послышались шаги, и въ дверь спросилъ осторожный голосъ Зои:

— Что?

Такъ какъ онъ молчалъ, она прибавила:

— Можетъ быть, ты будешь уже вставать?

Онъ не отвѣчалъ и, отгадывая, что онъ больше не спитъ, она сказала, уходя:

— Уже скоро два часа... Приходилъ келейникъ отъ дяди Исидора и велѣлъ тебѣ у него быть сегодня въ восемь часовъ.

Онъ остался лежать неподвижно, продолжая испытывать стыдъ передъ всѣмъ происшедшимъ, начиная съ момента посѣщенія Саввинской. И потомъ эта водка, и Марфа, и дядя. Что онъ имъ вчера вралъ?

Вспомнились дядины слова, что онъ ведетъ себя по-хамски. Роговъ почувствовалъ нестерпимую боль головы и жаръ въ лицѣ. Вотъ дуракъ! И можно ли было, на самомъ дѣлѣ, до такой степени терять присутствіе духа? Что, собственно, произошло и кто можетъ доказать? Ольга Ивановна и ея горничная? А кто поручится, что горничная не подкуплена, зная ихъ дурныя отношенія съ Ольгой Ивановной? Да, конечно, дѣвушка приходила для составленія программы, но... она писала крайне медленно, а у него болѣла голова, и онъ велѣлъ ей уйти, легъ спать, и спалъ, пока его не разбудили стуки въ дверь и звонокъ.

Вотъ какъ ему надлежало взглянуть на дѣло еще вчера, но онъ растерялся. Вѣдь дѣло было сдѣлано? Надо было все ввести въ подобающее русло, и этому дураку о. Саввинскому объяснить его же собственную пользу. Ахъ-ахъ!

Онъ безпокойно пошевелился на диванѣ, и опять ему представилось ограниченное, чувственное и краснощекое лицо Саввинской.

— Дѣвка, какъ дѣвка!—рѣшилъ онъ опять вслухъ, но

больше не сталъ притворяться спящимъ и даже спустилъ ноги съ дивана.

«И въ ноги всѣмъ кланялся! Господи! До чего можетъ упасть духомъ человѣкъ. И какъ это случилось?»

Онъ опять сталъ докапываться до причины и опять дошелъ до момента, когда стоялъ у закрытой двери квартиры о. Саввинскаго и слышалъ голосъ Таисіи. И опять ему стало тошно и гадко, и было непонятно, какъ онъ могъ испытывать влеченіе къ этой заурядной дѣвчонкѣ. Вѣдь теперь, когда она вполнѣ себя обнаружила, она была ему даже только опредѣленно противна.

Онъ подумалъ о Зоѣ, и о томъ, какъ она себя вела съ нимъ въ настоящее время. Все-таки во всемъ этомъ было что-то человѣческое. Былъ упадокъ духа, но вѣдь надо же принять во вниманіе и воспитаніе, и понятія среды, изъ которой она вышла. А теперь она держитъ себя подлинно, какъ человѣкъ. И раньше... Онъ вспомнилъ сцену, когда тесть заставлялъ ее стать передъ нимъ на колѣни. Вспомнилъ и болѣзнь Володи, и то, какъ они тогда вмѣстѣ пережили ужасъ его потерять. И все... ради «этой».

Онъ не хотѣлъ ее теперь никакъ называть.

Да, конечно, Зою онъ всегда любилъ. Ему припомнились первые дни ихъ сватовства, неловкость перваго сближенія во время свадебнаго путешествія, въ гостиницѣ, ея слезы и его увѣренія въ любви. И почему это была не любовь? Нѣтъ, любовь — настоящее, хорошее, трогательное чувство мужчины къ женщинѣ. Конечно, испакостить себя можно всегда.

— Войти можно?—спросилъ голосъ Зои.

— Погоди,—попросилъ онъ несмѣло, опять ощущая жаръ въ лицѣ и неувѣренность во взглядѣ и во всѣхъ движеніяхъ.— Вообще, погоди немного: я скоро выйду самъ.

Ему было пріятно, что занавѣски спущены и не видно дневного свѣта. Что же, долго еще онъ будетъ такъ сидѣть и прятаться?

Роговъ почувствовалъ злобу. Глупости! Что случилось такого особеннаго? Лѣзла къ нему дѣвка—и поплатилась. Не лѣзь. И другимъ впередъ наука. Мало ихъ, подумаешь! Сколько угодно. Та же Ирисова. Начинай хоть сначала. Воспитанницы,

подумаешь... тоже! Нагуляли себѣ великолѣпныя мяса. Еще будутъ ли такими, когда повыскочатъ замужъ. Небось, похудѣютъ. Ихъ надо на хлѣбѣ и на водѣ держать, а то больно разнесло.

Онъ съ ненавистью подумалъ о дѣвицахъ, ихъ кокетствѣ и вздорномъ вѣчномъ шумѣ.

«Значитъ, какъ же? Уступить? Уѣхать? Признать?».

Онъ всталъ, подошелъ къ окну и стдернулъ драпировку. Сразу стало вдвойнѣ больно глазамъ и головѣ. Открылся знакомый видъ на дворъ и изгородь сада.

Какъ хорошо онъ знаетъ этотъ часъ внутренняго движенія на дворѣ. Вотъ идетъ Кузьма, направляясь къ Ивану Степановичу за судочкомъ отъ вчерашняго обѣда, а тамъ понесутъ Ивану Степановичу изъ кухни обѣдъ, а потомъ пройдетъ онъ самъ. Привезли воду въ большой зеленой бочкѣ. По привычкѣ Роговъ взглядываетъ на лошадь «Ваську», по-прежнему ли она здорова. Теперь скоро должна пройти фельдшерица Марья Федоровна «на уколы». Она всегда ходитъ близко, близко, къ самымъ окнамъ, такъ что отчетливо видна ея голова въ черной шляпѣ и плечи, точно отрѣзанныя.

И все это онъ утратилъ. Теперь должно начаться что-то неизвѣстное и унизительное. Позоръ! О, позоръ!

Онъ поспѣшилъ отойти отъ окна, боясь, что его могутъ увидѣть.

Да, онъ хотѣлъ смерти... Роговъ попытался остановиться на этой мысли, но она почему-то сейчасъ была скучной и блѣдной. Конечно, умереть онъ всегда можетъ: на чердакѣ балки крѣпкія, сдержатъ и не такую тушу. Но умереть, значитъ— уступить. Было бы кому!

Онъ подумалъ объ Ольгѣ Ивановнѣ, о. Саввинскомъ и учителяхъ... почему-то, передъ всѣми другими, о Пузаковѣ. Подумалъ объ ученицахъ и объ новомъ, только что пріѣхавшемъ дядѣ-архіереѣ, наконецъ, обо всемъ городѣ. Ну, и что же изъ этого? Позоръ... а что такое, въ сущности, позоръ? Раньше онъ ходилъ, и объ немъ не думали и не смѣли говорить ничего подобнаго, а теперь будутъ. Но и только. Будутъ говорить. Это и есть «позоръ». Что въ этомъ такого особеннаго? «И еще будутъ

смотрѣть и думать». Эка важность! Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы зажать глотки...

Онъ съ мучительною досадою вспомнилъ о своихъ вчерашнихъ признаніяхъ дядѣ. И къ чему? И на образъ лѣзъ. Правда, онъ былъ пьянъ. Трезвый онъ вчера, пожалуй, надѣлалъ бы чего-нибудь хуже. Да, былъ пьянъ... и больше ничего.

— Марфа,—крикнулъ Роговъ:—Водки и огурцовъ. Бутылку содовой. Живо.

Онъ подошелъ къ другому окну и такъ же рѣшительно отдернулъ драпировку. Вошла Зоя.

— Зачѣмъ ты хочешь опять пить, Ленькъ?

— Не пить, а опохмелиться. Я вчера былъ здорово пьянъ... и боюсь, что надѣлалъ и натворилъ что-нибудь лишняго. А, въ сущности, все это страшный вздоръ.

Зоя, недовѣрчиво помолчавъ, серьезно сказала:

— Нѣтъ, не вздоръ, Ленькъ. Но ты лучше самъ поговори съ дядей Исидоромъ. Онъ тебя вызываетъ въ восемь часовъ. Ты слышалъ?

— И съ Исидоромъ поговоримъ,—сказалъ Роговъ.—И все-таки, вѣрь, что это все вздоръ. Ничего не было... Такъ... Клевета и шантажъ.

— Но... Ленькъ, о чемъ ты говоришь? Я не понимаю.

— О чемъ!—разсердился онъ.—Объ этой подученной дѣвчонкѣ.

— Какъ же ничего не было, Ленькъ?

Въ лицѣ ея изобразилось страданіе.

Его охватилъ приливъ ярости, который усиливался отъ боли въ темени.

— Ничего не было!—крикнулъ онъ:—Былъ... ну... флиртъ и моя неосторожность. Когда дѣвчонка лѣзетъ сама, всегда приходятъ въ голову разныя мысли. И больше ничего.

Онъ видѣлъ, какъ Зоя опустила глаза отъ стыда и жалости къ нему.

— Не надо такъ, Ленькъ,—сказала она, бодро вскинувъ опять голову:—Теперь все равно.

Роговъ злобно нахмурился.

— Что все равно? Что меня будутъ судить или сошлютъ

на каторгу? Это все равно? Или все равно лично тебѣ, жилъ я съ этой дѣвчонкой или не жилъ?

— Ты хочешь такъ сказать дядѣ Исидору?

— Я скажу дядѣ Исидору все, какъ было... какъ разсказалъ это сейчасъ тебѣ. И это... (онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, чтобы смотрѣть ей прямо въ глаза)... и это—правда!.. Впрочемъ, можешь думать, какъ хочешь. Я тебя не принуждаю. Можешь присоединиться къ моимъ врагамъ. Ихъ у меня теперь достаточно... Напримѣръ, къ Ольгѣ Ивановнѣ, которая разогрѣваетъ эту басню...

И по мѣрѣ того, какъ онъ это говорилъ, онъ видѣлъ, какъ въ ея лицѣ растетъ ужасъ.

— Леникъ!—вдругъ закричала она, блестя глазами и вся дрожа, и кинулась къ нему:—Леникъ! Милый! Не дѣлай этого. Мнѣ кажется, что ты сошелъ съ ума. Вѣрь мнѣ, что это теперь уже невозможно. Я понимаю тебя. Бѣдный мой Леникъ! Не надо этого, не надо! Мы и безъ этого будемъ любить другъ друга.

Онъ яростно отстранилъ ее.

— Уйди ты съ твоею любовью. На свѣтѣ есть вещи поважнѣй. Удивительная эта ваша бабья логика.

Она ловила и сжимала его руки.

— Леникъ! Леникъ! Милый.

— Отстань,—крикнулъ онъ.

Но ея безсмысленный страхъ передавался и ему.

— Ну, конечно,—сказалъ онъ, тяжело усмѣхнувшись:—Ты всегда, какъ стопудовая гиря тянула меня на дно. Ты, вотъ говоришь, что меня любишь, но ты меня всегда готова была погубить... и погубила.

Зоя заплакала и, противъ его воли обнявъ его, прижалась плачущимъ лицомъ къ его груди.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказала она:—Я всегда буду тебя любить. Ты хочешь, чтобы я вѣрила, что этого ничего не было? Хорошо, я буду вѣрить.

— Не надо мнѣ такой вѣры,—сказалъ Роговъ, брезгливо ее отстраняя.

Она молча отошла отъ него.

— Какъ знаешь, Леша. Вѣрь только, что ты можешь всегда и во всемъ на меня положиться.

Изъ двери выглянула Марфа, жестами спрашивая о чемъ-то Зою.

— Да,—сказала Зоя грустно.

Марфа вошла, неся что-то подъ фартукомъ и, подойдя къ буфету, подняла фартукъ, чтобы поставить туда. Это былъ графинъ съ водкой.

«Прятали»,—брезгливо подумалъ Роговъ, и ему сдѣлалось противно притронуться къ водкѣ.

— Стаканъ воды похолоднѣе,—приказалъ онъ и прошелъ въ спальню, чтобы умыться.

Когда, вымытый, но не свѣжій и съ сильной болью въ головѣ онъ вышелъ въ столовую, тамъ уютно кипѣлъ самоварчикъ, и Зоя дожидалась его у стола.

— Я къ дядѣ Пансію,—сказалъ Роговъ, не останавливаясь, но у нея было такое жалкое выраженіе лица, что онъ не выдержалъ и добавилъ:—Ну, ладно, налей чашку погорячѣе.

Она радостно вспыхнула и, снявши съ чайника пестраго матерчатаго пѣтуха, стала наливать ему изъ чайника густой и дымящійся чай такъ, какъ онъ любилъ. И хотя лицо ея сіяло радостью, но руки ея, державшія серебряное ситце, дрожали. Наконецъ, она прикусила нижнюю губу и, безсильно поставивъ чайникъ, сказала:

— Не могу... Леникъ, не обращай на меня вниманія...

И, вынувъ маленькій бѣленькій платочекъ, она плотно прижала его къ глазамъ.

«А, вотъ это подлинное горе»,—подумалъ Роговъ, но ничего не сказалъ ей въ утѣшеніе.

Она вытерла насухо глаза и, не глядя на него, подала ему чашку. Прошло долгое тяжелое мгновеніе. Наконецъ, она не выдержала и встала.

— Леникъ, я не могу, я лучше уйду.

— Я тебя не держу,—сказалъ Роговъ грубо, презирая себя за это въ душѣ.

Она съ укоромъ посмотрѣла на него и тихо вышла. И этотъ ея взглядъ и покорный наклонъ головы Роговъ запомнилъ навсегда.

«Иллюзіи кончены»,—подумалось ему, и онъ сдѣлалъ попытку усмѣхнуться.

Но усмѣшка остановилась на полпути. Онъ отпилъ изъ чашки глотокъ горячаго чая и тотчасъ-же поставилъ ее назадъ. Было противно и сжималось въ горлѣ.

Но въ головѣ было удивительно ясно и трезво, какъ всегда съ похмелья, и болѣзненно отчетливо вставала каждая мелочь, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ.

— Нѣтъ, «еще Польска не згинѣла!»—сказалъ онъ себѣ, чувствуя просыпающееся бѣшенство и радуясь ему.

Вошла Марфа. Роговъ яростно посмотрѣлъ на нее, такъ что она вздрогнула и, поклонившись, сказала:

— Виновата, батюшка Алексѣй Федоровичъ... не спросясь вошла.

— Брось глупости,—сказалъ Роговъ, стараясь превозмочь стыдъ передъ Марфой.

Собственно, что такое стыдъ? Стыдиться человѣкъ можетъ только себя, а стыдиться другого—это же безсмыслица. Развѣ не всякій человѣкъ мгновененъ и преходящъ? Пепелъ и прахъ!

Роговъ старался себѣ уяснить, что значитъ, что онъ стыдится, напримѣръ, Марфы. Взявъ что-то изъ буфета, она хотѣла выйти. Онъ остановилъ ее.

— Постой...

Она повернулась къ нему, не поднимая глазъ.

— Что, Марфа, небось, назяблась тогда въ сѣнцахъ?

Марфа жалобно улыбнулась (жалобно не за себя, а за него).

— Нѣтъ, постой,—продолжалъ настойчиво Роговъ...—Ты отвѣчай: назяблась?

— А вамъ зачѣмъ?

Старуха посмотрѣла на него злобно-неодобрительно.

— Такъ, любопытно.

Онъ постучалъ пальцами по столу, глядя въ упоръ въ глаза старухи. Та покачала головой.

— Нехорошо, мой батюшка, нехорошо, Алексѣй Федоровичъ,—сказала она твердо и съ убѣжденіемъ:—Ты вотъ меня сейчасъ острамилъ, старуху... Богъ вамъ судья!

Она пошла изъ комнаты.

— Это вздоръ, Марфа: никто не можетъ «острамить» чело-

вѣка, ежели человѣкъ передъ собою чистъ. Значитъ, совѣсть у тебя не чиста, Марфа.

— Какъ-же!—огрызнулась она и, уходя, хлопнула дверью.

Роговъ нарочно громко разсмѣялся, брезгливо отодвинулъ чашку съ недопитымъ чаемъ, представилъ себѣ толстое, лоснящееся, лисье лицо дяди Паисія, яростно потянулся и, съ громомъ отодвинувъ стулъ, всталъ отъ стола. Вздоръ! Никто не можетъ «осрамить» человѣка.

Зоя вышла его проводить.

— Ну!—весело крикнулъ онъ ей:—Ты еще чего? Рѣшительно все это вздоръ! Не вѣришь?

Растерянная, она глядѣла на него съ порога.

— Въ такомъ случаѣ, какъ хочешь.

Онъ громко влѣзъ въ скрипучія калоши, запахнулся и вышелъ на холодный вѣтеръ и дождь. Но погода гармонировала съ его настроеніемъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

— А, ты!—сказалъ дядя Паисій, глядя вопросительно на Рогова, когда тотъ вошелъ. Ты вѣдь знаешь, тебя требуетъ сегодня въ восемь часовъ преосвященный!

— А, ну его,—сказалъ Роговъ, сухо здороваясь съ дядей за руку:—Надоѣли вы мнѣ всѣ съ этимъ преосвященнымъ... и, вообще, вся эта канительная исторія.

Онъ сѣлъ и продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Дядя съ удивленіемъ и испугомъ смотрѣлъ на него.

— Вели-ка келейнику подать бутылку... хересу, что-ли... Съ похмелья болитъ голова. Вы меня, дядя, извините за вчерашнее.

— А что?

Дядя не двигался съ мѣста, и по лицу его пробѣгала цѣлая смѣсь самыхъ разнообразныхъ ощущеній отъ жалости къ племяннику до удивленія и даже подозрительности.

— Вы что-же вина?—спросилъ Роговъ раздраженно.

— Я самъ принесу,—отвѣтилъ дядя, засуетившись,—дѣло въ томъ, что келейники эти народъ ненадежный, оказывается

пьютъ изъ начатыхъ бутылокъ. Сталъ я, понимаешь, замѣчать ноготкомъ на ярлычкѣ: теперь запираю... Да ты бы, знаешь, передъ владыкой... тово... воздержался бы.

Рогову стало противно на вдвойнѣ озабоченную физіономію дяди.

— Я только стаканчикъ,—сказалъ онъ.

Дядя принесъ начатую бутылку.

— Вотъ мадера... хорошая... И я съ тобой выпью.

Роговъ смотрѣлъ на его толстое, тупо-самодовольное, съ подозрительно, по-мышиному, выглядывавшими прищуренными глазками, лицо и подумалъ:

«Стыдиться этого бревна?».

— Давай, я самъ налью, — сказалъ онъ нарочно дядѣ опять на ты и взялъ у него изъ рукъ бутылку.

Дядя поморщился и крякнулъ.

— А за что ты просилъ у меня за вчерашнее извиненіе?— спросилъ онъ Рогова.

Роговъ розлилъ по стаканамъ вино и, чокнувшись съ дядинымъ стаканомъ, медленно выпилъ.

— Я вамъ вчера все вралъ, дядя. Разсердило меня, что вы пришли ко мнѣ съ допросомъ да еще съ задняго крыльца...

Дядя заложилъ руки за спину и, выдвинувъ свою утробу впередъ, тоненько разсмѣялся.

— Не пройдетъ, не пройдетъ этотъ номеръ... опоздалъ, братъ, да и не стоитъ.

Онъ опять сдѣлался серьезнымъ и мягко положилъ руку на плечо Рогова. Роговъ гнѣвно смахнулъ ее и злобно уставился дядѣ въ глаза.

— Я тебѣ говорю дѣло,—сказалъ онъ грубо:—Ты свои шутки оставь.

Дядя заковылялъ по комнатѣ, по-прежнему держа руки за спиною и поскрипывая легкими тоненькими шагреневыми сапожками. Наконецъ, онъ сказалъ:

— А на образъ ты какъ же... на образъ?

— Былъ пьянъ.

Дядя опять заходилъ.

— Ну, что-жъ, гляди самъ... гляди самъ. Такъ и владыкѣ доложишь?

— Да чего тутъ докладывать? Обыкновенно шантажная исторія. Конечно, допустилъ я неосторожность... въ квартирѣ у себя принималъ, можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, симпатизировалъ, увлекался... А ты, дядя, никогда не увлекался? Ты вотъ монахъ...

Дядя усиленно забѣгалъ по комнатѣ.

— Да, конечно, въ этомъ есть... я понимаю тебя,—заговорилъ онъ дѣловымъ тономъ:—А какъ же дѣвица?

Онъ испытующе посмотрѣлъ на Рогова.

— Что?

— Вѣдь, тогда дѣвицу за клевету?..

Роговъ густо покраснѣлъ. Надъ этимъ онъ какъ-то еще не подумалъ. Онъ всталъ и началъ ходить вмѣстѣ съ дядей.

— Что-жъ, и за клевету. Вѣдь нападающая сторона—они.

— Владыка безусловно на твоей сторонѣ... мужъ апостольскій... А этотъ о. Саввинскій конечно дуракъ... Да боюсь, что исторія эта уже порхаетъ по городу...

Они долго дружно маршировали по комнатѣ, обсуждая планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

— А перетрусилъ ты вчера,—говорилъ дядя.—Это значитъ, въ первый разъ въ передѣлкѣ былъ... Съ кѣмъ не бывало? Со всѣми бывало... Ну, ну, ладно, не буду. Это ты правильно. Бодрись, бодрись. По пословицѣ: «Воробей, загорюй—курица обидитъ»... А тутъ, главное—попъ! Обрадовались...

Стемнѣло. Келейникъ внесъ лампу.

— Вотъ, скоро думаю проводить электричество,—сказалъ дядя,—да какъ-то не знаю: не то грѣхъ, не то нѣтъ. Разсуждая строго, электричество, вѣдь, тоже отъ Бога. А тогда почему не освѣтить и соборъ? А освѣтить соборъ, къ чему тогда свѣчи? Трудная, братъ, теперь стала жизнь! (Онъ разсмѣялся). А, разсудивши строго, — вѣдь отъ свѣчей копоть, порча живописи.

И онъ еще долго разсуждалъ на эту тему.

— Ну, братъ, тебѣ пора.

Онъ перекрестилъ племянника.

— Главное, это вѣрно: мужайся.

И онъ самъ вышелъ проводить его въ сѣни и все время, пока Роговъ не сошелъ внизъ, продолжалъ стоять на верхней площадкѣ.

Проходя по двору, мимо рѣшетки кладбища, за которою тихо и жутко свѣтили на могилахъ разноцвѣтные огни лампадъ, Роговъ отвернулся.

«Я тогда сходилъ съ ума»,—подумалъ онъ, и передъ нимъ болѣзненно-ярко выплылъ образъ Саввинской, тотъ, прежній, который его когда-то такъ соблазнялъ.

Но это было все уже далеко,—такъ далеко, что страшно и странно было подумать.

Несомнѣнно, онъ былъ тогда боленъ. Нормальный человѣкъ не можетъ желать смерти. И теперь Рогову было ясно, что онъ пережилъ внезапную острую болѣзнь.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

У подъѣзда дома владыки стояла поданная ему карета. Но кучеръ слѣзъ съ козелъ и, неимовѣрно толстый отъ подложенныхъ извнутри подушекъ, расхаживалъ тутъ же. Его раздувшійся балахонъ казался снизу похожимъ на кринолинъ.

Дверь Рогову отворилъ очень кудластый келейникъ съ широко и волнисто расчесанными волосами и узко перехваченной таліей.

— Пожалуйте,—сказалъ онъ елейнымъ голосомъ, видимо, узнавъ Рогова.

Онъ раздѣлъ Рогова, нажалъ кнопку и вдали раздался мелодичный, меланхолическій звонокъ. Роговъ поднялся вверхъ по лѣстницѣ, стѣны которой по бокамъ были расписаны знакомыми ему видами Аѳонской горы. На верхней площадкѣ сильно пахло не то куреніями, не то рѣзкими духами. Другой, франтоватый келейникъ, розовый и бѣлокурый, точно херувимъ, съ изящными выхоленными руками предложилъ ему подождать въ пріемномъ залѣ, у котораго полъ былъ натертъ съ такимъ блескомъ, что въ немъ, при свѣтѣ единственной лампочки, тускло горѣвшей на стѣнѣ, отражались вмѣстѣ съ окнами и тяжелыя малиновыя драпировки и даже большая бронзовая люстра, уже окутанная, въ виду наступающаго лѣта, кисеею.

Когда Роговъ присѣлъ въ ожиданіи на стулъ, изъ раскрытой двери на площадку до него донесся сдержанный, но доста-

точно безцеремонный смѣхъ келейниковъ, и ему показалось, что это, можетъ быть, смѣются надъ нимъ. Ну, и что же? Пусть они смѣются!

Онъ всталъ и вышелъ на площадку. При его входѣ они выпрямились и приняли по-прежнему почтительно-елейныя позы. Нѣтъ, это ему показалось. А даже если бы и такъ?

И опять онъ началъ размышлять о томъ, что такое стыдъ и позоръ и почему, если кто-нибудь знаетъ что-нибудь тайное о немъ и говоритъ объ этомъ вслухъ другимъ, то это есть стыдъ? Вотъ Ольга Ивановна подсылала горничную Глашу и теперь знаетъ о немъ тайное. Ну, и пусть знаетъ. Знаетъ, а повредить не можетъ. Какая же въ этомъ бѣда? Въ томъ, что она «смотритъ»? Но вѣдь это же ребячество, дѣтство. Пусть себѣ знаетъ и смотритъ на здоровье!

Онъ оглядѣлъ строгимъ взглядомъ келейниковъ и вернулся въ залъ. На площадкѣ послышалось опять хихиканье. Съ нимъ, очевидно, уже не стѣснялись. Рогову захотѣлось вернуться вновь на площадку и сдѣлать нахаламъ внушеніе. Но въ это время послышался рѣзкій властный звонокъ, и келейникъ, похожій на херувима, побѣжалъ во внутренніе покои:

— Сейчасъ васъ примутъ.

Роговъ всталъ и въ первый разъ за весь сегодняшній день почувствовалъ страшное волненіе. Напрасно онъ пытался себя успокоить, вызывая невзрачный и ничтожный образъ новаго владыки. Ему вдругъ сдѣлалось понятно, что его жизнь стала зависима не отъ его собственной воли, какъ это было раньше, а отъ воли этого другого человѣка. Его охватила ярость. Онъ началъ быстро ходить по залу, представляя себѣ свой будущій разговоръ съ Исидоромъ.

«Во-первыхъ, я не позволю ему на себя кричать, какъ онъ кричитъ на другихъ».

Конечно, Исидоръ заботится сейчасъ, главнымъ образомъ, объ интересахъ Зои, а потому возможно, что онъ скажетъ что-либо лишнее, и тогда можетъ что-то произойти. Этого «что-то» Роговъ никакъ не могъ себѣ представить и потому мучился.

— Пожалуйте,—испуганно вскрикнулъ келейникъ, отворяя дверь во внутренніе покои, и Роговъ понялъ, что новаго, только что пріѣхавшаго владыку, здѣсь всѣ боялись.

«Все-таки я не позволю ему на себя кричать».

Съ мучительно и нервно бьющимся сердцемъ Роговъ пошелъ вслѣдъ за келейникомъ. Проведя его черезъ двѣ, точно такъ же тускло освѣщенныя комнаты, келейникъ остановился передъ входомъ въ третью.

— Пожалуйте,—повторилъ онъ еще разъ и, не входя, пропустилъ Рогова впередъ.

Это была, очевидно, спальня владыки, потому что самъ Исидоръ, въ маленькой темной скуфейкѣ, сидѣлъ на узенькой и, видимо, жесткой кроваткѣ, покрытой простымъ байковымъ одѣяломъ, съ небольшою, какъ блинъ, подушкою. Тутъ же неподалеку стоялъ раскладной налой съ кожанымъ верхомъ и вставленнымъ огаркомъ свѣчи. Огарокъ былъ только-что потушенъ, и свѣтильня еще дымилась.

Освѣщеніе и здѣсь, какъ и въ другихъ комнатахъ, было тусклое. Старинная керосиновая лампа, высоко привинченная къ стѣнѣ, горѣла слабо.

Исидоръ, съ тѣхъ поръ, какъ Роговъ видѣлъ его викарнымъ, ни въ чемъ не измѣнился. Только видно было, что онъ сильно усталъ отъ утомительнаго переѣзда и еще не оправился.

Роговъ хотѣлъ подойти къ нему подъ благословеніе. Исидоръ остановилъ его рѣзкимъ жестомъ.

— Нѣтъ, стой тамъ.

Онъ всталъ и, широко шагая, съ руками, сложенными на тощей впалой груди, забѣгалъ по комнатѣ. И эта его привычка была тоже хорошо знакома Рогову. Сморщенное обезьянье личико владыки, кое-гдѣ покрытое рѣдкими кустиками сѣдой растительности, было сейчасъ въ красныхъ пятнахъ. Онъ бѣгалъ и внимательно смотрѣлъ передъ собою, что-то соображая. Наконецъ, онъ подбѣжалъ къ образамъ, занимавшимъ всю стѣну между налоемъ и каминомъ и, показавъ на нихъ Рогову, крикнулъ:

— На колѣни! Сто поклоновъ!

Онъ сказалъ это такимъ смѣшнымъ голосомъ, какъ будто воображалъ себя капитаномъ корабля и отдавалъ приказаніе собрать паруса. Видя, что Роговъ не трогается съ мѣста, онъ съ негодованіемъ посмотрѣлъ на него и крикнулъ еще разъ:

— На колѣни! Ты слыхалъ?

— Я слыхалъ,—сказалъ Роговъ, испытывая то странное, знакомое чувство, когда вмѣсто него говоритъ и дѣйствуетъ кто-то другой, и отъ этого Исидоръ продолжалъ ему казаться болѣе смѣшнымъ, чѣмъ страшнымъ.

— Я полагаю, что меня не мѣшало бы сначала выслушать, а потомъ уже возвышать такимъ образомъ голосъ,—прибавилъ онъ, стараясь говорить вразумительно и покойно.

— Я прошу меня не учить,—сказалъ владыка, сдѣлавъ шагъ къ Рогову.—Говорю тебѣ въ послѣдній разъ: на колѣни!

— Вы наслушались всякихъ сплетенъ.

Роговъ въ упоръ смотрѣлъ въ угреватое подслѣповатое лицо Исидора.

— Сплетенъ?

Исидоръ брезгливо и внимательно воззрился на Рогова.

— Ты говоришь: сплетенъ? Ты хочешь унизиться до того, чтобы начать увертываться?

Онъ схватилъ Рогова за руку и хотѣлъ сильно ее потрясти. Роговъ спокойно принялъ свою руку.

— Да, вы вѣрите сплетнямъ,—твердо сказалъ онъ.—Я виноватъ только въ томъ, что вчера былъ сильно выпивши, когда у меня былъ дядя Паисій. Да, въ этомъ я виноватъ... и въ томъ, что ему говорилъ. Я не оправдываю себя въ томъ, что былъ выпивши.

— Ага, выпивши?

Владыка не засмѣялся, какъ этого ожидалъ Роговъ. Онъ только вновь забѣгалъ по комнатѣ. Лицо у него сдѣлалось хмурымъ и озабоченнымъ.

«Осѣкся»,—злорадно подумалъ Роговъ. Вдругъ Исидоръ подошелъ къ раскрытому палою, поставилъ на него острые локти и, подперевъ обѣ щеки дрожащими худыми пальцами, поднялъ передъ собою высоко впередъ выцвѣтшіе бѣлесоватые глаза и неожиданно всхлипнулъ.

«Комедіи!»—подумалъ Роговъ, но уйти было нельзя, и съ жуткимъ чувствомъ онъ продолжалъ смотрѣть, какъ Исидоръ плачетъ.

Такъ прошло не менѣе пяти минутъ. Наконецъ, Исидоръ сказалъ слабымъ голосомъ, не измѣняя позы:

— Иди.

Роговъ посмотрѣлъ на него еще разъ, но тотъ, видимо, или молился, или притворялся, что молится. Роговъ повернулся и вышелъ. Затворивъ дверь, онъ остановился и болѣзненно перевелъ дыханіе. Исидоръ показался ему открытымъ и чистымъ человѣкомъ, котораго онъ сейчасъ такъ незаслуженно оскорбилъ. И ему вдругъ захотѣлось вернуться назадъ, упасть на колѣни передъ этимъ худенькимъ, изможденнымъ дѣйствительными духовными подвигами старичкомъ, такимъ далекимъ отъ міра, «апостольскимъ», по выраженію дяди Паисія, и разсказать ему искренно обо всемъ, что съ нимъ произошло. И онъ уже положилъ обратно ладонь на ручку двери, но ему внезапно представилось, какъ Исидоръ крикнулъ на него, когда онъ только что вошелъ, и опять ему стало страшно довѣриться этому другому, хотя бы даже и очень хорошему человѣку. Этого было нельзя, потому что Исидоръ все-таки будетъ судить со своей точки зрѣнія. Онъ бы, конечно, могъ больше, чѣмъ другіе... Старикъ казался ему все болѣе и болѣе хорошимъ, и было жаль, что нельзя было ему открыться.

Въ отдаленіи послышался опять тотъ же рѣзкій и властный звонокъ. Послышались торопливые шаги келейника. Надо было уходить. И было страшно и мучительно это сдѣлать. Но тотъ, другой человѣкъ, который имъ теперь все время владѣлъ, заставилъ его повернуться и пойти.

Въ сосѣдней комнатѣ Роговъ столкнулся съ келейникомъ, вопросительно на него посмотрѣвшимъ, и быстро вышелъ въ залъ, гдѣ все такъ же сиротливо коптила на стѣнѣ лампочка и въ слабо освѣщенномъ, натертомъ полу отражались драпировки молчаливыхъ оконъ и закутанная въ кисею люстра. Гулко и страшно раздались его шаги по паркету, и ему даже стало пріятно, когда онъ добрался до площадки и сталъ спускаться по мягкому ковру лѣстницы.

Вдругъ онъ услышалъ за собою вѣжливый задыхающійся голосъ вернувшагося отъ владыки келейника:

— Владыка васъ проситъ опять.

Роговъ почувствовалъ жаръ въ лицѣ и во всемъ тѣлѣ. Его охватили смущеніе и радость, и онъ торопливо опять поднялся по лѣстницѣ и почти побѣжалъ по залу.

«Я ему разскажу все»,—вдругъ рѣшилъ онъ, испытывая радостное трепетаніе въ груди.

Исидоръ дожидался его у раскрытой двери спальни. Роговъ остановился въ почтительномъ отдаленіи, стараясь разглядѣть лицо Исидора, которое было въ тѣни.

— Ну, подойди,—сказалъ владыка ласково,—и это не удивило сейчасъ Рогова, а, напротивъ, показалось, что такъ и должно было быть.

Роговъ приблизился, но боялся нагнуться и протянуть руки для принятія благословенія.

— Ничего, не бойся,—сказалъ Исидоръ, мягко улыбнувшись, и Роговъ подошелъ къ нему подъ благословеніе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—сказалъ отчетливо Исидоръ.—Прости меня.

Онъ обнялъ Рогова и они трсекратно, по-родственному, облобызались.

— И вы меня простите, владыко,—сказалъ, волнуясь, Роговъ.

— Мнѣ тебя прощать не въ чемъ.

Онъ ласково, по-отечески, обнялъ его за талію и подвелъ къ своему тощему одру.

— Вотъ тутъ и присядемъ. Ужъ ты меня извини. Я боленъ и никуда не выхожу изъ этой комнаты. Въ дорогѣ простудился. Хотѣлъ сегодня выѣхать въ первый разъ, да, кажется, не придется.

Роговъ посмотрѣлъ на сморщенную, точно иззябшую фигурку Исидора, и ему опять, съ новою силою, этотъ человѣкъ показался и близкимъ, и жалкимъ.

«Пусть будетъ, что будетъ»,—рѣшилъ онъ вновь съ тою же тайною радостью,—«но я ему разскажу все, какъ было».

Исидоръ молчалъ, продолжая обнимать его за талію и страдальчески-нѣжно глядя ему въ глаза, очевидно, въ ожиданіи того, что скажетъ Роговъ. Но Роговъ въ замѣшательствѣ молчалъ, и тогда владыка тихо произнесъ:

— Ну, говори.

— Это было... все, какъ разсказалъ вамъ дядя Паисій,—сказалъ Роговъ, и ему стало страшно и звуковъ собственнаго голоса и того, что онъ сдѣлалъ, сказавши.

Голову сдавило у висковъ, и похолодѣли руки и ноги. Непріятная дрожь поднялась къ горлу, но онъ сдержалъ ее и, стиснувъ зубы, поглядѣлъ на Исидора, но лицо того оставалось безъ измѣненія.

— Хотите, я разскажу вамъ все?

Роговъ отвернулся и опустилъ голову.

— Да, разскажи... конечно.

Исидоръ продолжалъ ласково обнимать его за талію.

Роговъ задумался. Когда онъ сейчасъ сюда шелъ, ему казалось такимъ легкимъ разсказать все, что было, но сейчасъ онъ опять видѣлъ, что это такъ трудно, что почти невозможно. И отъ этого онъ почувствовалъ, какъ напряженная краска опять ударила ему въ лицо.

— Ты меня не стѣсняйся... говори все,—отчетливо и какъ бы приказательно сказалъ Исидоръ.—Насъ тутъ только трое: ты, я, старый человѣкъ, стоящій одною ногою въ могилѣ,— и... Онъ.

— Я сейчасъ вамъ разскажу, владыко. Я не знаю, какъ это разсказать...

— Не зови меня владыкой,—попросилъ Исидоръ, поморщившись.—Я для тебя по-прежнему дядя.

Роговъ опять мучительно началъ обдумывать, съ чего начать свой разсказъ.

— Мнѣ она всегда нравилась,—сказалъ онъ, наконецъ, и подумалъ, что началъ свой разсказъ совсѣмъ не такъ.—Нѣтъ, не нравилась, а... Тутъ было нѣчто гораздо большее.

Онъ живо представилъ себѣ Таисію такою, какою она была для него въ то отдаленное время, и даже самъ удивился тому, что это когда-нибудь могло быть такъ. И это тянулось не одинъ день, а мѣсяцы и могло длиться годы. Ему вспомнилась тихая, величаво-свѣтлая обстановка уроковъ, милыя дѣвичьи лица и сама Таисія, которая была для него тогда только Саввинская. Неужели это могло быть? Сейчасъ оно казалось ему только сномъ.

— Это, все-таки, было только хорошее чувство,—сказалъ онъ еще разъ съ особеннымъ удареніемъ.—Вы мнѣ повѣрьте.

Исидоръ покачалъ головой, но ничего не сказалъ.

— Вы мнѣ не вѣрите, а это было такъ.

Роговъ недовольно сдвинулъ брови и замолчалъ. Ему сдѣлалось непріятно продолжать свой расказъ Исидору, когда тотъ не понимаетъ самаго главнаго. И это было даже оскорбительно.

— Ну, продолжай,—сказалъ Исидоръ.—Тебѣ самому будетъ легче, когда ты выскажешься.

Роговъ усмѣхнулся.

— Вѣдь я же понимаю, что вы мнѣ не вѣрите,—сказалъ онъ печально, и ему сдѣлалось досадно отъ того, что онъ расчувствовался и сидитъ сейчасъ здѣсь на архіерейской кровати.

— Отчего ты думаешь, что я тебѣ не вѣрю?—спросилъ Исидоръ.—Я тебѣ очень вѣрю... и ты мнѣ разсказывалъ все хорошо и какъ было... Я это вижу. Да, это бываетъ именно такъ... Я знаю. Ты не смущайся. Именно такъ. Грѣхъ, вѣдь онъ приходитъ какъ? Тихою стопою, незримо и сладостно... Онъ приходитъ всегда такъ... да, да...

— А я вамъ говорю, что это не былъ грѣхъ,—съ досадою возразилъ Роговъ.—Это было свѣтлое, чистое чувство... ну, скажемъ, какое можетъ быть къ дочери... да нѣтъ, даже лучше...

Роговъ посмотрѣлъ на лицо Исидора: понимаетъ ли онъ его? Глаза Исидора улыбались мягкими складочками, говорившими, что онъ хорошо понимаетъ заблужденіе Рогова и что св. отцы все это хорошо въ свое время предусмотрѣли.

— Именно, «даже лучше»,—сказалъ Исидоръ, весело улыбнувшись.—Вотъ онъ какъ приходитъ къ человѣку, а?

Роговъ, опустивъ голову, молчалъ. Ему было противно, и отъ этого его руками и ногами овладѣвала совершенно новая непріятная дрожь. Онъ осторожно поднялся съ кровати.

— Позвольте мнѣ уйти... Я знаю, что вы хотите мнѣ добра... Ну, сдѣлайте, что можете. Службу, я, конечно, оставлю... даже сниму священство... но хотѣлось бы для Зои и для дѣтей...

Онъ тяжело перевелъ духъ. Дрожь не унималась, и тѣснило въ вискахъ. Лицо Исидора, продолжавшаго сидѣть съ ласково-увѣренной улыбкой на кровати, было такъ оскорбительно-непонимающее, что дѣлалось невыносимо стыдно за сдѣланное только-что признаніе.

— Позвольте мнѣ уйти,—повторилъ онъ рѣшительно еще разъ.

Исидоръ продолжалъ покачивать головою, потомъ всталъ и лицо его приняло обыкновенное озабоченно-старческое выраженіе.

— Держать не могу,—сказалъ онъ.—Не думай, что осуждаю, но испытываю скорбь. Ты ввергся хуже, чѣмъ въ болѣзнь. Спаси тебя Христосъ. Гряди съ миромъ. А Зою успокой.

Онъ еще разъ особенно пристально оглядѣлъ Рогова.

— Печати я опасаюсь,—добавилъ онъ уже совсѣмъ дѣловымъ тономъ.—Ну, ужъ тебѣ, отецъ, придется, конечно, пострадать... Въ монастырь тебѣ придется... Не любитъ насъ печать.

— Я сниму санъ,—сказалъ Роговъ.

— Что-жъ, санъ... однимъ снятіемъ сана, быть можетъ, дѣла-то и не поправишь... Можетъ быть, гораздо больше потерпѣть придется, Алеша,—сказалъ онъ, называя его въ первый разъ по имени, какъ звалъ раньше, когда они съ Зоей, вскорѣ послѣ вѣнца, ѣздили къ нему гостить на двѣ недѣли во время лѣтнихъ каникулъ.

Сейчасъ онъ совсѣмъ не былъ похожъ на архіерея и выглядѣлъ просто старенькимъ, озабоченнымъ, добрымъ родственникомъ.

— Въ дѣло можетъ ввязаться судъ. Я хорошо понялъ этого о. Саввинскаго.

По лицу Исидора прошла гримаса отвращенія.

— Человѣкъ онъ вздорный, кѣмъ-то науськанный... Я вѣдь не понимаю вашихъ здѣшнихъ отношеній: кто и съ кѣмъ на ножахъ... Еще не разобрался. Ну, иди съ Богомъ. Соберись въ монастырь... Подгорецкій...

Роговъ облегченно вздохнулъ и улыбнулся.

— Это самое лучшее, дядя, что я отъ васъ сегодня услышалъ,—сказалъ онъ, готовясь подойти подъ благословеніе.— Мнѣ самому хочется куда-нибудь... Спасибо вамъ на добромъ словѣ.

Все-таки Исидоръ по-прежнему казался ему сейчасъ самымъ близкимъ для него человѣкомъ. Онъ наклонилъ голову и протянулъ руки. Тотъ опять перекрестилъ его широкимъ архіерейскимъ крестомъ. Но потомъ не выдержалъ и, порывисто и крѣпко обнявши, вдругъ опять расплакался.

— Эхъ, Алеша, Алеша... что, милый, стряслось съ тобой... А!

Онъ стремительно оторвался отъ него и пошелъ, ковыляя, къ своей кроваткѣ. Роговъ чувствовалъ, какъ слезы обильно залили ему лицо и, сбѣгая по усамъ, капали внизъ.

И, глядя на плачущаго дядю Исидора, онъ вдругъ уразумѣлъ удивительно отчетливо и остро, что съ нимъ случилось какое-то такое огромное и невыразимое въ словахъ, несчастіе, какого онъ еще себѣ не представлялъ и даже не могъ до сихъ поръ представить. Не двигаясь, онъ стоялъ на мѣстѣ, не въ силахъ ни пошевельнуться, ни что-либо сказать.

Исидоръ сдѣлалъ рукою слабое движеніе, означавшее, что онъ можетъ итти. Роговъ, стараясь мягче наступать, вышелъ.

Почти не помня себя, онъ прошелъ амфиладу полуосвѣщенныхъ комнатъ, спустился внизъ и, только очутившись на крыльцѣ, съ поднятымъ воротникомъ, отдалъ себѣ отчетъ во всемъ происшедшемъ.

— Разнѣжился!—подумалъ онъ съ досадой и темнымъ страхомъ.

Планъ, такъ хорошо задуманный съ утра, завершился ничѣмъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

«Теперь—монастырь», — думалось ему: — «Пустота и тишина окружныхъ полей... можетъ быть, лѣсъ и озеро, нѣсколько десятковъ грубыхъ и сонныхъ монаховъ, чтеніе на клиросѣ, тюря изъ кваса... и, главное, тишина!».

Да, это было лучше всего. Одуматься, оглядѣться!

Ему захотѣлось тотчасъ же, по возможности, завтра утромъ, уѣхать въ Подгорецкій монастырь. И было въ высокой степени безразлично, что подумаютъ и что скажутъ. Вѣдь, говорятъ уже и теперь, но, въ сущности, что же измѣнилось? Вѣдь, онъ идетъ все такой же, какой былъ. Измѣнилась точка зрѣнія на него другихъ, но не онъ самъ. И все остальное оста-

лось такимъ же, какимъ было: природа и люди. И все, въ концѣ-концовъ, суета суетъ: люди умрутъ, лицо земли измѣнится, и забудутся его, Рогова, страданія.

И даже такъ лучше. Онъ представилъ себѣ всю жизнь, какою она могла бы быть, если бы не случилось всего того, что случилось. Длинная цѣпь однообразныхъ дней съ неизбѣжною старостью впереди. Теперь, можетъ быть, жизнь пойдетъ на убыль немного скорѣе. Такъ не все ли равно?

Онъ поднялъ глаза къ темному дождливому небу, снялъ шляпу и провелъ рукою по волосамъ. Да, конечно, все равно. Мысль его на мгновеніе вернулась къ Исидору, и онъ ощутилъ вновь хорошія чувства къ старику.

На Архіерейской улицѣ, гдѣ онъ шелъ, только изрѣдка попадались одинокія фигуры прохожихъ. Вдругъ на противоположной сторонѣ онъ явственно увидѣлъ о. Саввинскаго, который быстро шелъ, размахивая, по привычкѣ, безтолково руками. За нимъ еле поспѣвала фигура женщины въ короткомъ пальто, съ головою, по-монашески укутанною платкомъ. Онъ мгновенно узналъ Таисію.

Отецъ и дочь о чемъ-то оживленно говорили. Роговъ остановился въ тѣни большого, скрывавшаго его фигуру, крыльца и сталъ ихъ наблюдать.

Несомнѣнно, они идутъ тоже къ владыкѣ, но дѣвушку онъ врядъ ли приметъ въ такой поздній часъ. Значитъ...

Роговъ почувствовалъ страхъ. Отецъ Саввинскій и Таисія постепенно скрылись изъ глазъ, а онъ все еще стоялъ, глядя имъ вслѣдъ. Потомъ перешелъ на другую сторону улицы и вдругъ, самъ не понимая, зачѣмъ это дѣлаетъ, пошелъ по направленію къ архіерейскому дому. И, чѣмъ дальше и быстрѣе онъ шелъ, тѣмъ болѣе у него выростала непреодолимая и радостная увѣренность, что сейчасъ онъ увидитъ ее лицомъ къ лицу. Все пережитое за эти дни опять казалось ему смѣшнымъ и ненужнымъ, и онъ только зналъ одно, что сейчасъ будетъ видѣть ее и говорить съ нею, и это сейчасъ самое главное и самое понятное.

Дѣйствительно, въ скоромъ времени въ полумракѣ показалась ея фигура. Наклонившись корпусомъ впередъ, она не

шла, а, скорѣе, бѣжала, легко перепрыгивая встрѣчавшіяся лужицы, и вдругъ сразу очутилась передъ нимъ.

— Тая, вы?

Точно все еще не довѣряя себѣ, онъ низко пригнулся къ ея испуганному лицу и крѣпко схватилъ ее за руки.

Но она не пробовала вырваться и только попросила его освободить ей лѣвую руку.

— У меня разорвана перчатка,—сказала она конфузливо и сунула руку въ высоко расположенный боковой карманъ.

Ея лицо было теперь спокойно и просто, и она только еще немного порывисто дышала, видимо, запыхавшись на бѣгу.

— Отчего вы, Тая, не хотѣли меня видѣть?

Она натянуто усмѣхнулась губами и подняла на него глаза.

— Такъ... у насъ было нельзя, неудобно...

Онъ хотѣлъ спросить ее о письмѣ, но былъ не въ силахъ. И къ чему? Вѣдь, она стояла передъ нимъ такая несомнѣнная, прежняя.

— Меня исключили? — спросила она опять такъ же просто, посмотрѣвши ему въ лицо: — Ольга Ивановна написала моему отцу, чтобы я больше не приходила. Вѣдь, правда, меня исключили?

— Почему?—сказалъ онъ:—Это еще неизвѣстно... все это пустое.

— Мой отецъ хочетъ подать въ судъ. Онъ сейчасъ пошелъ къ новому архіерею.

Она потупилась точно извиняясь за отца.

— Ну, а вы, Тая?

Онъ не выпускалъ по-прежнему ея руки изъ своей.

— Я?

Она опять натянуто улыбнулась губами.

— Какъ папа...

Опустивъ глаза, она продолжала стоять спокойно и неподвижно.

— Отчего вы, Тая, не захотѣли уѣхать со мною, какъ я васъ звалъ?

Она наморщила лобъ и нахмурилась.

— У васъ есть жена и дѣти.

— Но если я вамъ говорю, я обдумалъ.

Она отрицательно покачала головой.

— До свиданія. Мнѣ пора. Я теперь поступаю въ монастырь. Видите?

Она кокетливо блеснула глазами и тряхнула головою, повязанною по-монашески чернымъ платкомъ.

— Нѣтъ, намъ нужно говорить, Тая... или вы хотите, въ самомъ дѣлѣ, чтобы вашъ отецъ подалъ на меня въ судъ?

Она отрицательно покачала головою.

— Отчего вы, Тая, считаете меня дурнымъ человѣкомъ?

Она потупилась еще ниже.

— Я васъ не считаю.

Онъ опять хотѣлъ ей напомнить о письмѣ и опять не въ силахъ былъ этого сдѣлать.

«Вѣроятно, писала подъ диктовку или очень растерялась».

— Тогда почему вы мнѣ не вѣрите?

— Я вѣрю.

— Вы только такъ говорите.

Она усмѣхнулась, и въ этой усмѣшкѣ Рогову почудилось что-то враждебное.

— Всѣ такъ говорятъ, — прибавила она: — Дѣвушкѣ завсегда все можно сказать, вотъ говорите и вы... Ну, прощайте.

— Я васъ не отпущу, Тая.

— Нѣтъ, пожалуйста, пустите... мнѣ надо.

Она со страхомъ оглянулась назадъ.

— Такъ уйдемте отсюда, — предложилъ Роговъ: — Пойдемте на набережную. Тамъ сейчасъ хорошо, пусто.

Она весело и шаловливо сверкнула на него глазами.

— Пойдемте.

Оглядываясь, они перешли улицу и темными переулками, скользя ногами по лужамъ и грязи, быстро направились на набережную. Онъ поддерживалъ ее подъ руку. Она покорно ему подчинялась въ своихъ движеніяхъ.

— Тая, я не лгу вамъ, — торопливо говорилъ онъ, чувствуя, какъ ихъ сближаетъ опять каждый шагъ, каждое прикосновеніе.

— Я вамъ вѣрю, — сказала она тихо.

— Вы хотите быть моею женою?

— Да.

Онъ сжималъ ея руку около плеча, со страхомъ гоня отъ себя мысль о томъ, что было бы съ нимъ, если бы онъ ее сейчасъ не встрѣтилъ.

... На набережной они сѣли на ту скамейку, гдѣ когда-то онъ читалъ, а потомъ изорвалъ ея первое письмо.

— Значитъ, мы ѣдемъ, Тая?

Онъ подумалъ о Зоѣ и дѣтяхъ, и планъ уѣхать съ Таисіей сразу же представился ему неисполнимымъ. Но она сказала тихо и покорно:

— Да.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ, но она сама приложила ее къ нимъ, и это было вмѣстѣ мило и немного смѣшно.

Чувствуя, что онъ говоритъ не то, что надо, и не такъ, какъ надо, Роговъ, сбиваясь и путаясь въ словахъ, началъ развивать передъ нею планъ ихъ будущей поѣздки. Они поѣдутъ куда-нибудь въ незнакомый городъ, и онъ возьметъ себѣ какую-нибудь небольшую службу по письменной части или будетъ сотрудничать въ газетахъ. На первое время они снимутъ небольшую комнатку. Не правда ли? Она отвѣчала односложно:

— Да.

Здѣсь, на набережной, было почти совсѣмъ темно и дулъ холодный вѣтеръ. Таисія сидѣла, еще болѣе закутавшись, и ея лица ему почти не было видно. Влагая въ слова силу убѣжденности, онъ началъ ей говорить о томъ, что они постараются забыть все прошлое и начать новую, настоящую жизнь.

— Вѣдь, да? — спросилъ онъ ее, наконецъ. И хотѣлъ привлечь къ себѣ ея прямую неподвижную фигурку. Но она отстранилась и съ неожиданнымъ холоднымъ спокойствіемъ сказала:

— Ничего этого не будетъ.

Онъ рассердился.

— Зачѣмъ же вы говорили мнѣ все время: «да»?

— Такъ... Вы мнѣ говорите,—что же, мнѣ молчать? А только этого ничего не можетъ быть. У васъ—жена.

— Но, вѣдь, Тая, и вы теперь тоже моя жена.

Она засмѣялась, закрывши ротъ платкомъ.

— Значитъ, у васъ, выходитъ, теперь двѣ жены. Точно у мусульманъ.

— Глупо, Тая.

— Я и не лѣзу въ умныя, а только говорю, какъ есть. Одна жена у васъ настоящая, а я... такъ...

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она вырвала ее.

— Вы думаете, Тая, что я васъ обманываю?

— Нѣтъ, не думаю.

— Тогда я васъ не понимаю. Вы хотите быть моею настоящею и единственною женою?

— Ахъ, оставьте. Это все пустяки.

Нагнувъ голову и приложивъ ладони къ глазамъ, она начала потихоньку всхлипывать. И такою она сейчасъ была бѣдненькою, маленькою и жалкой здѣсь, сейчасъ, на этой скамейкѣ въ дождливый и холодный вечеръ, — и мало того жалкой, но въ то же время такъ отчетливо, ясно и умно понимающею свое положеніе, что Рогову сдѣлалось только стыдно, — стыдно и за то, что онъ говорилъ о поѣздкѣ въ незнакомый городъ, и за то, что онъ только что хотѣлъ ее обнять, и называлъ ее своею женою. Растерянный, онъ замолчалъ. И только раздавались въ тишинѣ ея мѣрныя и покорныя судьбѣ всхлипыванья.

И онъ болѣе не могъ и не смѣлъ ей лгать.

— Что же надо сдѣлать?—спросилъ онъ ее, серьезно и искренно.

— Я не знаю.

Она по-дѣтски отрицательно покачала головою. Они замолчали. И это молчаніе сказало имъ обоимъ, что изъ ихъ положенія нѣту никакого выхода.

— Я пойду, — сказала Таисія и встала.

Онъ опустилъ голову и попросилъ:

— Не уходите.

— Меня ждетъ отецъ. Онъ будетъ ругаться.

Роговъ молчалъ, не зная, что возразить на этотъ аргументъ, но понималъ, что не можетъ и даже не долженъ отпустить ее сейчасъ отъ себя. Онъ былъ взрослый и умный мужчина, и на его обязанности лежало сейчасъ найти выходъ изъ положенія и для себя, и для нея.

— Еще немного,—попросилъ онъ.

Она покорно сѣла.

И въ это рѣшающее мгновеніе своей жизни, перебравши мысленно всѣ возможные исходы и отвергнувъ ихъ, какъ плодъ болѣзненной ребяческой фантазіи, Роговъ остановился на Зоѣ.

Онъ не строилъ никакихъ опредѣленныхъ плановъ въ связи съ ея образомъ. Онъ только старался представить себѣ этотъ образъ возможно живѣе, выпуклѣе и глубже. Онъ припоминалъ малѣйшую подробность въ ея поведеніи и словахъ вчера и сегодня...

Наконецъ, онъ поднялся стремительно со скамейки. Таисія удивленно и вмѣстѣ покорно посмотрѣла на него.

— Тая,—сказалъ онъ, чувствуя, что онъ нашелъ какой-то дѣйствительный выходъ, но еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что намѣревается сдѣлать:—Тая, вы должны будете, вы не можете этого не сдѣлать. Вы должны завтра прійти опять сюда и въ это же время. Теперь, навѣрное, десять часовъ. Вы придете?

— Хорошо.

— Тая, вы не придете.

Его голосъ упалъ, руки и колѣни охватила страшная слабость, и въ душу закрался мучительный страхъ.

— Тая, вы не придете. Я это знаю.

— Нѣтъ, я же вамъ сказала, что приду.

Она съ любопытствомъ вытянула шею.

— Я приду.

— Нѣтъ, вы не придете.

Онъ опустился на скамейку, стараясь овладѣть мыслями и чувствами. Онъ хорошо зналъ, что не далѣе, какъ завтра, въ этотъ же часъ, будетъ сидѣть здѣсь одинъ, напрасно ожидая ее, которая почему-то не придетъ.

Почему? Но развѣ онъ зналъ, почему.

— Теперь мнѣ пора, — сказала Таисія и встала опять.

Въ голосѣ ея слышалась улыбка. Быть можетъ, ей льстило то, что онъ, такой большой, солидный человѣкъ, еще такъ недавно ея инспекторъ, такимъ образомъ волнуется за нее.

— Приду же, приду,—повторила она еще разъ и протянула ему кончики пальцевъ безъ перчатки. Они были холодные, какъ ледъ, и онъ испугался, не простудилась ли она на холодномъ рѣчномъ вѣтру.

Онъ проводилъ ее до ближайшаго угла и еще разъ трепетно пожалъ ея холодные пальчики. Ему хотѣлось сказать ей еще разъ, чтобы она приходила, но онъ не зналъ, какъ это лучше сдѣлать, и только сказалъ тихо и съ мучительною грустью:

— Тая... вѣдь, да?

— Приду, — опять твердо сказала она тѣмъ успокоительнымъ тономъ, какимъ говорятъ взрослые съ маленькими дѣтьми.

Онъ не могъ смотрѣть, какъ она начала быстро отъ него удаляться, и отвернулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Когда онъ вернулся домой, Зоя сама выбѣжала на звонокъ отворить ему дверь.

— Какъ ты поздно, — сказала она и, видимо, хотѣла спросить еще о чемъ-то, но не посмѣла.

Въ ея лицѣ его привлекло новое выраженіе застывшаго страха. Вѣроятно, она долго плакала въ его отсутствіи, а потомъ, подъ вечеръ, выплакавши всѣ слезы, застыла въ холодномъ и мучительномъ ожиданіи неизвѣстнаго. Онъ замѣтилъ, что она, то и дѣло, вздрагивая, оглядывалась на него.

Онъ молча прошелъ въ кабинетъ и началъ тамъ ходить, не рѣшаясь начать съ нею разговора и слушая, какъ она собирала ему ужинъ.

— Что?—сказала Зоя, подойдя къ двери.

Онъ посмотрѣлъ съ недоумѣніемъ на нее.

— Прости. Мнѣ все кажется, что ты мнѣ что-то говоришь. У меня сегодня весь день странный звонъ въ ушахъ. Я себѣ не нахожу мѣста. Была у папы съ мамой, привезла дѣтей. Они только что угомонились. Иди ужинать.

Роговъ опять хотѣлъ съ нею заговорить, и опять его остановило это новое выраженіе растерянного, застывшаго ужаса въ ея лицѣ. Впрочемъ, онъ и самъ еще не зналъ, что можетъ ей сказать. Онъ только отчетливо понималъ, что они оба дол-

жны найти сейчасъ въ себѣ мужество, онъ—сказать, а она—выслушать всю правду. Ужасно было то, что каждый изъ нихъ троихъ почему-то молчалъ и не говорилъ всей правды: молчала Таисія, молчалъ онъ, и, наконецъ, теперь, молчала Зоя. И отъ этого выходило такъ, что за всѣхъ нихъ троихъ все рѣшала какая-то посторонняя сила.

Хотя Рогову не хотѣлось ѣсть, онъ сѣлъ къ столу. Взглядъ его упалъ на графинчикъ съ водкой. Теперь водку отъ него рѣшили не прятать. Въ этомъ было что-то наивно-жалкое.

Онъ не сталъ пить. И машинально взялъ протянутую тарелку съ ѣдою.

Дѣло ясное: Зоя примирилась съ происшедшимъ. Ея мечта, — возвратъ къ прошлому; вѣроятно, съ теченіемъ времени, она все хорошо и основательно забудетъ. Если она сейчасъ чего боится, то это того, какъ переживетъ все это онъ. Было бы напрасно убѣждать ее въ чемъ-нибудь другомъ.

Роговъ съ отвращеніемъ положилъ вилку. Она тотчасъ же поймала это его движеніе.

— Леша, ты бы, все-таки, съѣлъ что-нибудь.

Онъ не отвѣтилъ. Она опять хотѣла что-то спросить, вѣроятно, насчетъ визита къ дядѣ Исидору, и не посмѣла. Было бы самое лучшее, напримѣръ, сказать ей сейчасъ же, что онъ разсказалъ Исидору всю правду, но было такъ же ясно, что это совершенно безполезно. И оттого онъ продолжалъ молчать. Страхъ въ ея глазахъ усилился безпокойствомъ.

— Отчего ты мнѣ ничего не скажешь, Леша?

Преодолѣвая въ себѣ отвращеніе, онъ сказалъ:

— Послѣзавтра я долженъ ѣхать въ Подгорецкій монастырь.

Она не поняла.

— Зачѣмъ?

Онъ промолчалъ. Вдругъ ей сдѣлалось все ясно.

— Я не понимаю дяди,—сказала она, обиженно покраснѣвъ и стараясь что-то уяснить:—Я пойду къ нему утромъ завтра сама.

Роговъ раздраженно усмѣхнулся. Онъ понималъ, что она не можетъ чувствовать и поступать иначе. Точно также и Таисія. Если бы онъ захотѣлъ сдѣлать счастливою Зою, онъ дол-

женъ былъ бы предоставить Таисію итти ея путемъ. И обратно: если бы онъ захотѣлъ спасти Таисію, то ему нужно было бы спокойно и увѣренно уничтожить Зою. Сейчасъ онъ смутно подчиняется интересамъ Зои, и, что бы онъ ни говорилъ, Таисія это хорошо понимаетъ своимъ женскимъ инстинктомъ.

— Отправить тебя въ монастырь, это значитъ—дать лишній козырь въ руки этой мерзкой дѣвченкѣ и ея негодяю-отцу, — сказала, волнуясь, Зоя: — Я не могу понять, какъ могъ дядя послѣ всѣхъ его обѣщаній прійти къ такому гнусному рѣшенію. Но ты, Леникъ, не безпокойся: я буду у него завтра съ мамой.

— Почему ты называешь Саввинскаго негодяемъ?—спросилъ Роговъ, раздражаясь: — Всякій отецъ поступилъ бы на его мѣстѣ совершенно такъ же. Я Саввинскаго уважаю и сожалѣю, что обошелся съ нимъ несправедливо и грубо.

Зоя молчала, опустивъ глаза.

— Но, вѣдь, ты же самъ называлъ его шантажистомъ.

— Да, именно называлъ.

Зоя съ удивленіемъ и страхомъ посмотрѣла на него.

— Я тебя не понимаю, Леникъ.

— А я понимаю тебя и всѣхъ васъ. Если въ васъ есть хоть капля справедливости, вы должны были бы выразить свое сочувствіе и участіе о. Саввинскому. Онъ можетъ быть пьяницей, пропащимъ человѣкомъ, но онъ оскорбленъ въ своихъ чувствахъ, какъ отецъ, и даже просто, какъ человѣкъ. Но вы ополчились противъ него, и это, дѣйствительно, гадко.

Роговъ поморщился. Она, соображая, подняла брови.

— Все-таки, я не понимаю тебя, Леникъ.

— Зато я понимаю тебя.

— Но не ты ли самъ утверждалъ сегодня утромъ, что это шантажъ?

— Ну, а если бы о. Саввинскій былъ введенъ въ заблужденіе?

— Тогда бы я сказала, что негодяйка его дочь.

— А если бы оказался негодяемъ я?

— Я должна тебѣ вѣрить, потому что я твоя жена. Ты же самъ хотѣлъ этого.

Зоя выпрямилась, лицо ея приняло то особенное застывшее,

каменѣлое выраженіе, которое онъ замѣтилъ у нея по своемъ приходѣ.

— Во всякомъ случаѣ, если бы во всей этой исторіи оказался замѣшаннымъ ты, все-таки, она осталась бы негодяйкою. Ахъ, оставьте, пожалуйста! Мы, женщины, гораздо лучше знаемъ другъ друга. Обыкновенная развратная дѣвченка. Такихъ, по моему, просто надо стрѣлять, какъ бѣшеныхъ собакъ.

Она плотно сжала губы и сдвинула брови.

— И ты не думай, что я, хоть сколько-нибудь, способна ее жалѣть. Все равно, было ли это или нѣтъ... и даже тѣмъ меньше, если бы это дѣйствительно было. Если не было, то, значитъ, она просто пожелала гадко солгать... значитъ она просто мелкая дрянь, даже и не шантажистка... шантажистъ ея отецъ (о, что бы ты ни говорилъ, это у него на лицѣ написано!)... А если бы она сказалась на самомъ дѣлѣ способной вторгнуться въ семью, разрушить счастье мужа и жены, поднять руку на невинныхъ дѣтей, тогда за это — одно наказанье; колесовать!

Она налила въ стаканъ холодной воды и съ усиліемъ заставила себя выпить. Остатками помочила лобъ.

— Прекрасно, я знаю, ты будешь защищать ее, т. е. не ее (извини, я оговорилась), а вообще такихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какая страдалица и какъ это поэтично: полюбила женатаго человѣка! Но пусть бы подумала о женѣ: что должна переживать несчастная обманутая жена? Что пережила я! (Прости, теперь все это прошлое, и я могу говорить относительно спокойно). Это вами не принимается въ расчетъ. Кажется, было бы легче, если бы кто-нибудь пришелъ и сталъ медленно вытягивать изъ меня жилы, рѣзать кожу и сдирать со спины ремни... нѣтъ, достаточно... я бы, Леникъ, убила себя, если бы ты меня оставилъ. И это я не обманываю тебя, не рисуюсь. Понимаешь, я это рѣшила твердо. Но когда ты ласково заговорилъ со мною и улыбнулся... помнишь, тогда... послѣ моего обморока... я поняла, что ты меня все-таки любишь... Я тебя послѣ даже ударила (Зоя мечтательно усмѣхнулась), но это же такой вздоръ. Если бы я тогда не увидѣла по твоимъ глазамъ, что ты меня все-таки любишь, развѣ я сдѣлала бы это? Мнѣ хотѣлось сдѣлать тебѣ физическую боль. И съ тѣхъ поръ я успокоилась, какъ это ни дурно, можетъ

быть, и ни странно. И сейчасъ я спокойна. Знаешь, какъ я спокойна? Если бы весь міръ пришелъ и сказалъ бы мнѣ, что все это не такъ, я бы только улыбнулась.

Она смахнула съ глазъ слезинки, но тотчасъ же справилась съ волненіемъ.

— Если хочешь, я сейчасъ даже счастлива. Я поняла, какъ тебя люблю и чѣмъ обладаю.

И она, дѣйствительно, радостно, сквозь слезы улыбнулась.

Роговъ смотрѣлъ на нее, сдерживая непріятную дрожь въ рукахъ и груди.

— Это гадко, по-животному,—сказалъ онъ вдругъ, чувствуя, что теряетъ власть надъ собою, отстранилъ тарелку и всталъ.

Зоя посмотрѣла на него съ выраженіемъ того самаго испуга, который былъ у нея сегодня на лицѣ, и отъ этого Рогову сдѣлалось еще болѣе гадко.

— Человѣкъ долженъ оставаться человѣковъ, — продолжалъ онъ, относя свои слова одинаково къ себѣ и къ ней, и эта мысль внезапно ему понравилась:—Этого нельзя забывать.

Ему страстно захотѣлось разсказать ей всю правду, чего бы это ни стоило. Онъ подошелъ къ ней и положилъ ей руку на плечо. Она вытирала чайную чашку полотенцемъ и упрямо смотрѣла внизъ. Плечомъ она сдѣлала движеніе, чтобы освободиться отъ его руки.

— Оставь, Леша. Ты меня не понимаешь и незаслуженно оскорбляешь своими словами.

Она почувствовала, что его рука дрожитъ, и поэтому подняла на него глаза. Въ нихъ изобразилась прежняя тупая жалость. И все ея полное, неподвижное лицо, которое онъ видѣлъ сейчасъ такъ близко, было совершенно непроницаемо въ этой противной смѣси слѣпого эгоизма и комичнаго участія къ состоянію его здоровья.

— Эхъ,—сказалъ онъ и, махнувъ рукою, стремительно вышелъ.

———

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Придя къ себѣ въ кабинетъ, онъ старательно отыскалъ ключъ отъ двери, давно безъ употребленія валявшійся на книжномъ шкафу, и заперъ дверь, съ удовольствіемъ услышавъ, какъ звучно щелкнулъ замокъ.

Оставшись одинъ, онъ громко сказалъ:

— Ну, хорошо.

Потомъ, постоявши еще немного неподвижно у двери, прибавилъ уже вполголоса, точно давая самому себѣ окончательный отвѣтъ:

— Я убью себя.

Онъ услышалъ явственно собственный шопотъ. И еще разъ вдумался въ значеніе этихъ словъ. Онъ постарался себѣ представить, что это значитъ, что онъ можетъ себя убить. Это значитъ, старался онъ себѣ объяснить, что его не будетъ.

Онъ внимательно осмотрѣлъ комнату и находившіеся въ ней предметы, но все-таки не могъ себѣ этого представить. Тогда его мысль перешла на то, какимъ образомъ онъ можетъ сдѣлать то самое, чего онъ не можетъ представить и что его въ то же время освободитъ. Это было понятнѣе.

Онъ потрогалъ шею, потомъ разстегнулъ слегка воротъ и охватилъ шею и горло съ обѣихъ сторонъ пальцами, крѣпко нажалъ, такъ что стало больно и что-то напряглось и запульсировало въ лицѣ и, въ особенности, у глазъ.

— Вотъ такъ.

Но это не было страшно, а скорѣе, даже хорошо.

Онъ постарался представить себѣ Таисію. Вѣдь и ей отъ этого будетъ тоже только хорошо. Тогда уже будетъ для всѣхъ ясно, что она его только жертва. Да, это такъ. И его даже удивило, какъ, въ сущности, все просто и хорошо слагается для него и для всѣхъ.

— Леникъ, отвори. Зачѣмъ ты заперся?—услышалъ онъ испуганный голосъ Зои.

А какъ это будетъ для нея? Ему хотѣлось сообразить и это и онъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ.

Она забарабанила въ дверь.

— Леникъ, милый, отвори. Я не могу этого видѣть. Отвори сейчасъ же. Иначе я не отвѣчаю за себя. Слышишь, Леша? Я тебя прошу объ этомъ въ послѣдній разъ. Я сдѣлаю все, что ты хочешь, только отвори.

Досадуя, что она не даетъ ему подумать, онъ повернулъ ключъ. Зоя стояла въ дверяхъ, блѣдная, негодующая.

— Что это значитъ, Леша? Къ чему эти запиранья дверей? Ты меня доведешь Богъ знаетъ до чего.

Она широко распахнула дверь и вошла, потомъ судорожно взяла его за руки и стала внимательно и преданно смотрѣть ему въ глаза .

— Что сдѣлать, Леша? Научи же меня. Я готова. Только не требуй того, что свыше моихъ силъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Если еще есть въ твоемъ сердцѣ жалость, Леша... Я обращаюсь къ тебѣ, какъ къ Богу. Вѣдь я же ни въ чемъ не виновата. Ты припомни, какъ я любила тебя. Зачѣмъ же ты тогда женился на мнѣ? Вѣдь ты же зналъ, какая я. И что же я могу теперь сдѣлать, что?

Она выпустила его руки и стала ломать свои.

— Ну, пощади же меня, Леша. Подумай наконецъ, о дѣтяхъ. Пойдемъ къ нимъ.

Она обхватила его за талію и потащила въ дѣтскую. Онъ, не противясь, пошелъ за нею.

Она осторожно пріоткрыла въ дѣтскую дверь, и его охватило тепломъ жарко натопленной лежанки, дѣтскимъ запахомъ и трепетнымъ сіяніемъ зелененькой лампадки.

— Вотъ они, наши дорогія, — сказала Зоя, поднявъ на него глаза, полные слезъ и нѣжной ласки: — Ты подумай: вѣдь это мы съ тобой ихъ родили... Леникъ, я такъ боюсь... Мнѣ все думается, что ты задумалъ что-то страшное... Поклянись мнѣ, Леникъ, что ты ничего не сдѣлаешь съ собою: скажи мнѣ... да?

Онъ нашелъ глазами личико Володи, точно восковое или мертвое, и нагнулся послушать, дышитъ ли онъ. Она усмѣхнулась.

— Это такъ, отъ лампадки... Смотри, какъ здѣсь хорошо, Леникъ. Здѣсь съ нами точно ангелы Божіи.

Онъ повернулъ голову въ сторону Лизиной кровати. Дѣ-

вочка спала на боку и громко сопѣла носикомъ. У нея были большія темныя рѣсницы, отъ которыхъ на закрытыя глаза ложилась тѣнь. Когда она выростетъ большая (Роговъ постарался представить себѣ ее большой), она будетъ такая же, какъ всѣ.

Ему сдѣлалось жаль обоихъ дѣтей и страшно за нихъ, и онъ поднялъ въ тоскѣ голову.

— Ну, вотъ видишь,—сказала Зоя крѣпко его полуобнявъ за спину:—А ты падаешь духомъ.

У нея въ лицѣ была та самая, особая гордость и самоувѣренность женщины-самки, которая ему была такъ хорошо знакома по лицамъ всѣхъ матерей.

«Что же, она, навѣрное, переживетъ»,—подумалъ онъ.

— Теперь пойдемъ ко мнѣ, — сказала Зоя. — Ты давно не былъ у меня. Ты меня совсѣмъ забылъ, Леникъ. Ну же, пойдемъ. Вотъ такъ. Припомни, какъ мы съ тобой были когда-то счастливы... вотъ въ этой самой комнатѣ.

Въ комнатѣ было темно и холодно.

— Это оттого, что я отворяла форточку. Сейчасъ удивительно холодныя ночи. Ну, садись, Леша. Сегодня ты долженъ быть моимъ гостемъ. Хочешь?

Онъ покорно сѣлъ на стулъ. Она присѣла къ нему на одно колѣно и обхватила руками за шею.

«Ну, что же, пусть,—рѣшилъ онъ:—Можетъ быть, такъ должно»...

Можетъ быть, она что-нибудь сдѣлаетъ съ нимъ. Вѣдь себѣ онъ больше не принадлежитъ.

— Леша, неужели?—сказала, наконецъ, Зоя послѣ долгаго молчанія.

Она приложила свободную руку ко лбу и такъ долго опять сидѣла.

— Нужели это возможно?

Онъ не спросилъ: что? «Это» означало, вообще, все и, прежде всего, то, что онъ могъ бы ея не любить.

Она судорожно обняла его за шею и прижалась къ его щекѣ жаркимъ и влажнымъ лицомъ.

Онъ не шевелился, радуясь тому, что въ комнатѣ было темно. Иначе онъ бы не могъ скрыть выраженіе отвращенія въ лицѣ.

Зоя нашла жадными губами его губы и прильнула къ нимъ въ забытьи. Ей казалось, что она сдѣлала все возможное и теперь только нуждалась въ наградѣ.

Онъ постарался деликатно отвести свои губы.

— Нѣтъ, Леникъ, нѣтъ. Я хочу.

Съ необузданной силой она обхватила его и прижалась къ нему всѣмъ тѣломъ. И онъ такъ же внезапно почувствовалъ, какъ въ немъ мимовольно поднимается отвѣтное темное и грязное желаніе. Мгновеніе онъ сопротивлялся, ужасаясь тому, что это можетъ случиться. Но она застыла въ одномъ и томъ же непреоборимомъ движеніи, близкая къ обмороку, раскрывшаяся передъ нимъ въ одномъ безстыдномъ желаніи.

Чувствуя, какъ нехорошо пульсируютъ виски, и сохраняя непріятную и поразительную ясность въ сознаніи, онъ поднялъ ее и грубо отнесъ и уложилъ на постель. Было попрежнему темно, и только чуть свѣтлыми контурами выдѣлялись занавѣшанныя окна.

...Утомленная, она заснула. Стараясь ея не разбудить, онъ тихо отвелъ ея теплую руку, лежавшую у него на плечѣ и всталъ.

И какъ только онъ всталъ, гадливое чувство, все время имъ владѣвшее, усилилось до нестерпимости.

Онъ осторожно отворилъ дверь, вздрогнувъ, когда она заскрипѣла (къ счастію Зоя не проснулась), и крадучись пошелъ на кухню. Тамъ у печки, сзади, онъ зналъ, была протянута крѣпкая, но не толстая веревка. Онъ началъ нащупывать и шарить въ темнотѣ, ощущая жаръ нагрѣтаго кирпича, запахъ тряпокъ и слыша, какъ шуршатъ разбѣгающіеся черные тараканы.

Веревка была затянута крѣпкими узлами и не поддавалась. Онъ попытался вырвать гвозди, но они также держались крѣпко.

— Кто тамъ?—спросилъ голосъ Марфы.

Онъ не отвѣтилъ и притаился.

— Господи Іисусе,—сказала она изумлялась:—Матушка, это вы?

Но въ это время одинъ изъ гвоздей поддался. Вытащивъ

его и обмотавъ веревку вокругъ ладони, онъ началъ вытаскивать другой.

Марфа кряхтя и степенно поднялась съ постели и стала зажигать лампу. Когда сдѣлалось свѣтло, Роговъ съ шумомъ вытащилъ и другой гвоздь. Полураздѣтый, онъ крикнулъ Марфѣ:

— Я раздѣтъ, не подходи ко мнѣ.

Но она была уже возлѣ, угадывая происходящее.

— И, батюшка, я—старуха, ништo мнѣ. А вотъ веревочку, дитятко, пожалуй. Нехорошо.

Она ухватила цѣпкими пальцами веревку.

— Отдай, батюшка, отдай... стыдно.

Онъ хотѣлъ вырвать у нея веревку, но потомъ подумалъ, что теперь уже безполезно, такъ какъ она все равно помѣшаетъ.

— Дура ты,—сказалъ онъ:—Пусти, мнѣ надо. Ты себѣ привяжешь другую.

— Не дамъ. Кричать буду, батюшка, сейчасъ крикомъ всѣхъ подыму. Пусти руку.

Она стала разматывать его руку.

— Надо мнѣ,—сказалъ онъ еще разъ смущенно:—Что ты выдумала? Мнѣ просто такъ понадобилась веревка.

— Зачѣмъ? Стыдно вамъ. Вѣдь, вы, батюшка, священникъ. Вѣдь нѣшто можно такъ?

Она грубо вырвала остальную часть веревки изъ его рукъ и, сердито свернувъ ее, отошла отъ него съ ворчаніемъ.

Помолчавъ, онъ попросилъ:

— Только не говори, Марфа, матушкѣ. Она спитъ.

— Какъ такъ: «не говори»? Сейчасъ же пойду разбужу. Небось, выспится. Супругъ-то какое дѣло затѣялъ... Дѣтокъ не пожалѣлъ. А?

Она хотѣла бѣжать въ комнаты. Онъ приперъ дверь и не пустилъ старуху.

— Батюшка, пусти. Сдѣлай ты милость, опомнись.

— Я опомнился, Марфа. Туши лампу и ложись спать.

Старуха дрожала всѣмъ тѣломъ, и ему стало ея жаль. И, кромѣ того, было противно отъ сознанія, что ему помѣшали. Было стыдно и того, что онъ здѣсь, на кухнѣ, и того, что онъ по-

луразденъ, и того, что все это видѣла Марфа, и страшно, что сейчасъ можетъ проснуться и все узнать Зоя.

— Марфа, ты не говори и не кричи,—сказалъ онъ шопотомъ:—Если ты скажешь и она узнаетъ... когда-нибудь, тогда уже я навѣрное... Сейчасъ я больше не стану. Противно стало. Вотъ тебѣ крестъ.

Онъ перекресился.

— Ну, коли такъ, вѣрю,—сказала старуха.—Иди, батюшка, сосни.

Она погладила его по спинѣ.

— Какъ извелся, сердешный. А ты плюнь на все. Право. Стоитъ изъ-за такой пакости...

Она плюнула.

Роговъ пріотворилъ дверь и прислушался. Въ темнотѣ кто-то шелъ босыми ногами.

— Зоя, это ты?

Марфа съ ворчаніемъ погасила лампочку.

— И когда все это кончится, право?... Вотъ по грѣхамъ нашимъ.

Зоя, въ одной сорочкѣ, стояла въ дверяхъ, касаясь его грудью.

— Что съ тобой, Леникъ?

Голосъ у нея былъ заспанный и недовольный.

— Ты нездоровъ?

— Такъ, болитъ голова...

Она хотѣла обнять его за талію. Онъ отстранилъ ея руку.

— Прости,—сказала она виновато.

Онъ пошелъ съ нею въ спальню и легъ опять вмѣстѣ на ихъ брачное ложе. Зоя молчала и боялась къ нему прикоснуться, только укрыла его сверху потеплѣе ватнымъ одѣяломъ.

Онъ лежалъ, не шевелясь, испытывая униженіе и страдая, что ему помѣшали.

Онъ заснулъ не сразу и все просыпался, вздрагивая. И каждый разъ Зоя, не спавшая и лежавшая все время, какъ онъ догадывался, съ открытыми глазами, спрашивала его:

— Что съ тобой? Спи.

Постепенно онъ заснулъ тяжелымъ, обморочнымъ сномъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Кто-то вошелъ и, постоявши или посмотрѣвши, вышелъ. Инстинктивно, сквозь сонъ, онъ почувствовалъ, что это не Зоя, и оттого окончательно открылъ глаза.

Было свѣтло. Въ корридорѣ, за дверью спальни, прошли тяжелые, скрипучіе, скорѣе всего мужскіе шаги.

Онъ поднялся на постели и со стыдомъ прислушался. Говорилъ въ отдаленіи, дѣйствительно, чей-то мужской голосъ. Тестя.

Роговъ легъ на спину и началъ обдумывать свое положеніе. За ночь онъ чувствовалъ себя отдохнувшимъ, бодрымъ физически, но совершенно не способнымъ что-нибудь предпринять.

И оттого было такое ощущеніе, точно онъ лишній, или какой-то не настоящій. Надо было одѣваться, но было неизвѣстно: зачѣмъ? Поэтому онъ оставался лежать, удивляясь самъ своему состоянію и спокойно обводя глазами окружающіе предметы.

Наконецъ, въ корридорчикѣ опять послышались чьи-то незнакомые шаги, но на этотъ разъ, скорѣе женскіе. Опять отворилась дверь, и выглянуло внимательное лицо тещи.

Замѣтивъ, что онъ не спитъ, она сказала: «ахъ, виновата!» и тотчасъ же притворила дверь.

Роговъ понялъ, что за нимъ наблюдаютъ. Значитъ, стало извѣстно.

На мгновеніе онъ закрылъ глаза и полежалъ такъ, соображая, хорошо это или плохо, что стало извѣстно, но и этого сообразить не могъ и потому снова раскрылъ глаза и продолжалъ такъ лежать.

Болѣе всего ему сейчасъ хотѣлось ѣсть, и онъ рѣшилъ одѣться, но было непріятно выйти ко всѣмъ, и оттого онъ обрадовался, когда вошла Зоя.

— Какъ твоя голова?—спросила она:—Можетъ быть, ты полежишь сегодня въ постели, а я тебѣ подамъ кофе и завтракъ сюда?

Онъ согласился, хотѣлъ спросить, зачѣмъ пришли теща и тесть, но было лѣнь спросить, и онъ промолчалъ.

— Папа и мама пришли тебя провѣдать,—сказала она, точно угадавъ его мысли:—Въ городѣ тебя очень жалѣютъ...

всѣ отказываются вѣрить. Тамъ тебѣ есть три письма. Одно изъ нихъ я по ошибкѣ распечатала. Ты прости меня.

Она вышла и черезъ нѣсколько минутъ вернулась, неся подносъ съ кофе и письма.

Онъ попросилъ дать ему умыться и поднять шторы. Два письма были въ одинаковыхъ голубыхъ конвертахъ и адресованы однимъ и тѣмъ же ломающимся, полудѣтскимъ почеркомъ. Одно изъ нихъ было вскрыто Зоей (вѣроятно, намѣренно, потому что почеркъ былъ ученическій). Третье письмо въ бѣломъ конвертѣ. На всѣхъ письмахъ марки мѣстныя.

— А гдѣ же газета?—спросилъ онъ, нѣсколько удивленный, что она не подала ему вмѣстѣ съ письмами и газету.

Она отвѣтила не сразу:

— Не знаю... газеты почему-то сегодня нѣтъ.

Смотрѣла растерянно. Онъ понялъ, что это означаетъ. Кровь разомъ ударила въ голову.

— Нѣтъ, право, Леникъ, не подавали почему-то.

— Пошли купить.

Приподнявшись, онъ началъ читать письма.

Руки его тряслись и сердце судорожно билось.

— Въ сущности, не все ли равно?—удивился онъ самъ себѣ.

— Не волнуйся только пожалуйста,—попросила его Зоя:— Ты бы сначала поѣлъ.

Но онъ уже не слышалъ ея, погруженный въ чтеніе.

Въ надорванномъ конвертѣ заключалось коллективное письмо за многочисленными подписями. На первомъ мѣстѣ, внизу подъ письмомъ, стояла рѣшительная и крупная, немного дѣтскими каракулями, подпись Покровской (какой, однако, у нея неряшливый непріятный почеркъ!) Впрочемъ, тѣми же небрежными каракулями, только болѣе мелкими, было нацарапано и все остальное письмо: очевидно, это она же была его иниціаторомъ и вдохновителемъ. Онъ прочелъ слѣдующее:

«Глубокоувожаемый и дорогой наставникъ! Искренно любимый и почитаемый нами всѣми Алексѣй Федоровичъ!

Прошелъ слухъ, что Вы, глубокоуважаемый Алексѣй Федоровичъ, собираетесь насъ покинуть вслѣдствіе причиненныхъ Вамъ непріятностей одною *личностью*. Во всякомъ слу-

чаѣ, мы просимъ Васъ повѣрить, что мы безусловно на Вашей сторонѣ. Мы очень скорбимъ, что, лишившись Васъ, останемся безъ Вашего руководительства. Вы всегда умѣли будить лучшія струны нашей души, указывая намъ путь къ самоусовершенствованію. Вы были искренны и прямы. Въ Васъ не было лжи. Вы никогда, не шли на сдѣлки со своею совѣстью. *Нѣкоторыя* жаловались на Вашу рѣзкость, но онѣ сами виноваты, такъ какъ *отличаются двуличностью*. Въ заключеніе выражаемъ надежду, что Вы, дорогой наставникъ, насъ не покинете и будете продолжать и впредь среди насъ Вашу плодотворную дѣятельность».

Прочитавъ послѣднюю фразу, Роговъ сначала усмѣхнулся, потомъ почувствовалъ, какъ краска залила ему лицо и шею. Что это? Насмѣшка или глупость? Онъ еще разъ перечиталъ письмо сначала.

«Нѣтъ, это глупость»,—наконецъ, рѣшилъ онъ: — «Вѣрнѣе, безграмотность, чортъ знаетъ что».

Онъ прочиталъ подписи. Присова и Гавгамельская отсутствовали. И опять ему сдѣлалось остро стыдно и больно.

Съ отвращеніемъ, онъ отложилъ письмо въ сторону, потомъ подумалъ, изорвалъ и бросилъ подъ кровать.

Другое письмо, заадресованное тѣмъ же почеркомъ, было, очевидно, отъ Покровской. Онъ подумалъ, не лучше ли разорвать и его, не читая, потомъ все-таки рѣшилъ прочесть и вскрылъ конвертъ.

— Пишу къ Вамъ,—прочелъ онъ:—Со мной только моя одинокая лампа въ ночной мглѣ (въ данный моментъ я нахожусь въ отпускѣ, у папы) и мои мысли. Я знаю все, что произошло съ Вами и мучусь нестерпимо. Вѣдь это же ложь, ложь!! Я не ожидала отъ Таисіи такого подлаго поступка... Правда, она всегда была немного ограничена, но я вѣрила въ ея сердце. Теперь на этомъ крестъ. И надо всѣмъ, вообще, крестъ. Что это за люди, Боже мой? И какъ же послѣ этого можно жить? Но я все-таки хочу и буду жить. Скажите мнѣ, Алексѣй Федоровичъ. искренно и откровенно: неужели же люди будутъ такъ всегда ничтожны и пошлы? Мнѣ кажется, что это оттого, что современные люди—трусы. У нихъ нѣтъ смѣлости быть порядочными. Они не хотятъ сами отвѣчать за свои поступки и

всегда ищутъ на кого-бы свалить всю отвѣтственность. У насъ въ обществѣ говорятъ: «Саввинская несовершеннолѣтняя». Но это, конечно, страшный вздоръ. Я—тоже несовершеннолѣтняя, но я уже давнымъ-давно отдаю себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Совершенно напрасно насъ считаютъ за такихъ маленькихъ: на самомъ дѣлѣ, мы всѣ уже давно взрослыя. Конечно, намъ выгодно представляться маленькими, мы и представляемся. И какія мы теперь, такими уже останемся навсегда. Не могу, впрочемъ, вполнѣ ручаться за другихъ: о другихъ я, въ данномъ случаѣ, сужу по себѣ. А я вполнѣ взрослая и во всей этой исторіи разбираюсь очень хорошо, и, думаю, правдиво. Ваше несчастіе въ томъ, что Вы полюбили не стоющее Васъ существо. Но это несчастіе временное. Вы забудете ея неблагодарность и найдете другихъ, Васъ болѣе достойныхъ. Я убѣждена, что такія есть или же непремѣнно будутъ. Если бы я могла подумать, что женщины, вообще, такъ плохи, или, что я такая же, я бы отравилась.

Не падайте же духомъ, глубокоувожаемый Алексѣй Федоровичъ. Ваша жизнь нужна. Среди насъ Вы единственно искренній и честный человѣкъ.

Признательная Вамъ за Ваше доброе отношеніе Клавдія Покровская.

Дрожащими отъ волненія пальцами онъ вложилъ письмо обратно въ конвертъ и спряталъ его подъ подушку. Теперь ему было стыдно того, что онъ изорвалъ коллективное письмо дѣвочекъ. Онъ грязно ихъ заподозрилъ.

Откинувшись на подушки, онъ сталъ представлять себѣ лицо Покровской, некрасивое, въ пятнахъ, съ небрежной прической волосъ, и то, какъ она всегда стоитъ, выставивъ одну ногу колѣнкой впередъ. Милая! У нея зеленоватые, умные, такіе серьезные, спрашивающіе глаза. Да, конечно, это она повліяла на подругъ. И только она. Остальныя—стадо, всѣ такія же, какъ Таисія. И почему Таисія такая же, какъ всѣ?

Онъ представилъ себѣ упрямый наклонъ ея головы и ограниченную рѣшительность сужденій: «У васъ жена, дѣти». Когда она была съ нимъ, она подчинялась его волѣ. Ея волею могъ распоряжаться всякій, съ кѣмъ она была въ данный моментъ.

Роговъ ощутилъ тоску. Теперь все сдѣлалось для него такъ

ясно, какъ ясно и то, что сегодня вечеромъ она не придетъ на условленное мѣсто, на набережную, не можетъ прійти. И такою, какая она есть сейчасъ, она останется на всю жизнь. Другою она не можетъ быть, и Покровская права. Только это съ ея стороны не подлость, и въ этомъ Покровская не права. Она—такая же, какъ Зоя и всѣ. Сейчасъ она еще очень молода. Почти дѣвочка. Но она уже такая.

Къ тоскѣ присоединилась злоба. Онъ повернулся ничкомъ и такъ лежалъ, потомъ вдругъ вспомнилъ про третье, не дочитанное письмо. Конвертъ, на первый взглядъ, казался пустымъ, точно не наполненнымъ. Онъ быстро разорвалъ его и, пошаривъ внутри пальцами, вынувъ маленькую газетную вырѣзку:

— Отъ нашего корреспондента. *Маленькій Мацохъ*. Городъ взволнованъ романическою исторіею, въ которой замѣшанъ одинъ изъ видныхъ представителей мѣстнаго духовенства. Передаютъ, что онъ обманомъ завалъ къ себѣ на квартиру воспитанницу одного изъ мѣстныхъ средне-учебныхъ заведеній и, когда она, ничего не подозрѣвая, явилась, сдѣлалъ ей гнусное предложеніе. Дѣвушка отказалась наотрѣзъ, и была изнасилована, въ чемъ и призналась отцу. Исторія эта, между прочимъ, изобилуетъ цѣлымъ рядомъ пикантныхъ потребностей, такъ какъ дѣвушка—воспитанница одного изъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Родными указаннаго духовнаго лица и лицами, близко къ нему стоящими, какъ говорятъ, предпринятъ рядъ шаговъ, чтобы всю эту исторію затушевать. Возможно, что они и успѣютъ въ этомъ, хотя отецъ обезчещенной дѣвушки человѣкъ, по отзывамъ знающихъ его лицъ, несокрушимой воли и энергіи и рѣшилъ не складывать оружія, пока насильникъ не будетъ изобличенъ. Исторія типичная для нашего времени. Впрочемъ, по слухамъ, виновное лицо до окончанія слѣдствія отстраняется отъ должности и высылается въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей епархіи.

— Прислали-таки, —услышалъ Роговъ надъ собою голосъ тестя:—Незримый другъ... Брось, не стоитъ разстраиваться.

Онъ протянулъ Рогову руку для пожатія и присѣлъ сбоку на постель.

— Я уже былъ у владыки.

Онъ многозначительно посмотрѣлъ на Рогова поверхъ очковъ. Роговъ усмѣхнулся.

— Владыка надѣется усовѣстить о. Саввинскаго. Да. Этотъ о. Саввинскій—ужасный дуракъ: онъ губитъ репутацію собственной дочери. О тебѣ и о твоемъ поступкѣ владыка судитъ не со свѣтской точки зрѣнія, а какъ нѣкій мужъ духовный. Да. Всѣ мы во грѣхѣ, главное, скверно то, что ряса да инспекторство твое тутъ замѣшалось. А будь, скажемъ, это какая-нибудь горничная, и—молчокъ. Кто въ этомъ, я тебя спрошу, не грѣшенъ? Вотъ хотя бы членъ суда Хоботковъ: сколько онъ всякихъ этихъ перепортилъ: и горничныхъ и гувернантокъ. И женатый и имѣетъ дѣтей. И жаловались на него, и денегъ сколько онъ переплатилъ. А, да онъ одинъ ли? Надо только умѣть...

Онъ нагнулся къ уху Рогова и сказалъ циничную фразу.

Роговъ усмѣхнулся.

— Гадко это

Но тесть добродушно смѣялся.

— Пріунылъ, братъ, ты, пріунылъ. Лучше вставай да обсудимъ одно предложеніе, дѣлаемое тебѣ владыкою.

— Оставьте, папа,—сказала Зоя, входя:—Пусть онъ лучше лежитъ. Смотрите: онъ на что похожъ. Лежи, пожалуйста, Леникъ.

— Ну, пусть лежитъ. Только ты, красавица, выйди, а мы потолкуемъ промежду четырехъ глазъ.

Недовѣрчиво посмотрѣвъ на обоихъ, она сказала:

— Только я заявляю, со своей стороны, что несогласна, чтобы Леша продолжалъ служить, хотя-бы и въ другой епархіи, на той же должности. Я теперь поняла, какая это грязь.

— Выйди,—сказалъ ей строго тесть.

— Я этимъ, Леникъ, вовсе не хочу тебя оскорблять. Ты пойми. Ну, хорошо. Я уйду.

Она медленно вышла и нерѣшительно притворила за собою дверь.

Роговъ молча лежалъ, безучастно ожидая, что скажетъ тесть.

— Дѣло въ томъ,—сказалъ тотъ, дѣловито понизивъ голосъ, что владыка не находитъ вовсе невозможнымъ твой переходъ на службу въ другую епархію. Онъ вѣритъ въ твою иск-

ренность, и ты могъ бы на другомъ мѣстѣ совершенно себя реабилитировать. О. Саввинскій, конечно, не станетъ раздувать всей этой исторіи. Да.

Роговъ усмѣхнулся.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ тесть, внимательно вглядываясь въ него.

Роговъ не отвѣтилъ. Все, что ни говорилъ тесть, казалось ему безконечно далекимъ и совершенно не относящимся къ главному.

«Придетъ или нѣтъ?» — думалось ему о Таисіи: — «Если придетъ, то, значитъ, все это не такъ. Значитъ, она не такая. Она временно подчинилась чужому вліянію, но потомъ, когда оглядится, станетъ сама собою».

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ думалъ сейчасъ же другое:

«Нѣтъ, она — не Покровская. Она — рядовая, и такою она уже останется на всю жизнь».

И ему опять дѣлалось гадко и страшно оттого, что Таисія такая. Онъ представлялъ себѣ ея внѣшность, ея голосъ, и ему не хотѣлось вѣрить своему печальному выводу, но выводъ былъ необходимъ.

— Онъ говоритъ, что ты раскаялся и обѣщалъ ему, что никогда ничего подобнаго съ тобою не повторится, — уловилъ Роговъ машинально слова тестя и понялъ, что это, должно быть, говорилъ Исидоръ.

Онъ отрицательно покачалъ головою и безъ цѣли, такъ что потомъ пожалѣлъ, сказалъ тихо:

— Нѣтъ, я не раскаялся.

— Ну, тогда... гляди самъ... Да.

Тесть въ недоумѣніи развелъ руками. Въ лицѣ его появилось недоброжелательство.

— А насчетъ миссіонерства твое какое мнѣніе?

— Какого миссіонерства?

— Значитъ, ты меня не слушалъ? Владыка предлагаетъ тебѣ служить по миссіонерству. Онъ обѣщаетъ тебѣ составить протекцію.

— А въ монастырь мнѣ когда ѣхать?—спросилъ Роговъ.

— Въ монастырь? Это временно отложено... Такъ какъ же? Ты подумаешь насчетъ миссіонерства?

— Хорошо, подумаю.

Тесть всталъ и неодобрительно покачалъ головою.

— Ну, Христосъ съ тобою. Лучше бы ты, все-таки, всталъ. Да.

— Я сейчасъ встану... когда вы уйдете...

— Ну, Христосъ съ тобою.

Онъ вышелъ. Роговъ изорвалъ газетную замѣтку и зарылся головой въ подушки, натянувъ одѣяло на голову. Его билъ мелкій ознобъ, и хотѣлось вскочить и бѣжать.

«Это письмо и всѣ эти ненужныя посѣщенія»,—подумалъ онъ:—«суета суетъ».

Такъ лежалъ онъ еще долго, стараясь вернуться къ тому ровному и невозмутимому состоянію, въ которомъ проснулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Съ наступленіемъ сумерекъ ему захотѣлось встать и одѣться. Онъ стремительно поднялся и началъ старательно совершать туалетъ потребовавъ чистое бѣлье, долго и основательно мылся, точно собираясь куда-то съ важнымъ визитомъ. И его приготовленія интересовали всѣхъ въ домѣ.

Наконецъ, Зоя не выдержала и спросила:

— Куда ты?

— Къ Исидору,—отвѣчалъ онъ просто и естественно, даже самъ удивившись тому, какъ онъ ловко умѣетъ лгать.

Но она не повѣрила.

— О чемъ же ты съ нимъ собираешься говорить?

— Это мое дѣло.

— Я, Леникъ, пойду съ тобою.

Онъ разсердился.

— Нѣтъ, ты не пойдешь.

— Леникъ, я боюсь отпустить тебя одного.

Она сказала это съ рѣшительнымъ отчаяніемъ въ голосѣ. Отвернувшись отъ нея, онъ усмѣхнулся. Они продолжаютъ его стеречь. Но это ничего не значитъ: онъ все равно уѣдетъ.

Роговъ одѣлся и вышелъ въ столовую. Тамъ сидѣла теща за кипящимъ самоваромъ и пила чай. И этотъ самоваръ и чай не во-время тоже были смѣшны. Похоже было на то, что она сидѣла тутъ весь день и дежурила, точь въ точь, какъ тогда, когда Зоя въ послѣдній разъ рожала: такъ же весь день стоялъ и кипѣлъ самоваръ, и она сидѣла за нимъ съ тою же серьезною и важною миною.

Роговъ потеръ руки и, усмѣхнувшись, спросилъ:

— Что, мамаша, чаи гоняете?

Ея рука застыла съ чашкою въ воздухѣ, и она растерянно посмотрѣла на зятя: какъ слѣдуетъ отнестись къ его словамъ?

— Не надо унывать, мамаша. Вѣрно? Ну-ка-сь, налейте-ка и мнѣ черепушку.

Онъ еще разъ усмѣхнулся, радуясь, что ему такъ хорошо удается разыгрывать роль веселаго.

Она повѣрила, и лицо ея прояснилось.

— Ну, что, выспался? — спросила она воркующимъ старческимъ баскомъ, ощупывая зятя подозрительно прищуренными глазками.

Въ скрюченныхъ противно пальцахъ она держала дымящуюся папиросу, изъ которой по временамъ затягивалась.

— Выспался, мамаша. Теперь пойду гулять, да вотъ Зоя одного не пускаетъ.

Теща, соображая, помолчала.

— Отчего же она тебя не пускаетъ?

— Говоритъ, чего-то боится.

Теща опять подумала и, разогнавъ передъ собою табачный дымъ, сказала:

— Нервы. А ты куда хочешь итти? Или, такъ просто, думаешь пройтись?

Осторожно, чтобы не смотрѣть на него, она опустила глаза, дѣлая видъ, что тушитъ въ пепельницѣ окурокъ папиросы.

— Къ владыкѣ,—сказалъ онъ, нарочно величая его по чину, а не по имени, зная, что это доставитъ ей удовольствіе.

Дѣйствительно, она оживилась.

— Съ какой стати ты его такъ зовешь? Для насъ онъ просто Исидоръ. И то слишкомъ много чести. Я его зову просто: Вячка, Вячеславъ. Стану я съ нимъ церемониться... О чемъ

ты хочешь съ нимъ говорить? Я просто ему прикажу, и дѣло въ шляпѣ.

— Ну, не все вы ему можете приказать.

— Рѣшительно все. Стану я съ нимъ церемониться. Да ты разскажи мнѣ, въ чемъ дѣло.

Онъ сдѣлалъ видъ, что нахмурился.

— Нѣтъ, я нахожу нудобнымъ для себя пользоваться вашей протекціей.

— Чудакъ. Я вѣдь не навязываюсь. Я думала только, что наше дѣло родственное.

Онъ, не отвѣчая, побарабанилъ пальцами по столу. Взглянувъ на него еще нѣсколько разъ со вниманіемъ, она встала изъ-за стола и пошла къ Зоѣ: навѣрное, говорить съ нею.

Рогову стало непріятно, что онъ ее обманулъ. Слышно было, какъ онѣ въ сосѣдней комнатѣ о чемъ-то упорно спорили.

— Не хочу,—сказалъ упрямый голосъ Зои, и ему стало ея жаль.

«Она не согласится»,—подумалъ онъ.

Препирательство женщинъ продолжалось. Наконецъ, Зоя вышла.

— Мама говоритъ, что это не хорошо, что я хочу провожать тебя къ дядѣ Исидору. Хорошо, ты иди одинъ, но только ты долженъ вернуться черезъ часъ.

Онъ помолчалъ, потомъ сказалъ:

— Мнѣ тамъ больше дѣлать нечего.

— Если ты не придешь черезъ часъ, я сама за тобой приду.

Онъ усмѣхнулся и всталъ. И пока онъ одѣвался въ передней, солидно выправляя сзади волосы, надѣвая шляпу и отыскивая трость, онѣ обѣ (онъ это хорошо видѣлъ) со сдержаннымъ страхомъ и страданіемъ смотрѣли на него.

На дворѣ было еще вполнѣ свѣтло и по-лѣтнему тепло. Онъ разстегнулъ рясу и подставилъ грудь и лицо ласковому вѣтру. И было такъ легко, просто и понятно. Есть обстоятельства, изъ которыхъ нѣтъ и не можетъ быть выхода. И тогда человѣкъ просто отдается теченію и силѣ вещей.

На мгновенье стало опять до боли жаль Зою, и вспомнилось ея испуганное выраженіе, съ которымъ она сейчасъ его провожала.

«Но я же, все-равно, сейчасъ вернусь къ ней», — успокоилъ онъ себя, рѣшивъ, что сейчасъ только немного пройдется, а позднѣе выйдетъ второй разъ, чтобы ожидать на набережной Таисію.

Выходя изъ воротъ на улицу, онъ неожиданно услышалъ громкія восклицанія, поднялъ голову и увидѣлъ движущуюся ленту воспитанницъ, выведенныхъ на прогулку. Онѣ шли тѣсною, компактной массой, медленно, точно лѣниво передвигая въ тактъ ногами, и лица ихъ, живыя, выразительныя, смѣющіяся, точно хотѣли оторваться отъ общей неподвижности и неповоротливости этой тяжкой, неуклюжей, текучей массы. Послѣ первыхъ восклицаній неожиданности наступило молчаніе. Пара, за парой, мелькая мимо него, онѣ значительно, но негромко здоровались съ нимъ и, низко наклонивъ голову, проходили мимо. Кто-то попробовалъ воскликнуть:

— Отчего васъ такъ долго не видно?

Но восклицаніе было тотчасъ же покрыто негодующимъ шиканьемъ остальныхъ. И онѣ проходили мимо него, обнявшись за руку другъ съ дружкой, строгія и понимающія всю важность протекающаго момента, посылая ему свой послѣдній прощальный взглядъ.

Мелькнула самая послѣдняя взрослая пара, и позади напыщенная фигурка Введенской, которая прошла молча, вздернувъ голову съ краснымъ лицомъ на высокой глупой шеѣ. Она слегка кивнула головой, но такъ, что трудно было разобрать, поправляетъ ли она воротникъ пальто, или, на самомъ дѣлѣ, кланяется.

Роговъ не отвѣтилъ ей, какъ отвѣчалъ дѣвочкамъ, и она покраснѣла и надулась еще больше.

Онъ постоялъ еще съ полминуты, глядя вслѣдъ удаляющемуся молчаливому дѣвическому каравану. Нѣсколько лицъ обернулись на него, точно въ испугѣ или удивленіи, и темная, густая человѣческая лента продолжала двигаться, неподвижная и тяжелая внизу, веселая и жизнерадостная наверху.

«Онѣ похоронили меня»,—подумалъ онъ и пошелъ такъ же медленно въ противоположную сторону.

Ему хотѣлось непремѣнно дождаться условленнаго съ Таи-

сіей вечерняго часа. Теперь онъ уже зналъ, что изъ этого не выйдетъ ничего, но хотѣлось опредѣленнаго конца.

Дойдя до набережной, онъ остановился, и не пошелъ дальше, такъ какъ она была запружена по случаю хорошей погоды, гуляющими. Изъ-за рѣки доносился тихій и ласковый монастырскій звонъ, мягкій оттого, что проносился надъ широкою водною гладью. Публика гуляла съ задорною, чисто человѣческой безпечностью, и было въ этомъ веселіи что-то наивно-грубое и скучное. Скучное потому, что оно повторялось и будетъ повторяться изо дня въ день, изъ года въ годъ.

И вдругъ пришла сначала лукавая, а потомъ странно-грустная мысль: вмѣшаться въ эту толпу, походить среди нея, погулять, посмотрѣть. По понятіямъ этихъ людей, онъ «долженъ теперь сидѣть дома и прятаться». Онъ «долженъ бояться».

Каждый изъ нихъ, если бы попалъ въ такое положеніе, непремѣнно боялся бы даже высунуть наружу свой носъ.

Рогову стало противно. Почему человѣкъ, въ его положеніи, долженъ во что бы то ни стало прятаться? Прятаться — это значитъ — признать себя виновнымъ. А если онъ не признаетъ себя таковымъ, то, значитъ, это просто ложный стыдъ. А разъ ложный стыдъ, то...

Онъ пошелъ, пересѣкая площадь, по направленію къ набережной.

Да и, вообще, что такое стыдъ? Это — понятіе слишкомъ условное. Не надо дѣлать дѣйствій, безстыдныхъ явно, грубопошлыхъ, цинично-откровенныхъ, но стыдиться того, чего стыдиться глупо принято, это — безсмыслица.

Чего онъ, собственно, «стыдится» сейчасъ, вступая на тротуаръ набережной? Вѣдь вовсе не того, что онъ сдѣлалъ что-нибудь не такъ, какъ надо. Это знаетъ его совѣсть. А того, что вотъ кто-то, всѣ эти гуляющіе, будутъ на него «смотрѣть» и думать и говорить между собою, что онъ поступилъ не такъ, какъ надо, съ ихъ точки зрѣнія. И прекрасно. Они будутъ «смотрѣть» и «думать», а онъ будетъ «ходить». Они будутъ думать одно, а онъ будетъ знать другое. Что же изъ того? Почему же онъ не долженъ ходить между ними? Потому что онъ съ ними не согласенъ? Значитъ, всякій обязанъ быть согласенъ съ ними? Но почему? Какой вздоръ.

— Позвольте пройти, — попросилъ онъ густымъ басомъ тѣсно стоявшую у входа группу мужчинъ и дамъ.

Онъ видѣлъ сначала просто повернутыя къ нему съ извиненіемъ лица, потомъ отразившееся въ нихъ удивленіе и испугъ. Чувствуя себя чѣмъ-то вродѣ безплотнаго видѣнія, онъ прошелъ съ непріятнымъ чувствомъ во рту мимо. И только слышалъ тяжелый шумъ собственныхъ шаговъ. Ага, испугались!

И странно: почему онъ все-таки волнуется? Кто суть они? Толпа губернскаго города, гуляющая по набережной — и только! Пройдутъ года, и по этой набережной пойдутъ новыя толпы, пойдутъ люди, которые думали такъ-то или такъ-то и потомъ исчезли. Вѣдь это нужно понять... Какая хорошая, успокоительная мысль.

Онъ вглядывался въ лица, изъ которыхъ, впрочемъ, большинство не узнавало его. Но если бы даже они и узнали всѣ, то почему, если они станутъ на него смотрѣть, то онъ долженъ почему-то страдать? Они, которые, въ конечномъ итогѣ, такіе же сонъ и прахъ, прелесть и суета!

И если онъ твердо рѣшилъ умереть, то это, во всякомъ случаѣ, не потому, что онъ убоялся ихъ косыхъ взглядовъ.

Голосъ съ лѣвой стороны:

— Но это уже, простите, нахальство!

Впрочемъ, сказавшій уже торопится пройти мимо. Роговъ нарочно находитъ его глазами и внимательно провожаетъ. Это — господинъ въ котелкѣ и съ краснымъ галстукомъ. Замѣтивъ пристальный взглядъ Рогова, онъ горбится и отворачивается. Роговъ идетъ дальше. Ему дѣлается странно-весело.

— Гдѣ? Гдѣ? Это — онъ? Вотъ этотъ?

Скрытое движеніе гдѣ-то возлѣ, сзади. Роговъ благодушно оборачивается. Они хотятъ его видѣть? Онъ можетъ себя имъ показать.

Отступаютъ. Это — молодыя дѣвушки съ ихъ кавалерами. Онъ видитъ въ ихъ лицахъ глупую смѣсь жалости и возмущенія, потомъ дерзкаго злобнаго вызова. Какъ онъ смѣетъ такъ «смотрѣть»? Такъ смотрѣть смѣютъ теперь только они. Ему хотѣлось улыбнуться, но нѣтъ, тогда его примутъ за пьянаго. И къ чему? Онъ долженъ ихъ только игнорировать. Сонъ и прахъ!

Роговъ нарочно садится на скамью, чтобы быть постоянно лицомъ ко всѣмъ проходящимъ. Вотъ такъ.

Теперь мимо него, кажется, устраивается импровизированное гулянье. Какъ это, должно быть, пріятно для нихъ имѣть это право безнаказанно хохотать ему сейчасъ откровенно въ лицо. Внимательно онъ вглядывается въ проходящихъ. Въ чемъ тутъ сладострастіе? Вспоминая себя, какимъ онъ былъ (потому что вѣдь теперь его уже нѣтъ), онъ думаетъ, что не могъ бы находить для себя удовольствія въ этомъ.

Но у Рогова нѣтъ злобы противъ нихъ. Напротивъ, онъ прощаетъ. Ему только невыразимо больно. Зачѣмъ? Вѣдь это же такъ безполезно. Они осуждаютъ? О, тогда, скорѣе камень въ руку! По ветхозавѣтному обычаю. Камень, это — судъ. Пусть неправый, но — судъ. Зачѣмъ же такъ, изъ-за угла?

Онъ жадно смотритъ вокругъ. Чуть скользящія усмѣшки, приподнятыя брови, отравленные мелкою трусливою злобою взгляды. Пройдя мимо, они опять оборачиваются назадъ. Имъ кажется, что они еще что-то пропустили въ его фигурѣ. Потомъ глаза суживаются.

— Смотритъ, смотритъ!

Новая волна. Или это ему только такъ кажется? Это — бредъ его разстроеннаго воображенія? Раскинувъ руки по спинкѣ скамьи, онъ грозно поднимаетъ голову.

Кто-то говоритъ:

— Какой отталкивающій.

Глухой хохотъ. Нѣтъ, онъ больше не можетъ прощать. Съ надеждою онъ смотритъ вокругъ. Но лица свертываются, прячутся. Люди идутъ, непріятно поворачивая спины. О, камня! Протяните же руку, нагнувшись внизъ! Ихъ столько подъ ногами у васъ...

Охватываетъ ужасъ. Роговъ встаетъ со скамьи, стараясь преодолѣть его. Или онъ уже, дѣйствительно, сошелъ съ ума? Оглядывается вокругъ, смотритъ за рѣку, откуда продолжаетъ падать тихій монастырскій звонъ.

— Смотрите, смотрите: идетъ..

Но Рогову странно еще не хочется уходить. Можетъ-быть, онъ не насытился еще этимъ смѣхомъ, этими мелкими проявленіями колющей злобы? Раздвигая гуляющихъ, онъ пробирается

впередъ, все впередъ. Ему хочется непремѣнно добраться до моста и только тогда повернуть обратно. Когда онъ движется, тогда его ненавидятъ больше. Какъ онъ смѣетъ здѣсь «ходить»?

Натыкается на толпу гимназистовъ и гимназистокъ. Они держатся за руки. Что-то точно вродѣ облавы. Не спѣша размыкаютъ цѣпь, почти передъ самою его грудью. Въ личикахъ молчаливая, тупая жестокость. Какъ легко видѣть, что они изъ поколѣнія въ поколѣніе повторяютъ своихъ матерей и отцовъ. «Молодость»... Какое обманчивое слово!

Цѣпь юныхъ, неловкихъ рукъ вновь замыкается за его спиной и поворачиваетъ назадъ, вслѣдъ за нимъ.

Онъ оборачивается и мгновеніе смотритъ. Можетъ-быть, ему хотѣлось бы зарыдать? Но вмѣсто слезъ мучительная судорога сводитъ челюсти. Сухими глазами всматривается въ молодыя лица. Хотѣлось бы еще крикнуть имъ:

— Вы, юные, поднимите же свой камень. Вѣдь у васъ, вы говорите есть убѣжденія?

О, тогда онъ имъ простилъ бы. Даже больше: поднялъ бы его, этотъ камень, и поцѣловалъ бы.

Но въ толпѣ сдержанное тыканье. Откуда-то изъ задняго ряда. Встаетъ сначала, какъ шорохъ, какъ жужжаніе. Потомъ медленно растетъ, складывается въ слова:

— Ж-ж, ж-ж! Рыжій! Рыжій!

Насупленныя брови, исковерканные злобою рты. Усмѣхаясь, идетъ прямо на нихъ. Разсыпаются, таютъ. Кто-то задерживаетъ ему одну полу рясы. Онъ гнѣвно оборачивается. Хохотъ. Свистокъ. Это называется:

— Его освистали.

Молодежь выполнила «свою общественную функцію». Завтра, навѣрное, объ этомъ будетъ въ газетахъ. Будутъ писать о дерзости и наглости «гордо разгуливающаго порока». И теперь ему кажется, что онъ вдругъ понимаетъ, что такое газеты. Газеты, это—чтобы было просто, и вмѣстѣ неуловимо. Газеты вотъ для нихъ. Газеты... О, насколько величественнѣе и честнѣе ветхозавѣтный законъ!

Печально качаетъ головой.

Но теперь, кажется, довольно? Онъ смотритъ на часы. Душа, кажется, насытилась, насколько это было возможно. Уже

почти стемнѣло. Онъ слышитъ въ близкомъ отдаленіи голоса:

— П'демъ, п'демъ!

Что-то волнуется и движется. Что-то разсыпается и напирает. И вдругъ онъ слышитъ опять свѣжіе, молодые голоса:

— Вонъ, вонъ...

Говорятъ залпами, напирая. Давятъ массою. Это — что-то отвратительное, безвидное.

— У! У!..

Хочется поднять руку, чтобы съ омерзеніемъ оттолкнуть, ударить. Но въ это время спокойно-вѣжливый голосъ говоритъ:

— Господа, разойдитесь, пожалуйста...

Это — полицейскій приставъ.

— Батюшка, есть до васъ небольшое дѣльце... Разрѣшите?

Онъ беретъ подъ козырекъ. У него спокойное, предупредительное лицо. Вѣдь это — его ремесло.

— Пожалуйста, разойдитесь же, господа.

Онъ не любитъ повторять свои приказанія по нѣскольку разъ. Вотъ такъ. Они идутъ вмѣстѣ съ набережной.

— Безусловно, — говоритъ приставъ, — городъ всегда полонъ разныхъ неоснованныхъ слуховъ... Публика, вообще, неосновательна и крайне легковѣрна. Но вамъ лучше гулять по другимъ улицамъ... Безусловно... или же...

Онъ сдержанно смѣется.

— Вотъ отсюда вы можете теперь спокойно дойти до дому... Я очень сожалѣю о происшедшемъ.

Вѣжливо усмѣхается и, не протягивая руки, корректно прикладываетъ пальцы къ козырьку фуражки:

— Честь имѣю-съ.

Чуть звякаютъ шпоры...

Но теперь скоро уже конецъ. Какъ хорошо!

...Когда Роговъ вернулся домой, Зоя встрѣтила его притворно-спокойнымъ вопросомъ:

— Ну, что?

— Потомъ, — сказалъ онъ: — Впрочемъ, я вѣдь еще не былъ. Я пойду позднѣе.

Ему хотѣлось поскорѣе остаться одному. Только сейчасъ въ комнатахъ онъ чувствовалъ, какъ горитъ лицо.

— Только ты, пожалуйста, не затворяйся въ кабинетѣ, —

попросила Зоя, подозрительно его оглядѣвъ.

Изъ столовой доносился голосъ тещи. Она разговаривала съ Марфой: значитъ, все еще дежурили.

«Теперь уже скоро».

Вдругъ ему захотѣлось сказать что-нибудь ласковое Зоѣ. Онъ подошелъ къ ней и обнялъ ее.

— Ну...

Та умоляюще посмотрѣла на него.

— Я такъ боюсь за тебя, Леникъ.

— Ничего, — сказалъ онъ.

Онъ старался выдавить изъ себя хотя бы еще слово и не могъ.

— Ничего, — повторилъ онъ и похлопалъ ее по плечу.

Молчала и она. Она страдала тоже, и тоже не находила словъ.

— Тоска! — сказала она, и мучительно, съ накипавшими слезами, подвигала въ стороны головою: — Но ты не обращай на меня вниманія.

Онъ постоялъ еще немного и пошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ сидѣлъ у стола, притворяясь, что разбираетъ бумаги, вынулъ нѣкоторыя письма и перечитывалъ. Но все было такое ненужное и скучное. Подходила и уходила Зоя, приносила ему чай.

Въ восемь часовъ онъ поднялся вновь. Въ столовой все было тихо: очевидно, обѣ женщины ушли въ спальню. Онъ подумалъ съ мгновенье и рѣшилъ одѣться и выйти тайно. Стараясь осторожно ступать, прошелъ въ переднюю и, улыбаясь, одѣлся. Упала трость и громко застучала. Онъ торопливо ее поднялъ и, не застегиваясь, выбѣжалъ на крыльцо, и уже оттуда позвонилъ, чтобы заперли дверь.

Погода продолжала оставаться тихой и теплой. Онъ выбѣжалъ радостно, точно школьникъ, за ворота и поспѣшилъ нанять стоявшаго тутъ же извозчика.

— За городъ, въ монастырь, — приказалъ онъ ему.

Но, не доѣзжая Большой улицы, велѣлъ повернуть и ѣхать опять къ набережной, у моста. Тамъ онъ слѣзъ, расплатился, и началъ ходить.

Мостъ высоко висѣлъ надъ мелко струившейся и темной

водой. Перегнуться пониже, моментъ стихійнаго ужаса и—начнется то другое, что называется смертью.

Медленно покачалъ головою.

— Глупости.

Съ отвращеніемъ отодвинулся отъ перила.

Заложивъ солидно руки за спину, онъ началъ расхаживать по мосту, поглядывая на рѣдкихъ прохожихъ.

Въ монастырѣ за рѣкой отзвонили послѣдній звонъ, ритмично и вяло. Сегодня тамъ храмовой праздникъ.

Послѣдній звукъ замеръ надорванно и грустно.

Теперь только изрѣдка слышались отрывистые гудки пароходовъ. Далеко, по всему темному рѣчному пространству, удваивавшему разноцвѣтные фонарики пароходовъ и сторожевыхъ огней, совершалось медленное, но безостановочное и жуткое ночное движеніе.

Онъ стоялъ, прислушиваясь, пока колокольные часы не пробили гдѣ-то девять. Тогда онъ медленно пошелъ на набережную. Здѣсь уже движеніе публики затихло. Только сидѣли кое-гдѣ оборванцы, да прошли, пряча лица и отворачиваясь, двѣ-три влюбленныя пары.

«Смѣшно и странно», — подумалъ Роговъ: — «Чего я здѣсь и что намѣренъ ей сказать?»

Но тотчасъ же опять отогналъ эту мысль и началъ ходить.

«Если придетъ, то придетъ раньше», — думалось ему: — «Скажу, что пришелъ проститься, передъ отъѣздомъ въ монастырь», — наконецъ рѣшилъ онъ.

Нѣсколько разъ онъ вынималъ часы и, освѣщая ихъ спичкой, разглядывалъ время. Но стрѣлки двигались медленно, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ ждалъ ее у себя въ квартирѣ.

И вдругъ его охватилъ страхъ, безпредметный и настойчивый.

«Но вѣдь я же почти увѣренъ, что она не придетъ», — убѣждалъ онъ себя.

«А вдругъ придетъ!»

И тогда дѣлалось еще болѣе страшно.

Стараясь не думать, онъ опять ходилъ и смотрѣлъ вдоль поверхности рѣки, потомъ, увидя человѣка, перегнувшагося черезъ рѣшотку набережной и внимательно смотрѣвшаго вдаль,

подошелъ, облокотился рядомъ и, сдерживая волненіе, заговорилъ о погодѣ.

Человѣкъ былъ въ поношенномъ платьѣ, старый. Отъ него пахло махоркой.

— Гуляете? — спросилъ онъ Рогова и продолжалъ, съ уваженіемъ разглядывая его крупную фигуру: — Кто гуляетъ по ночамъ, а кому и переночевать негдѣ.

Роговъ сунулъ ему монету, и они разговорились. Интересы человѣка вертѣлись около рѣки и ея заработковъ. Онъ говорилъ о себѣ вяло, долго и непонятно, называя много неизвѣстныхъ именъ, которыхъ, по его мнѣнію, Роговъ не могъ не знать.

Нѣсколько разъ Роговъ хотѣлъ взглянуть на часы и боялся. Потомъ не вытерпѣлъ и взглянулъ. Ему показалось, что уже четверть одиннадцатаго.

— Что это? Неужели? — вскрикнулъ онъ.

Руки его дрожали.

— Безъ четверти десять, — сказалъ человѣкъ, тоже заглянувъ ему въ часы: — Да и на колокольнѣ еще не било. Эхъ, вы... Должно, опоздать боитесь.

Но Роговъ уже смѣялся надъ собой.

— Ну, прощайте.

Онъ быстро пошелъ по набережной.

«Конечно же, она придетъ. Именно такимъ тономъ она сказала ему на прощанье: приду!».

Онъ отыскалъ знакомую скамью и, когда на нее сѣлъ, окончательно увѣрился въ томъ, что она придетъ, и странно успокоился.

Все было такое же, какъ вчера, только погода была сухая и теплая. Онъ пробовалъ считать, но не выдерживалъ, путался и бросалъ.

Вдругъ раздался скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, первый ударъ колокола. Онъ началъ считать, но удары падали медленно, и послѣ четвертаго сбился: не то это пятый, не то шестой. Принялъ, что шестой и вышло одиннадцать. Но часы показывали безъ пяти минутъ десять. Онъ улыбнулся самъ надъ собою и началъ ходить.

Ходилъ безъ мысли, считая, сколько разъ прошелъ эту часть набережной, останавливался и опять начиналъ ходить.

Вывелъ его изъ этого состоянія знакомый голосъ того человѣка, съ которымъ онъ стоялъ у рѣшотки набережной и разговаривалъ.

Человѣкъ былъ уже, повидимому, пьянъ. Онъ остановился, въ упоръ поглядѣлъ на Рогова, качнулся назадъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ этомъ направленіи, чтобы не упасть, и пробурчалъ:

— Пастыри и учители.

«На мои деньги», — подумалось Рогову. Онъ сообразилъ, что теперь уже поздно ждать Таисію, съ отвращеніемъ посмотрѣлъ на пьянаго и пошелъ.

И лишь только свернулъ съ набережной, его охватило прежнее спокойствіе. «Надо будетъ что-нибудь придумать для объясненія своего отсутствія», — подумалъ онъ о женѣ, но вдругъ сдѣлалось такъ скучно, что онъ даже остановился, снялъ шляпу и вытеръ лобъ платкомъ.

О чемъ ему съ нею говорить дальше? И почему они не хотятъ, чтобы онъ ѣхалъ въ монастырь? Исидоръ зналъ лучше всѣхъ другихъ, что ему было теперь нужно. Но они хотятъ другого.

Ему представились упрямыя, озабоченныя лица Зои, тестя и тещи.

Надо было все-таки итти, и онъ шелъ медленно, шагъ за шагомъ, безпрестанно останавливаясь и выбирая самые пустынные переулки.

«Боже, и до чего глупо!» Вспомнилось, какъ онъ ожидалъ сейчасъ на набережной Таисію и какъ сидѣлъ съ нею вчера вечеромъ. какъ она озябла, куталась и говорила ему, что придетъ, такимъ голосомъ, которому нельзя было вѣрить, а онъ заставлялъ себя вѣрить.

И вотъ все это кончилось.

Въ воротахъ училища онъ остановился еще разъ.

«Если бы вышла Зоя», — подумалось ему съ тоской: — Или теща, или хотя бы кто-нибудь».

Но во дворѣ было тихо, какъ и тогда, когда онъ ожидалъ Таисію. Но тогда ему мѣшала Глаша. Хотя бы вышла сейчасъ она или кто-нибудь еще... Хотя бы...

Въ тоскѣ онъ подошелъ къ двери. Въ комнатахъ былъ

огонь, но только въ дальнихъ комнатахъ: значитъ, сидѣли въ столовой. Хотѣлось поглядѣть, и не могъ. Постоялъ еще, весь ожидая, что кто-нибудь все-таки выйдетъ, и вдругъ повернулся и рѣшительно пошелъ къ черному выходу, откуда велъ подъемъ на чердакъ. Сначала шелъ, а потомъ побѣжалъ, радуясь, что никого нѣтъ и никто не видитъ, какъ онъ бѣжитъ.

И когда побѣжалъ, все показалось такъ просто и понятно. Все время искалъ рѣшенія, а рѣшеніе было тутъ, возлѣ...

Ощупью онъ быстро поднимался по темной, узкой лѣстницѣ. Пахло нежилымъ, ветхимъ помѣщеніемъ. Онъ вспомнилъ, какъ на пасхальной недѣлѣ лазилъ съ Иваномъ Степановичемъ вмѣстѣ по чердаку. Тогда еще у него была эта странная потребность самообмана. Сейчасъ онъ ступалъ твердо, отдавая себѣ отчетъ въ каждой мысли, въ каждомъ движеніи. Отчего не вышла Зоя или еще кто-нибудь? Самъ по себѣ онъ жить уже не могъ. Но было жаль Зои.

Передъ входомъ на чердакъ остановился. Можетъ-быть, все-таки кто-нибудь услышитъ, какъ онъ сюда прошелъ.

И тотчасъ же слабый женскій голосъ спросилъ снизу:

— Кто тамъ?

Роговъ, притаившись, молчалъ.

Дверь внизу со стукомъ захлопнулась. Теперь уже конецъ. Онъ попробовалъ рукою входъ на чердакъ. Онъ былъ не запертъ. Пріотворилъ. Запахло пылью, застоявшимся тепломъ и вѣтромъ. Было темно и свободно. Если угодно, онъ могъ смѣяться или рыдать.

Вошелъ, медленно подвигаясь, чувствуя движеніе чего-то живого подъ ногами. Это — голуби. Сонные, они выпархиваютъ изъ-подъ ногъ и осѣдаютъ тутъ же во мракѣ. Тянетъ тепломъ отъ печныхъ трубъ, и Рогову кажется, что это — дыханіе дома, тепло его души. Здѣсь, высоко надо всѣмъ, онъ не чувствуетъ ни горечи, ни злобы, а только дуновеніе теплой ласки. Здѣсь, высоко надо всѣмъ, нѣтъ ни зависти, ни предательства, ни порока, а есть только все понимающая и прощающая человѣческая душа. И онъ чувствуетъ молчаливое присутствіе ея высоко надо всѣмъ.

И самъ онъ здѣсь стоитъ уже не тотъ, прежній, вчерашній, и даже не сегодняшній, тотъ, который гулялъ, напримѣръ, вече-

ромъ по набережной, а какой-то другой, завтрашній, но котораго завтра уже не будетъ. «Завтрашній» потому, что завтра его поймутъ, завтра простятъ, завтра онъ будетъ свободенъ отъ вины, злобы и подозрѣній. Какъ хорошо! Вѣдь, это же непремѣнно будетъ такъ. Онъ вытеръ рукой набѣжавшія слезы.

Прислушивается. Ему чудится многоголосый, сдавленный гулъ и движеніе подъ ногами огромнаго человѣческаго муравейника. Онъ ищетъ глазами выхода къ ночному небу, но всюду— ровный мракъ. Нащупываетъ въ карманѣ коробокъ спичекъ и осторожно зажигаетъ одну. Ея жиденькое пламя колеблется отъ плавнаго движенія воздуха. Прямо впереди, въ отдаленіи, черный полукругъ открытаго слухового окна. Тревожно вспорхнувшій голубь снимается изъ-подъ ногъ, взметнувши облако пыли, и, свѣтлый, тонетъ въ темнотѣ окна...

Покачавъ головою, Роговъ осторожно бросаетъ потухшую спичку, потомъ начинаетъ методически, медленно разоблачаться. Онъ снимаетъ длинное духовное одѣяніе, вѣшаетъ его на стропилахъ. Оставшись въ одномъ жилетѣ и брюкахъ, протягиваетъ руки къ верху, чтобы поймать конецъ сложной системы веревокъ, опутывающихъ чердакъ. Сердце дрожитъ, но не боязнью, и руки движутся въ сладостной спокойной истомѣ. Ему хочется только въ послѣдній разъ оправдаться передъ Кѣмъ-то, въ бытіе Котораго тамъ, наверху, надъ собою и надо всѣмъ, онъ вѣрилъ всю жизнь и Кому онъ молился. И поэтому онъ говоритъ торопливо вслухъ:

— Прости... потому что Ты можешь. Прости, потому что Ты есть. Прости за то, что я слабъ... за то, что поступалъ не такъ, какъ надо... Прости.

И въ радостномъ волненіи, сквозь трепетаніе слезъ, сжимавшихъ грудь и горло, онъ зналъ, что Тотъ ему прощаетъ... А люди... люди простятъ завтра. Непремѣнно же простятъ. Какъ хорошо!

Скрипнула дверь. Почудилось, что кто-то вошелъ и стоитъ. Стоитъ и ждетъ. Жутко по спинѣ пробѣжали мурашки. Отчетливо ударяетъ сердце и пульсируютъ виски.

— Ну, — сказалъ Роговъ, укрѣпивъ зубами узелъ для петли.

Онъ торопился, боясь, что темный, наростающій ужасъ повергнетъ его въ безуміе.

— Теперь все... Въ сущности, какъ просто.

Онъ остановился, испугавшись этой мысли. Но темный ужасъ толкалъ. Дверь скрипнула снова. Печально онъ подумалъ, что уже не можетъ спасти себя... Гдѣ-то тихое мерцаніе лампы... Тамъ сидитъ Зоя... Она не знаетъ ничего, ждетъ его и томится. А онъ безсиленъ. Жаль! О, жаль! Отчего все произошло такъ? Но довольно... Было только поскорѣе.

Онъ поискалъ опоры для ногъ...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Только черезъ день, послѣ тщетныхъ поисковъ, его нашли висящимъ на чердакѣ. Неестественно вытянутый, онъ былъ огроменъ и страшенъ въ этой огромности. И тѣ, кто его снимали съ перекладины и клали на землю, ужасались тому, что видѣли, и тому, что сдѣлалъ онъ надъ собою. И когда о его кончинѣ узнали въ городѣ, то не было человѣка, который бы не сказалъ:

— Какъ жаль, что онъ такъ поторопился.

...А въ маленькомъ мезонинѣ дома своего отца, дьякона Воздвиженской церкви, сидѣла глубокою ночью Покровская съ заплаканными глазами и писала въ своемъ дневникѣ:

— Теперь уже никто его не осудитъ. Теперь онъ «правъ». Но если бы онъ былъ по тому же дѣлу отданъ при жизни подъ судъ, то, навѣрное, былъ бы обвиненъ. Его бы судили, какъ за убійство, и наказали бы, точно каторжника. Его судили бы тѣ, кто вовсе не лучше, а, можетъ-быть, даже хуже. Почему же вы удивляетесь теперь, что онъ захотѣлъ избѣжать вашего суда? Вѣдь вамъ необходимо было возмездіе? Теперь вы получили его. Вы можете продолжать жить спокойно. Ваши семейные очаги стоятъ твердо. Порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ. Каждое утро изъ трубъ этихъ вашихъ прекрасныхъ очаговъ возносится къ небесамъ кощунній дымъ. Вы можете жить спокойно. Кто-то думаетъ и страдаетъ за васъ. Кто-то думаетъ, живетъ и расплачивается своею жизнью. Онъ ищетъ новыхъ путей, и за

это погибаетъ. И, начиная жизнь, я вписываю эту первую траурную строку. *Можетъ быть, я мало знала Алексѣя Федоровича, чтобы о немъ судить, но размышляя теперь о немъ издалека, я знаю, что хороню вмѣстѣ съ нимъ мое первое и искреннее увлеченіе настоящимъ человѣкомъ, который былъ для меня идеаломъ.* Идеаломъ! Какъ громко и чисто «по-епархіальному» это звучитъ. Но я не хочу вычеркнуть этого слова. Я говорю не о томъ, чѣмъ онъ былъ, но о томъ, чѣмъ онъ могъ быть. Да, у него были порывы. Онъ не былъ зауряденъ, но жизнь замкнула его въ тѣсный кругъ. Онъ не нашелъ отзвука своей душѣ. Я сама вышла изъ той же среды. Скромная епархіалка, я хотѣла бы красоты, простора и свѣта, словомъ, всего того, о чемъ мы мечтаемъ въ нашей юности и что, вѣроятно, никогда не сбывается въ нашей жизни. Сегодня мнѣ кажется, что я хороню мою молодость. Я бѣгала смотрѣть на кладбище, какъ опустили Алексѣя Федоровича въ землю. Можетъ-быть, я переживу благополучно крушеніе первой моей любви, любви несмѣлой и незамѣтной. Но если это такъ, я унесу навсегда въ мое туманное будущее его свѣтлый, чистый и не запятнанный образъ.

Уже въ окнахъ голубѣлъ разсвѣтъ, и лампа казалась больнымъ, желтымъ пятномъ, когда некрасивая дѣвушка съ разбившейся прической, роняя крупныя слезы на пухлыя страницы дневника, дописывала послѣднія строчки:

— О, сѣрые, нудные люди, которые гордитесь вашими законами и вашею моралью. Почему среди васъ нѣту мѣста для тѣхъ, кто не можетъ жить по вашему шаблону? Вы убиваете вашимъ молчаніемъ, взглядомъ глазъ, еще раньше, чѣмъ рукою вашихъ палачей. Вашъ приговоръ въ замкнутомъ ледяномъ молчаніи. И горе тому, кто пойдетъ противъ васъ! Напрасно онъ будетъ взывать о сочувствіи къ себѣ. Для него закрываются, какъ двери вашихъ сердецъ, такъ и безусловно двери вашихъ домовъ. И тогда этому человѣку остается только искать смерти. Но вы такъ великодушны! Послѣ смерти вы иногда дарите ваше прощеніе, и надъ безвременной могилой «усопшаго раба Божьяго Алексѣя» вы склонны принять сантиментально-умилительную позу и изречь вашъ пошло-лицемѣрный и ненавистный мнѣ послѣдній вашъ приговоръ:

«Да, онъ сумѣлъ смертью искупить свое заблужденіе и потому можетъ разсчитывать на наше великодушное отношеніе къ своей памяти. Мы помнимъ то хорошее, что онъ совершилъ, и отъ души прощаемъ ему его ошибки». Но ошибаетесь, ничтожные и сѣрые:

— Вами казненный не нуждается въ вашемъ оправданіи!

Того же автора.

Собраніе сочиненій, тт. I, II и III, изд. „Шиповникъ", по 1 руб. 25 коп.

Молодые годы Долецкаго, романъ, изданіе „Польза" В. Антикъ, ц. 75 коп. въ переплетѣ.

Пошлость, и др. разсказы, изд. „Универсальной библіотеки" В. Антикъ, ц. 10 коп.

Маскарадъ чувства, романъ, изд. 2-ое „Московск. Книгоизд." ц. 1 руб. 50 коп.

Часъ насталъ, романъ, изд. „Наши дни", ц. 1 р. 25 к.

Синяя борода, романъ, изд. 2-ое „Современныя Проблемы", ц. 1 руб. 50 коп.

Случайная женщина, романъ, изд. „Современныя Проблемы", ц. 1 р. 50 коп.

Душа женщины, разсказы. Изд. „Современная библіотека", ц. 1 р.

Наша молодежь, очерки и разсказы. Изд. „Современная библіотека". (Печатается).

D7 409

Date Due

DEC 13 1968			
JAN			

Demco-293

THE OHIO STATE UNIVERSITY LIBRARIES

THE OHIO STATE UNIVERSITY LIBRARIES

The Ohio State University
3 2435 00410 8148
PG3470S27V31915 001
VAMI KAZNENNYI

THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY
D AISLE SECT SHLF SIDE POS ITEM C
8 08 18 09 7 02 008 7